

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)**

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 5

ИСТОРИЯ

2023 – 2

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 5.2

DOI: 10.31249/rhist/2023.02.00

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Отдел истории

Редакционная коллегия серии «История»:

*И.К. Богомол*ов – главный редактор, канд. ист. наук (ИНИОН РАН);
Т.Б. Уварова – зам. главного редактора, д-р ист. наук (ИНИОН РАН, профессор ЦСА РГГУ); *О.Л. Александри* – ответственный секретарь (ИНИОН РАН);
И.Е. Андронов – д-р ист. наук (профессор МГУ); *А.А. Анисимова* – канд. ист. наук (ИВИ РАН, доцент ГАУГН); *В.Н. Бабенко* – д-р ист. наук (профессор ЦНИ ВГУЮ); *Д.М. Бондаренко* – чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (зам. директора по науке Института Африки РАН); *А.Ю. Ватлин* – д-р ист. наук (профессор МГУ); *Е.Н. Емельянова* – канд. ист. наук (ИНИОН РАН, доцент ГСГУ);
Дж. Лами – профессор (Миланский государственный университет, Италия);
В.П. Любин – д-р ист. наук (ИНИОН РАН); *А.Е. Медовичев* – ведущ. редактор (ИНИОН РАН); *Т.М. Фадеева* – канд. ист. наук (ИНИОН РАН), *В.М. Шевырин* – канд. ист. наук (независимый эксперт).

ISSN 2219-875X

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-80873 от 21.04.2021

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература». Серия 5: «История» = Information and analytical journal «Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature». Series 5: «History». Входит в базы цитирования: РИНЦ, Google Scholar, East Europe & Central Europe Database компании ProQuest, Ulrichs Periodicals Directory, базы данных Российской государственной библиотеки, Russian Academy of Sciences Bibliographies, библиографические базы данных ИНИОН РАН. Полнотекстовая версия журнала с 2016 г. размещается в базах данных серии Ultimates компании EBSCO Publishing на платформе EBSCOhost.

© ИНИОН РАН, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Пушкарёва И.М., Хайлова Н.Б. Либеральный центризм в России начала XX в. (историографический аспект). Часть 1	7
Фадеева Т.М. Из истории становления институций гуманитарного знания в России (конец XVIII – XIX в.). А.М. Раевская и Московский публичный и Румянцевский музеи	29
Дунаева Ю.В. Научное творчество Н.И. Кареева. Историографическая статья. Часть 1	52
Братание в армиях Юго-Западного фронта в 1917 г. (автор-составитель С.В. Курицын). Часть 1	77

ОБЗОРЫ

Гуськов А.Г., Киселев М.А., Тихонов В.В. Петровская эпоха на страницах журнала <i>Quaestio Rossica</i> (2013–2019)	134
Воробьева Э.А. Сибирь и Дальний Восток в Русско-японскую войну: к историографии вопроса	158
Петрухина Д.В. Предметы гардероба и интерьера в эпоху раннего Нового времени: идентичности и стереотипы	171

РЕЦЕНЗИИ

Дунаева Ю.В. <i>Рец. на кн.: Кузнецов В.Н. В огне Гражданской войны (политические партии в Симбирской губернии в 1918 году)</i>	184
Миц М.М. <i>Рец. на кн.: Vincent M. Criminal subculture in the Gulag: prisoner society in the Stalinist labour camps, 1924–53. (Винсент М. Криминальная субкультура ГУЛАГа: сообщество заключенных в сталинских трудовых лагерях, 1924–1953)</i>	191

Любин В.П. <i>Рецензия на кн.: Хавкин Б., Божик К. Российское зеркало германской истории XX век</i>	197
---	-----

РЕФЕРАТЫ

Восстание в Тюмени 13 марта 1919 года. Сборник документов	204
Анархистские движения России и русского зарубежья: Документы и материалы. 1922–1941 гг.	207
Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 гг.	211
Хайнцен Дж. Советские предприниматели в теневой экономике позднего социализма: «киргизское дело»	219
Кинкер Д.П., Бэмбергер Б. Чаевые, премии или взятки: аморальная экономика сферы обслуживания в советские 1960-е .	222
Руденко О. Создание советского героя: пример Спартака	225
Хейстингс М. Вьетнам: история трагедии: 1945–1975	227
Хууско С. Репрезентация эвенков и эвенкийской культуры в районном музее	234

ЖИЗНЬ НАУКИ

XVII Крымские Воронцовские научные чтения «Воронцовы и русское дворянство: между Западом и Востоком» и XV Крымские научные чтения «Мир усадебной культуры», Крым, Алупка, 27–28 сентября 2022 г.	239
VII Межрегиональная научно-практическая конференция «Библиотека – хранитель и проводник культурно-исторического наследия». Севастополь, 7–8 сентября 2022 г.	243
Всероссийская научно-практическая конференция «Россия: единство и многообразие». Москва, 16–17 ноября 2022 г.	247

CONTENTS

ARTICLES

Pushkareva I.M., Hailova N.B. Liberal centrism in Russia in the early twentieth century (historiographical aspect). Part 1	7
Fadeeva T.M. From the history of formation of humanitarian knowledge institutions in Russia (late XVIII – XIX centuries). A.M. Rayevskaya and the Moscow public and Rumyantsev museums	29
Dunaeva Yu.V. Scientific creativity N.I. Kareev. Historiographical article. Part 1	52
Fraternization in the armies of the Southwestern Front in 1917 (contributing author Kuritsyn S.V.)	77

OVERVIEWS

Guskov A.G., Kiselev M.A., Tikhonov V.V. Peter the Great epoch on the pages of the journal “Quaestio Rossica” (2013–2019)	134
Vorobyeva E.A. Siberia and the Far East in the Russo-japanese war: towards a historiography of the question	158
Petrukhina D.V. Wardrobe and interior items in the Early Modern times: identities and stereotypes	171

REVIEWS

Dunaeva Y.V. <i>Rev. ad. op.</i> : Kuznetsov V.N. In the fire of the Civil War (political parties in the Simbirsk province in 1918)	184
Mintz M.M. <i>Rev. ad. op.</i> : Vincent M. Criminal subculture in the Gulag: prisoner society in the Stalinist labour camps, 1924–53 ..	191
Lubin V.P. <i>Rev. ad. op.</i> : Havkin B., Bozhik K. Russian mirror of German history of the twentieth century	197

ABSTRACTS

Revolt in Tyumen on the 13th of March 1919. Collection of documents	204
Anarchist Movements in Russia and the Russian Diaspora: Documents and Materials. 1922–1941	207
Tuz A. The world flood. The Great war and the reason of the world age, 1916–1931	211
Heinzen J. Soviet entrepreneurs in the late socialist shadow economy: the case of the Kyrgyz Affair	219
Koenker D.P., Bamberger B. Tips, bonuses, or bribes: the immoral economy of service work in the Soviet 1960s	222
Rudenko O. The making of a Soviet hero: the case of Spartacus	225
Heistings M. Vietnam: an epic tragedy: 1945–1975	227
Huusko S. The representation of the Evenkis and the evenki culture by a local community museum	234

LIFE OF SCIENCE

XVII Crimean Vorontsov Scientific Readings “The Vorontsovs and the Russian Nobility: Between West and East” and XV Crimean Scientific Readings “The World of Estate Culture”, Crimea, Alupka, 27–28 September 2022.....	239
VIIth inter-regional scientific and practical conference “Library – custodian and conductor of cultural and historical heritage”. Sevastopol, 7–8 September 2022	243
All-Russian Scientific and Practical Conference “Russia: Unity and Diversity”. Moscow, November 16–17, 2022	247

СТАТЬИ

УДК 303.446.4; 329.12; 94(47).083 DOI: 10.31249/hist/2023.02.01

ПУШКАРЕВА И.М.*, ХАЙЛОВА Н.Б.** ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТРИЗМ В РОССИИ НАЧАЛА XX в. (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ). Часть 1.

Аннотация. В центре внимания авторов статьи – освещение проблемы российского либерального центризма начала XX в. в публикациях начала 1900-х – 1980-х годов. Речь идет об осмыслении упомянутого явления современниками, а впоследствии – советскими и зарубежными исследователями. Отмечается особый интерес к таким политическим организациям либералов-центристов, как Партия демократических реформ, Партия мирного обновления, фракция прогрессистов в III и IV Думе, а также одноименная партия, образованная в 1912 г. Подчеркивается, что несмотря на устойчивость ряда стереотипов и негативных оценочных коннотаций, к 1917 г. происходили позитивные перемены в восприятии либералов-центристов. Обоснован также вывод о том, что господство идеологического диктата в советский период не смогло остановить процесс приращения научного знания, особенно заметный в хрущевскую «оттепель». Проанализирована роль советских историков 1970–1980-х годов в подготовке историографического прорыва 1990-х годов в изучении российской многопартийности начала XX в. (в том числе проблемы центризма в российском ли-

* © Пушкарева Ирина Михайловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН,

** © Хайлова Нина Борисовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, e-mail: nkhaiлова@yandex.ru

берализме). Оценен вклад англо-американской историографии в разработку темы.

Ключевые слова: центризм в российском либерализме начала XX в.; Партия демократических реформ; Партия мирного обновления; фракция прогрессистов в III и IV Думе; Партия прогрессистов; советская и зарубежная историография российского либерализма начала XX в.

PUSHKAREVA I.M., HAILOVA N.B. Liberal centrism in Russia in the early twentieth century (historiographical aspect). Part 1

Abstract. The focus of the authors is the coverage of the problem of Russian liberal centrism at the beginning of the 20th century in publications of the early 1900s – 1980s. The article is about the comprehension of the mentioned phenomenon by contemporaries, as well as by Soviet and foreign researchers. It is noted that special interest was shown in such political organizations of liberal-centrists as: the Party of Democratic Reforms, the Party of Peaceful Renewal, the faction of Progressives in the III and IV Duma, as well as the party of the same name, formed in 1912. It is emphasized that despite the stability of a number of stereotypes and negative evaluative connotations, by 1917 there were positive changes in the perception of liberal-centrists. The conclusion is also substantiated that the domination of the ideological dictate in the Soviet period could not stop the process of increment of scientific knowledge, especially noticeable during the Khrushchev “thaw”. The role of Soviet historians of the 1970s-1980s in preparation for the historiographical breakthrough of the 1990s in the study of the Russian multi-party system of the early 20th century (including the problem of centrism in Russian liberalism) is analyzed. The contribution of Anglo-American historiography to the development of the topic is evaluated.

Keywords: centrism in Russian liberalism of the early 20th century; the party of Democratic Reforms; the Party of Peaceful Renewal; the faction of progressives in the III and IV Duma; the Party of Progressives; Soviet and foreign historiography of Russian liberalism in the early 20th century.

Для цитирования: Пушкарева И.М., Хайлова Н.Б. Либеральный центризм в России начала XX в. (историографический аспект). Ч. 1. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 2. – С. 7–28. DOI: 10.31249/hist/2023.02.01

Мысль о многообразии как основе гармонии известна с античных времен. Однако эта истина до сих пор с трудом приживается в историографии политических партий и общественного движения. Исследователю нелегко отрешиться от однолинейных суждений и принять многоцветие жизни. Редко удавалось это и современникам политических баталий в России начала XX столетия. Среди исключений подобного рода – деятели, которые в период революции 1905–1907 гг. идейно и организационно обозначили центр в либеральном лагере (условно между кадетами и октябристами). «Центристы», несмотря на некоторые внутренние разногласия, сохраняли преемственность во взглядах на партийное строительство, стратегию и тактику преобразований. Основные вехи эволюции либерального центризма – это Партия демократических реформ (ПДР), основанная на платформе старейших российских либеральных изданий – журнала «Вестник Европы» и газеты «Русские ведомости»; Партия мирного обновления (ПМО), организатором которой в I Думе стал граф П.А. Гейден; фракция прогрессистов (во главе с И.Н. Ефремовым) в III и IV Думе и одноименная партия (где особая роль принадлежала московским промышленникам круга П.П. Рябушинского). «Срединное» течение в российском либерализме начала XX в. последовательно упрочивало свои позиции.

Активное участие лидеров либералов-центристов в общественно-политическом процессе вплоть до октября 1917 г. привлекало внимание современников, а впоследствии – исследователей. В результате сложилась противоречивая ситуация. С одной стороны, проблема центризма в российском либерализме начала XX в. до недавнего времени не была предметом специального исследования. Вместе с тем первые опыты фиксации и анализа упомянутого явления относятся уже к концу 1905 – началу 1906 г., когда организации либерального центра (партии, союзы, клубы и т.д.) вышли на политическую сцену.

Начальный («публицистический») цикл в осмыслении феномена либерального центризма представлен в брошюрах «общедоступного» содержания (просветительского и партийно-пропагандистского характера), а также разного рода справочных изданиях. Стимулом для их появления стали избирательные кампании в Государственную думу I–IV созывов. По этим публикациям можно проследить динамику становления российской многопартийности, убедиться в подвижности границ либерального лагеря (как внешних, так и внутри него). Авторы стремились представить заинтересованному читателю систематический обзор всех более или менее заметных организаций с учетом оттенков и полутонов политической картины. Такой подход в ряде случаев позволил выделить особую группу участников политической жизни – либералов-центристов, определить их позицию в партийном спектре как «срединную» между кадетами и октябристами [10, с. 616; 17, с. 15; 34, с. 63, 207, 254] и др.

Свидетели российской смуты начала XX в. отмечали родовую черту центристов из либерального лагеря, определившую их организационное обособление. Акцентируя близость взглядов демреформаторов к Конституционно-демократической партии, а мирнообновленцев – к «Союзу 17 октября», авторы аналитических обзоров обращали внимание на главный показатель «умеренности» ПДР и ПМО – исключительную приверженность идее «мирного обновления», безусловное осуждение всех видов внеправового насилия и принуждения как пути решения социально-политических проблем. В публикациях 1906–1917 гг. представлены попытки классификации и оценки перспектив не только ПДР и ПМО, но и шлейфа партий, союзов, клубов и т.д., располагавшихся в русле «срединного» течения в российском либерализме начала XX в. или в непосредственной близости от него.

Современники объясняли притяжение демреформаторов и мирнообновленцев к партийным полюсам либерального лагеря не только пересечениями программных установок либералов, но и самим фактом происхождения ПДР и ПМО (первой – от Конституционно-демократической партии, второй – от «Союза 17 октября»). Однако если случай с основателями ПМО (П.А. Гейден, М.А. Стахович), бывшими лидерами октябристов, подтверждает данный вывод, то мнение о демреформаторах как «группе, отде-

лившейся от конституционалистов-демократов», сложившееся еще в 1906 г. [34, с. 207; 30, с. 136], противоречит историческим фактам. Подобная трактовка организационных истоков ПДР, позднее освященная идейным авторитетом В.И. Ленина, перекочевала в советскую историографию и бытует до сих пор. Видных демреформаторов, в частности М.М. Ковалевского, князя С.Д. Урусова, нередко продолжают называть кадетами. Истоки такой традиции объяснимы: «летописцы» событий основывались на сходстве взглядов конституционалистов-демократов и их ближайших «соседей» по «левому центру», не углубляясь в исследование корней либерального центризма. Обстановка напряженного противостояния политических сил ставила перед ними иные задачи.

Значительное своеобразие российского партогенеза (и феномена политического центризма), а также недостаточная разработанность соответствующей теоретической базы, – все это в 1906 г. и далее, вплоть до 1917 г., влияло на разноречивые оценки сущности (идейной и организационной) политических структур либералов-центристов. Современники характеризовали их объединения как «умеренно-либеральные», по-разному расставляя акценты в этом определении («конституционно-монархические», «конституционно-демократические», «либерально-демократические») [17, с. 15; 34, с. 4–6; 35, с. 3, 7–22; 8, с. 20–25]. Преобладала трактовка либералов-центристов как составной части «левого центра», ядром которого являлась Конституционно-демократическая партия. Подобная классификация совпадала в целом с самоидентификацией идеологов либерально-центристского течения.

Спектр восприятия современниками либералов-центристов в период революции 1905–1907 гг. характеризовался значительной широтой – от сочувствия и принципиально-деловой критики¹ до откровенных насмешек и оскорбительно-уничижительных суждений. Последнее было особенно характерно для прессы крайних политических сил – большевиков² и монархистов черносотенного

¹ Подобный настрой в отношении либералов-центристов, несмотря на остроту межпартийной полемики, встречался на страницах кадетско-октябристских изданий, прессы умеренных социалистов (меньшевиков, энесов).

² Предложенная В.И. Лениным классификация политических партий в целом адекватно отражала расстановку политических сил в период революции 1905–1907 гг. Лидер большевиков включал ПМО, ПДР, Партию «свободомысля-

толка¹. Расхожее мнение по поводу организаций либерально-центристской направленности сводилось к тому, что эти политические группировки, немногочисленные и преимущественно интеллигентские по своему составу, «не приобрели сколько-нибудь значительного влияния и распространенности», носили «отвлеченный, чисто кабинетный характер» [8, с. 20, 24]. «Партия эта представляет лишь теоретический интерес, как материал для ознакомления с различными течениями русской политической мысли, но самостоятельного значения в деле формирования партий не имеет и иметь не будет» [8, с. 24], – этот отзыв о Партии «свободомыслящих», содержащийся в брошюре Л.М. Василевского, можно считать типичным для восприятия либералов-центристов в обществе.

Однако констатация якобы «бесперспективности» либерального центризма не помешала некоторым современникам отметить

щих» в перечень «сколько-нибудь значительных партий», помещая первые две из упомянутых организаций либералов-центристов между октябристами и кадетами, а «свободомыслящих» – левее кадетов. Отмечая родство кадетов и октябристов, Ленин еще в сентябре 1906 г. предвидел неизбежность в будущем «образования крупной и “деловой” либерально-буржуазной партии». Он определял конституционных демократов и их «сателлитов» как «либерально-монархические партии левого крыла». Характеризуя кадетов как «самостоятельный политический тип», Ленин считал вышеназванные малые партии «не более, как совершенно ничтожным ответвлением» от Партии народной свободы [26, с. 233; 24, с. 22, 24–25, 27]. Упоминание Лениным лидеров либералов-центристов и их политических организаций в одной «связке» с прочими «защитниками интересов либеральной буржуазии, либеральных помещиков, купцов и капиталистов, пошедших на сделку с самодержавием против народной свободы» не раз сопровождалось хлесткими эпитетами. Так, в полемическом задоре лидер большевиков называл организаторов ПДР «педераками», а М.М. Ковалевского – «краснобаем либерализма», «давным-давно стоящим одной ногой в реакционном лагере» [25, с. 112–113; 21, с. 107; 22, с. 245; 23, с. 76]. В основе подобного отношения ко всем конституционалистам – неприятие крайними левыми радикалами идеи «мирного обновления», убежденность в том, что реформы являются лишь побочным продуктом классовой борьбы революционного пролетариата.

¹ К примеру, немало шаржей, анекдотов, сатирических фельетонов, объектами которых были российские либералы, можно найти на страницах журнала «Плювиум». Лидеры ПДР и ПМО представлены как тщеславные, политически не самостоятельные люди, их взгляды – как беспочвенные, а деятельность – безрезультатная (Плювиум. 1906. 28 октября. № 4; там же. 25 ноября. № 8; там же. 30 декабря. № 13; там же. 1907. 27 января. № 17; там же. 17 марта. № 24; там же. 31 марта. № 26; и др.).

особую значимость этого явления. В частности, указывалось на приоритет ПДР в разработке аграрной программы, основы которой были заимствованы кадетами [66]. Подчеркивалось заметное влияние идейной платформы ПДР и на формирование взглядов ряда либерально-центристских объединений [42, с. 6, 34]¹, что, впрочем, не препятствовало последним сохранять свою индивидуальность. Замечая, что программы ПДР и ПМО не носили «резко обособленного характера», современники тем не менее обращали внимание на существенное отличие позиции мирнообновленцев по аграрному вопросу – их гораздо более заметное и определенное «сочувствие» принципу частной собственности. Выделялся также особый (в отличие не только от кадетов, но также соратников по либерально-центристскому «лагерю») акцент в программе Партии «свободомыслящих». Это – мысль о первостепенности «коренных культурно-просветительных реформ» [8, с. 24].

Поводом для сохранения (вплоть до 1917 г.) интереса к проявлениям либерального центризма служила, прежде всего, заметная роль лидеров ПДР (М.М. Ковалевский, В.Д. Кузьмин-Караваев) и ПМО (гр. П.А. Гейден) в становлении российского парламентаризма в период революции 1905–1907 гг. (особенно их деятельность в I Думе). Характерен, в частности, отзыв о «депреформаторах», принадлежащий А.Д. Зиновьеву, петербургскому губернатору в 1903–1911 гг. Оценивая организаторов ПДР как «талантливых утопистов-фантазеров», решающих все злободневные вопросы русской жизни на основе «абсолютной справедливости», он вовсе не исключал отношения к этой партии как к «серьезной группе» [16, с. 3, 17]. Ряд авторов (в частности, кн. Е.Н. Трубецкой, В.В. Водовозов, Л.З. Слонимский) в статьях 1907–1915 гг. акцентировали внимание на обоснованном характере содержания программы ПДР, объясняли ее возникновение особенностями исторического пути России, а также своеобразием развития российской общественной мысли [32, с. 848–849]².

Укрепление парламентских и внепарламентских позиций прогрессизма накануне и в годы Первой мировой войны способ-

¹ Вестник Европы. – 1906. – № 12. – С. 808; Страна. – 1906. – № 251, 30 декабря; и др.

² См.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 1072. Т. XIII. Л. 130 об.

ствовало позитивным переменам в восприятии либералов-центристов. Примечательно, что в марте 1917 г. в одном из обзоров «некоторых фактических итогов» развития российской многопартийности партии либералов-центристов (ПДР «с примкнувшей к ней Умеренно-прогрессивной партией», Партия «свободомыслящих» и Партия прогрессистов) были включены в число «всех скольконибудь значительных политических группировок» [35, с. 3, 7–22]. Партия прогрессистов ассоциировалась главным образом с одноименной думской фракцией. При этом подчеркивалась прямая связь последней с ПМО. Таким образом, констатировалась преемственность в развитии «срединного» течения в российском либерализме. Кроме того, отмечался рост влияния прогрессистов в III и IV Думе, фиксировалась радикализация их тактики. Обращалось внимание на особую роль крупной буржуазии в становлении прогрессизма [35, с. 21, 25; 29, 17].

Завершающий этап эволюции центристского течения в российском либерализме пришелся на период от Февраля к Октябрю 1917 г. «Бывшие прогрессисты» – именно так воспринимались тогда члены Российской радикально-демократической партии, образованной в марте 1917 г. «преимущественно из лиц, принадлежавших к Партии прогрессистов». Признавался «дрейф влево» думских соратников И.Н. Ефремова – перемещение на «срединную» позицию между кадетами и социалистами [9; 15].

Очередная страница в истории России, связанная с приходом к власти большевиков и установлением всеобъемлющего диктата РКП(б) – ВКП(б), означала качественно новый этап и в развитии отечественной историографии. Согласно генеральной линии ленинских оценок, все либералы были «на одно лицо» и зачислялись в единый лагерь «буржуазной контрреволюции», априори несостоятельный и бесперспективный. Что касается партий либералов-центристов в период революции 1905–1907 гг., то характеристика их вождям большевиков как «ничтожного» явления в политической жизни (коррелировавшая с мнением, распространенным до 1917 г.) стала своего рода «черной меткой» и надолго вывела тему либерального центризма из научного дискурса. Тем более что термин «центризм» интерпретировался однозначно как идейно-политическое течение во II Интернационале, враждебное большевистским установкам на социалистическую революцию и диктатуру пролетариата.

Однако трудности в объективном освещении прошлого не смогли остановить процесс «приращения» научного знания. Предпосылкой для этого стало расширение источниковой базы. Так, в книге Б.Б. Граве, вышедшей в 1926 г., впервые были введены в научный оборот материалы из фонда Департамента полиции, отражающие участие прогрессистов в общественно-политической жизни в период Первой мировой войны, в том числе в создании Прогрессивного блока. Исследовательница представила Ефремова и его единомышленников как одну из активных сил (наряду с кадетами и октябристами), охарактеризовала деятельность прогрессистов как процесс «врастания буржуазии во власть»¹.

С 1930-х годов и на протяжении не одного десятилетия разработкой проблематики российского либерализма начала XX в. занимался Е.Д. Черменский. Еще в первом обобщающем труде историк уделил специальное внимание Умеренно-прогрессивной партии (УПП) и Партии мирного обновления (ПМО), конкретизировал взгляды их лидеров (П.П. Рябушинский, А.И. Коновалов, Д.Н. Шипов, гр. П.А. Гейден, М.А. Стахович, Н.Н. Львов, кн. Е.Н. Трубецкой и др.), в целом адекватно отразив суть упомянутых политических организаций².

¹ См.: [11, с. 267, 273, 274–297]. Впоследствии документы из упомянутого архивного фонда были опубликованы в сборнике: Буржуазия накануне Февральской революции: [Материалы архива Департамента полиции] / подг. к печати Б.Б. Граве. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1927.

² Е.Д. Черменский отмечал изначальную близость к кадетам основателей УПП, характеризуя последнюю как «партию с либеральной искрой», в отличие от «Торгово-промышленной партии с ярко-реакционной окраской». Обращая внимание на лидерский состав ПМО – «из перебежчиков с правого крыла кадетской партии (Н. Львов, кн. Е.Н. Трубецкой и др.) и левых октябристов (Шипов, Гейден, Рябушинский и др.)», – Черменский подчеркивал, что, в отличие от «Союза 17 октября», ПМО объявила себя «непримиримо-оппозиционной ко всякому антиконституционному правительству» и ввиду этого заявила об отказе поддерживать министерство П.А. Столыпина. «От кадетов мирнообновленцев отделяло отрицание каких бы то ни было соглашений с революционерами, прямое – без кадетских уверток – осуждение революционного насилия и решительный отказ от “антиконституционных” способов борьбы против правительства», каким стало инициированное кадетами Выборгское воззвание [56, с. 186, 317] и др. Близкие к оценкам Черменского выводы о сущности УПП содержались и в ряде других публикаций. См., напр.: [36, с. 31].

В 1970 г., во втором издании монографии, посвященной отношениям между буржуазией и царизмом в период революции 1905–1907 гг. [55], Черменский расширил круг источников (прежде всего, за счет архивных материалов), уточнил ряд выводов и заключений. Автором впервые был обстоятельно изложен сюжет, связанный с ПМО и расколом «Союза 17 октября» в период первого «междудумья». Более подробно, в сравнении с изданием 1939 г., историк осветил переговоры (с участием мирнообновленцев) о создании «общественного министерства» летом 1906 г. Приведенная им информация о ПДР представляла до 1990-х годов наиболее подробную справку об этой партии. Дальнейшие архивные изыскания позволили Черменскому обосновать вывод о росте влияния прогрессистов, благодаря посредничеству которых «в IV Думе оппозиционное большинство складывалось чаще, чем в III Думе» [57, с. 22].

В 1960–1970-е годы, ко времени выхода из печати последних крупных работ Черменского, советская историография пополнилась публикациями, авторам которых удалось ввести в научный оборот новые источники и расширить представление о российском либерализме, включая центристское в нем течение. Перемены стали реакцией на «оттепель» в СССР, обеспечившую доступ к некоторым ранее закрытым архивным материалам и возможность более детально изучать политическую историю России рубежа XIX–XX вв.

Особое место среди публикаций того времени занимает книга В.Я. Лаверычева – первая в советской историографии монография о прогрессистах [20]. В ней на основе солидной источниковой базы впервые обстоятельно рассмотрена роль московской буржуазии в становлении прогрессизма. Тогда же вниманию коллег и заинтересованной читательской аудитории представили свои первые обобщающие труды А.Я. Аврех и В.С. Дякин. В 1970–1980-е годы продолжив изучение сущности «третьиуньской системы», эти авторы обратились к анализу взглядов и деятельности прогрессистов в период работы III и IV Думы [4; 3; 1; 13; 14; 12]. В ходе научных дискуссий о жизнеспособности прогрессизма, специфике Партии прогрессистов, «властобоязни» либералов в 1914–1917 гг. происходил поиск подходов к объективной оценке роли либеральной оппозиции. Свою лепту в изучение прогрессизма «как политиче-

ской партии и идейного направления в русском либерализме» внес В.Н. Селецкий [45; 43; 44; 46].

Во второй половине 1960-х годов справки о партиях либералов-центристов (ПДР, ПМО, Партия прогрессистов и Партия «свободомыслящих») были включены в Советскую историческую энциклопедию [48; 49]. Отдельная статья была посвящена там М.М. Ковалевскому [47].

Несмотря на то что в отношении либералов-центристов продолжали ретранслироваться стереотипы (как дореволюционные, так и сложившиеся в советский период), тем не менее в публикациях конца 1950-х – 1960-х годов наметился отход от устоявшихся представлений и, более того, – проявилось критическое отношение к ленинским оценкам непролетарских партий¹.

В «повестку дня» советской исторической науки было поставлено изучение политического масонства, в том числе роли в нем либералов-центристов. В связи с этим отметим появление в 1959 г. в журнале «Исторический архив» публикации, подготовленной А.М. Володарской². Она первой документально установила факт, который стал тогда сенсацией: большевик И.И. Скворцов-Степанов (с санкции Ленина) неоднократно встречался с либералами, в том числе А.И. Коноваловым, одним из лидеров прогрессистов. Изучение контактов либералов и большевиков продолжил И.С. Розенталь, введя в научный оборот новые архивные источники. Результатом его научных изысканий стала статья, опубликованная в 1971 г. в журнале «История СССР» [41]. Впоследствии Розенталь внес весомый вклад в разработку проблемы соотношения масонства и политических партий, в том числе либералов-центристов [40; 37; 38; 39].

В 1973 г. знаменательным событием стало появление диссертационного исследования В.М. Шевырина о Партии мирного обновления [59]. Впоследствии автор представил и наиболее пол-

¹ Так, И.М. Маляренко подвергла сомнению ленинскую характеристику ПДР как «ничтожного ответвления от кадетов справа», обосновав свое мнение ссылкой на аграрную программу этой партии, отличавшуюся значительной «левизной» [27, с. 148].

² Ответ В.И. Ленина на письмо И.И. Скворцова-Степанова (март 1914 г.) : Документы ИМЛ при ЦК КПСС / публ. А.М. Володарской, М.В. Стешовой // Исторический архив. – 1959. – № 2. – С. 11–18.

ное «жизнеописание» гр. П.А. Гейдена, одного из основателей этой партии [61]. В 1985 г. Шевырин поддержал призыв А.Д. Степанского к коллегам-историкам заняться специальным изучением истории ПДР – предшественницы мирнообновленцев в деле «обустройства» «срединного» течения в российском либерализме начала XX в. [53, с. 8; 60, с. 35]. В 1981 г. проявлением назревшей актуальности темы либерального центризма стала также монография Н.А. Балашовой о «Московском еженедельнике», неофициальном печатном органе ПМО [5].

К упомянутой проблематике приблизился В.И. Старцев – автор фундаментального исследования, посвященного переговорам о создании в России правительства с участием общественных деятелей в 1905–1906 гг. [52]. Этого сюжета, непосредственно связанного с историей либерального центризма, ранее касались в своих трудах Е.Д. Черменский, В.С. Дякин, Б.В. Ананьич, В.Я. Лаверычев и др. Но именно в книге Старцева причастность к вышеназванным событиям видных деятелей «срединного» течения в российском либерализме (гр. П.А. Гейден, И.Н. Ефремов, М.А. Стахович, кн. Е.Н. Трубецкой, Д.Н. Шипов, Н.Н. Львов, М.М. Ковалевский, В.Д. Кузьмин-Караваев, П.П. Рябушинский, А.И. Коновалов и др.) была раскрыта на тот период с максимальной полнотой.

В 1970-е годы о некотором оживлении историографического ландшафта (применительно к проблематике либерального центризма) свидетельствовали также исследования Г.А. Федотовой и Н.Я. Куприца, посвященные политическим взглядам и общественной деятельности М.М. Ковалевского [54; 19]. Это были «первые ласточки», предвосхитившие череду политических биографий лидеров либерального центризма в 1990–2000-е годы.

К 1980-м годам наметилось продвижение в изучении российского либерализма начала XX в. и в этом контексте – партий либералов-центристов. Но идеологические «путы» по-прежнему существенно сковывали исследовательские и публикаторские возможности историков. Процесс размывания партийного диктата шел медленно, как бы подспудно. В 1980-е годы предвестниками поворота к «новому прочтению» истории отечественного либерализма начала XX в. стали первые монографии В.В. Шелохаева,

посвященные истории Конституционно-демократической партии и «Союза 17 октября» [63; 64]¹.

Процесс постепенного освобождения исторической науки был связан, в частности, с последовательным углублением курса на корректировку методологической базы исследований российской многопартийности начала XX в. Историографический прорыв (в том числе в изучении проблемы центризма в российском либерализме) был во многом подготовлен циклом научных конференций, посвященных истории непролетарских партий России (г. Калинин, 1975, 1979, 1981 гг.), организованных Научным советом АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции». Одним из центров нового направления в политической истории стал Калининский государственный педагогический институт. Еще в начале 1960-х годов, в условиях «оттепели», В.В. Комин, профессор этого вуза, впервые провел комплексное исследование, посвященное непролетарским партиям России [18]. Следуя в русле ленинской теории о закономерности их банкротства, Комин тем не менее обосновывал «совершенно неоспоримый» вывод о «весьма внушительной силе всего блока помещичье-буржуазной и мелкобуржуазной контрреволюции в России в 1917 г.», который, «безусловно, был способен при благоприятных условиях одержать победу» [18, с. 13]. Автор первым в историографии включил в контекст революционных событий 1917 г. Российскую радикально-демократическую партию. Ей был посвящен специальный раздел книги [18, с. 366–373]. Это стимулировало исследовательский интерес к радикал-демократам. В 1980-е годы к истории этой партии обратился и В.П. Булдаков. Он характеризовал ее национальную программу как «буферную», т.е. стоящую «между эсеро-меньшевистскими и кадетскими национальными программами» [6]. Отмечая «слабую популярность» партии, историк констатировал «существенный вес» радикал-демократов во Временном правительстве [7, с. 168–171]. Впослед-

¹ В.В. Шелохаев позднее, в начале 1990-х годов, впервые использовал системный подход к анализу деятельности трех основных либеральных партий (включая «центристов») – кадетов, прогрессистов и октябристов. Им были охарактеризованы не только общие закономерности функционирования этих партий в 1907–1914 гг., но и особенности, присущие каждой из них. См.: [62].

ствии данная тема более чем на десятилетие ушла «в тень» и оказалась вновь востребованной лишь в 1990-е годы.

На рубеже 1970–1980-х годов Л.М. Спирин обосновывал конкретно-исторический подход к изучению непролетарских партий. Указав на недопустимость однозначной оценки политической организации применительно ко всем этапам ее существования, ученый призвал коллег к соблюдению принципа историзма – «изучению не отдельных фактов жизни и деятельности партий, а всей совокупности их», с учетом неоднородности партий. Спирин подчеркивал важность разработки категориального, понятийного аппарата, а также изучения роли не только объективных, но и субъективных факторов применительно к историко-партийной проблематике. Не отрекаясь от ленинской методологии, он фактически поставил в повестку дня необходимость активизации усилий историков в направлении разработки теории партий, в том числе проблемы их классификации и типологизации [51; 50].

В монографии 1985 г. А.Я. Аврех, настаивая на более «полном и эффективном» применении системного подхода в области политической истории, предлагал переходить на «микроуровень», т.е. действовать путем «расчленения основных компонентов данного строя – центральной власти, классов, партий и др. – на более мелкие структуры с целью их более эффективного изучения и обнаружения таких механизмов и взаимодействий, которые при более суммарном подходе оставались бы не выявленными» [1].

Новаторские подходы были реализованы в ряде фундаментальных работ в конце 1970-х – середине 1980-х годов. Особое место среди них занимает коллективное исследование «Непролетарские партии России. Урок истории» (1984) [31]. Книга сыграла буквально революционную роль в историографии, положив начало научной разработке системы политических партий в России¹.

Монография Н.М. Пирумовой проливает свет на проблему корней либерального центризма в протопартийный период его истории. Изучая эволюцию земского либерализма до начала XX в., исследовательница обратила внимание на круг умеренно-либеральных единомышленников, близких к журналу «Вестник Европы», который в конце 1905 – начале 1906 г. стал платформой для

¹ См. об этом подробнее: [65].

образования ПДР. Н.М. Пирумова пришла к выводу о том, что на рубеже XIX–XX вв. эти деятели занимали своего рода «серединное» положение между «славянофильской» группой сподвижников председателя Московской губернской земской управы Д.Н. Шипова (впоследствии близкой октябристам) и тверскими земцами-конституционалистами (будущими кадетами) [33, с. 108].

Идея многосложности российского либерализма накануне революции 1905–1907 гг. была осмыслена также К.Ф. Шацилло, автором первого в советской историографии фундаментального исследования по этой теме [58]. Ученый выступил против традиции искусственного «усреднения» («упрощения и обеднения») либерализма, сформировавшейся еще до 1917 г. Исследуя подспудный процесс кристаллизации основных либеральных партий (кадетов и октябристов), Шацилло представил спектр различных течений отечественного либерализма, указал на противоречивый характер его земской разновидности. Автором были обозначены контуры обширного исследовательского поля для последующего изучения проблемы. Им были зафиксированы важные аспекты предистории ПДР и ПМО, отмечена видная роль будущих либералов-центристов в консолидации либеральной оппозиции вокруг Вольного экономического общества и профессиональных организаций интеллигенции в пореформенный период.

Развивая мысль о «двух тенденциях в земском либерализме» (в лице правого и левого его «крыльев»), Шацилло отметил тот факт, что П.А. Гейден пытался занять «какую-то среднюю позицию между конституционалистами и неославянофилами» по организационным, а также программным и тактическим вопросам [58, с. 116–117, 156]. Данное наблюдение историк распространил и на соратников графа по кружку «Беседа» (включавшему в себя ряд будущих либералов-центристов). Шацилло показал, в частности, их разномыслие с будущими кадетами и октябристами по вопросам о целесообразности организационных улучшений либеральной среды, выработки какой-либо конкретной программы, что определило впоследствии некоторые характерные черты ПДР и ПМО. Своим выводом о весомом вкладе «традиционного земского либерализма» в зарождение так называемого нового либерализма Шацилло предвосхитил обоснование в новейшей историографии приоритета идеологов ПДР в деле укоренения «нового либерализма» в России.

Таким образом, советские историки существенно расширили представление о российском либерализме начала XX в. Однако интерес к партиям либерального центра продолжал носить локальный характер, а оценки этих объединений были основаны на укоренившихся стереотипах. Господство в исторической науке марксистско-ленинской методологии нацеливало исследователей на решение задач, далеких от проникновения в сущность либерального центризма, ориентируя ученых исключительно на обоснование неизбежности победы большевиков. Следование в фарватере идеологических догматов неизбежно приводило к искажению исторических реалий, в частности, преувеличению степени «буржуазности» прогрессистов. Феномен «срединного» течения в российском либерализме не осмысливался всесторонне как особое явление общественно-политической мысли и практики, имевшее предысторию, уходящую корнями в пореформенный период, впервые заявившее о себе в 1905–1907 гг. и присутствовавшее в политической жизни России вплоть до прихода к власти большевиков в 1917 г., претерпев к этому времени определенную эволюцию.

Отсутствие системного подхода к рассмотрению либерального центризма, слабый интерес к соответствующим политическим партиям (за исключением Партии прогрессистов и Умеренно-прогрессивной партии) в 1970–1980-е годы были характерны и для зарубежной (прежде всего англо-американской) историографии. Эта ситуация нашла отражение в монографии Н.В. Макарова [28, с. 126–154]. Автор констатировал, что в работах западных коллег, как правило, ретранслировались традиционные клише (о малочисленности, непопулярности политических организаций либералов-центристов, о том, что ПДР и ПМО были «правее кадетов», а ПМО – еще и «левее октябристов», и т.д.) [28, с. 136–137]. Отметим и примеры путаницы в партийно-фракционной идентификации представителей либерального центризма¹.

¹ Так, Т. Эммонс утверждал, что «депреформаторы-перводумцы были составной частью фракции мирного обновления», а Дж. Хоскинг полагал, что ПМО была основана «тремя разочарованными кадетами – П.А. Гейденом, Н.Н. Львовым и М.А. Стаховичем». [цит. по: 28, с. 136–137]. Уточним: депутаты от ПДР образовали в I Думе самостоятельную группу, а Гейден и Стахович никогда не были кадетами.

Вместе с тем в публикациях западных ученых содержались важные наблюдения. Были акцентированы перипетии земско-либерального движения в 1902–1905 гг., в том числе показана «кристаллизация» так называемого меньшинства земских съездов, среди деятелей которого, наряду с Д.Н. Шиповым, в разное время были и другие будущие лидеры политических организаций либералов-центристов – ПДР, ПМО, московского Клуба независимых. В их числе – М.А. Стахович, П.А. Гейден, В.М. Голицын, В.Д. Кузьмин-Караваев и др.¹ Т. Эммонс подчеркивал серьезную роль ПМО в политической жизни. Он считал существование этой партии «тестом на прочность и для кадетов, и для октябристов». Другой американский ученый, М. Брэйнерд, отмечал, что ПМО «была гораздо ближе к “либеральному мейнстриму”, чем октябристы», а ее стремление к созданию «внеклассовой партии» он называл «старым земским идеалом» [28, с. 137].

Американские историки внесли вклад в изучение социально-экономических и политических взглядов российской буржуазии, процесса политической консолидации либеральных промышленников и предпринимателей, их участия в партиях либерального центра. В трудах Т. Эммонса и А. Рибера на примере недолгой истории Умеренно-прогрессивной партии (УПП) был показан напряженный поиск собственной политической ниши так называемыми молодыми московскими промышленниками (П.П. Рябушинский, С.И. Четвериков, А.И. Коновалов и др.). Отмечалось особое положение «умеренных прогрессистов» в партийном спектре, их дистанцирование как от партий бизнеса, так и октябристов. Прослеживалась также связь между программно-тактическими установками УПП и идейной платформой Прогрессивного блока в IV Думе, а также курсом Временного правительства [28, с. 126–135]. Вместе с тем излишне категоричен вывод Эммонса о том, что после ухода с политической арены УПП ее основные силы присоединились к «Союзу 17 октября». Известный факт: в марте 1906 г. произошло объединение УПП с ПДР.

Особое внимание в публикациях зарубежных ученых (А. Рибер, Р. Пирсон, Э. Эктон, Ц. Хасегава и др.) было уделено

¹ В историографии отмечается вклад в разработку данного сюжета Ш. Галая, Р. Маннинга, К. Фролиха, Т. Эммонса, А. Эшера. См.: [28, с. 77–86, 99–108].

Партии прогрессистов. Подчеркивалась весомая роль либеральных московских предпринимателей в ее образовании, а в качестве одного из стимулов формирования их оппозиционности рассматривался религиозный фактор. Примечателен и акцент на преемственности новой партии с ПМО. Обращалось внимание на оригинальный организационный замысел прогрессистов – стремление создать партию на основе думского оппозиционного центра. Анализируя причины неудач прогрессистов, исследователи отмечали ряд значимых обстоятельств. Это, в частности, отсутствие у партии разветвленной сети местных отделов; противоречия между предпринимателями Москвы и Петербурга; трудности во взаимодействии между руководителем фракции прогрессистов И.Н. Ефремовым и П.П. Рябушинским, лидером внепарламентских прогрессистов [28, с. 140–142]. В целом же западные историки, как и советские авторы, констатировали «скромную роль» прогрессистов в III Думе, отмечая рост их активности и влияния в IV Думе.

Список литературы

1. Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы / отв. ред. И.И. Минц. – Москва : Наука, 1985. – 260 с.
2. Аврех А.Я. Столыпин и третья Дума. – Москва : Наука, 1968. – 520 с.
3. Аврех А.Я. Царизм и IV Дума (1912–1914 гг.). – Москва : Наука, 1981. – 293 с.
4. Аврех А.Я. Царизм и третьеиюньская система. – Москва : Наука, 1966. – 181 с.
5. Балашова Н.А. Российские либералы начала XX века. Банкротство идей «Московского еженедельника». – Москва : Изд-во МГУ, 1981. – 182 с.
6. Булдаков В.П. Национальные программы правящих партий России в 1917 г. (проблемы взаимодействия) // Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и Гражданской войне : материалы конф. [май 1979 г.] / под общ. ред. И.И. Минца. – Москва : Науч. совет АН СССР по комплекс. пробл. «История Великой Окт. соц. Революции», 1980. – С. 11–26.
7. Булдаков В.П. Политические маневры контрреволюции в 1917 г. К вопросу об изучении новых непролетарских политических образований // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции : материалы конф. / отв. ред. Л.М. Спирин ; АН СССР, Ин-т истории СССР, М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР, Калининский гос. ун-т. – Москва, 1982. – С. 162–174.
8. Василевский Л.М. Политические партии на Западе и в России / под ред. проф. И.И. Иванюкова. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Тип. С.М. Проппера, 1906. – 32 с. – (Полит. б-ка «Биржевые ведомости» ; вып. 44).

*Либеральный центризм в России начала XX в.
(историографический аспект). Ч. 1*

9. Велихов Л.А. Сравнительная таблица русских политических партий. (Систематизация современных политических направлений). – Петербург : скл. изд. кн. маг. «Наука», 1917. – Тип. Петрогр. союза потреб. об-в. 1 скл. табл.
10. Водовозов В.В. «Демократические реформы» партия // Политическая энциклопедия (Выборы – Драго) / под ред. Л.З. Слонимского. – Санкт-Петербург : П.И. Калинин, 1907. – Т. 1, вып. 4. – [8], 640, III с.
11. Граве Б.Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 г. – февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1926. – 414 с.
12. Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. : разложение третьеиюньской системы. – Ленинград : Наука, 1988. – 227 с.
13. Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). – Ленинград : Наука, 1967. – 363 с.
14. Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 г. / под ред. Р.Ш. Ганелина. – Ленинград : Наука, 1978. – 246 с.
15. Зайченко Н.С. Сравнительная таблица главных русских политических партий. – 2-е изд. – Москва : Набат, 1917. – 1 л. скл. табл.
16. Зиновьев А. Нужны ли России «демократические реформы». – Санкт-Петербург : Губ. тип., 1906. – 17 с.
17. Кожин Л. Современные политические партии в России. – Москва : Тип. А.П. Поплавского, 1906. – 15 с.
18. Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. – Москва : Моск. рабочий, 1965. – 644 с.
19. Куприц Н.Я. Ковалевский. – Москва : Юридическая литература, 1978. – 119 с.
20. Лаврычев В.Я. По ту сторону баррикад. (Из истории борьбы московской буржуазии с революцией). – Москва : Мысль, 1967. – 288 с.
21. Ленин В.И. Как не следует писать резолюций // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Изд. 5-е. – Москва : Изд-во политической литературы, 1972. – Т. 15 : Февраль – июнь 1907. – С. 89–112.
22. Ленин В.И. Национал-либералы // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Изд. 5-е. – Москва : Изд-во политической литературы, 1968. – Т. 22 : Июль 1912 – февраль 1913. – С. 244–246
23. Ленин В.И. О «юбилее русской интеллигенции» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Изд. 5-е. – Москва : Изд-во политической литературы, 1973. – Т. 24 : Сентябрь 1913 – март 1914. – С. 76–77.
24. Ленин В.И. Опыт классификации русских политических партий // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Изд. 5-е. – Москва : Изд-во политической литературы, 1972. – Т. 14 : Сентябрь 1906 – февраль 1907. – С. 21–27
25. Ленин В.И. Правительство, Дума и народ // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Изд. 5-е. – Москва : Изд-во политической литературы, 1972. – Т. 13 : Май – сентябрь 1906. – С. 111–114.
26. Ленин В.И. Тактическая платформа к объединительному съезду РСДРП. Проект резолюций к Объединительному съезду РСДРП // Ленин В.И. Полн. собр.

- соч. – Изд. 5-е. – Москва : Изд-во политической литературы, 1968. – Т. 12 : Октябрь 1905 – апрель 1906. – С. 221–238.
27. Маляренко И.М. Аграрные программы политических партий в первой русской революции 1905–1907 гг. в свете ленинского учения о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве // Научные записки аспирантов / Всесоюзный заочный финансово-экономический ин-т, каф. политической экономии. – Москва, 1965. – С. 129–169.
28. Макаров Н.В. Русский либерализм конца XIX – начала XX века в зеркале англо-американской историографии / отв. ред. В.В. Шелохаев. – Москва : Памятники исторической мысли, 2015. – 391 с.
29. Мартов Л. Политические партии в России. – 2-е изд. – Москва : скл. изд. кн. маг. «Наука», 1917. – 36 с.
30. Народный политический словарь : пособие при чтении газет, журналов, брошюр и политической литературы / сост. Н. Денисюк. – Петроград : Н.Ю. Резников, 1917. – 187 с.
31. Непролетарские партии России. Урок истории / под общ. ред. И.И. Минца. – Москва : Мысль, 1984. – 566 с.
32. Новый энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. – Санкт-Петербург, 1915. – Т. 15. – С. 848–849.
33. Пирумова Н.М. Земское либеральное движение : социальные корни и эволюция до начала XX века. – Москва : Наука, 1977. – 288 с.
34. Политические партии. Сборник программ существующих в России политических партий с предисловием и примечаниями. – Москва : Изд. книгопродавца М.В. Клюкина, 1906. – 285 с.
35. Программы политических партий в России / под ред. и со статьей И.В. Владиславлева «Краткие сведения о политических партиях в России». – Изд. 2-е, испр. – Москва : тип. О.Л. Сомовой, 1917. – Вып. 1. – 80 с.
36. Рейхардт В.В. Партийные группировки и «представительство интересов» крупного капитала в 1905–1906 гг. // Красная летопись. – 1930. – № 6 (39). – С. 5–39.
37. Розенталь И.С. «Жидомасонский заговор»: из истории восприятия мифа // Россия XXI. – 2001. – № 2. – С. 144–175.
38. Розенталь И.С. Масонство // Россия в Первой мировой войне: 1914–1918 : энциклопедия : в 3 т. / Российский гос. архив социально-политической истории, ИРИ РАН ; редкол. : А.К. Сорокин (отв. ред.) [и др.]. – Москва : РОССПЭН, 2014. – Т. 2 : К – П. – С. 547–548.
39. Розенталь И.С. Масонство // Россия в 1917 году : энциклопедия / Российское историческое общество [и др.] ; А.К. Сорокин (отв. ред.). – Москва : РОССПЭН, 2017. – С. 547–548.
40. Розенталь И.С. Масоны и попытки объединения политической оппозиции в России начала XX века // Вопросы истории. – 2000. – № 2. – С. 52–67.
41. Розенталь И.С. Русский либерализм накануне Первой мировой войны и тактика большевиков // История СССР. – 1971. – № 6. – С. 52–57.

*Либеральный центризм в России начала XX в.
(историографический аспект). Ч. 1*

42. Сборник программ политических партий в России / под ред. Водовозова В.В. – Санкт-Петербург : Наша жизнь, 1906. – Вып. 4. – 84 с.
43. Селецкий В.Н. Прогрессизм: идейно-политическая платформа // Непролетарские партии России в трех революциях : сб. ст. / отв. ред. К.В. Гусев. – Москва : Наука, 1989. – С. 95–101.
44. Селецкий В.Н. Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме : монография. – Москва : Мир книги, 1996. – 364 с.
45. Селецкий В.Н. «Прогрессисты». (К вопросу о политической консолидации русской буржуазии накануне Первой мировой войны) : автореф. дис. ... канд ист. наук. – Москва, 1969. – 24 с.
46. Селецкий В.Н. Прогрессисты и крупная буржуазия // Власть и общество: вектор перемен : сб. науч. тр. – Москва : Моск. гос. ун-т печати, 1998. – Вып. 1 : История и культурология. – С. 92–108.
47. М.М. Ковалевский // Советская историческая энциклопедия : в 16 т. / гл. ред. Е.М. Жуков. – Москва : Советская энциклопедия, 1965. – Т. 7. – Стб. 452–456.
48. Партия демократических реформ. «Партия свободомыслящих» // Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е.М. Жуков : в 16 т. – Москва : Советская энциклопедия, 1967. – Т. 10. – Стб. 892–893, 904.
49. «Прогрессисты» // Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е.М. Жуков : в 16 т. – Москва : Советская энциклопедия, 1968. – Т. 11. – Стб. 591–592.
50. Спирин Л.М. Еще раз о теоретико-методологических вопросах изучения истории непролетарских партий России // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции : материалы конф. / отв. ред. Л.М. Спирин ; АН СССР, Ин-т истории СССР, М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР, Калининский гос. ун-т. – Москва, 1982. – С. 3–16.
51. Спирин Л.М. Некоторые теоретические и методологические проблемы изучения непролетарских партий в России // Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917–1922 гг. : сб. науч. тр. : в 2 ч. / отв. ред. И.И. Минц. – Москва : [б. и.], 1977. – Ч. 1. – С. 3–17.
52. Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1907 гг.: (борьба вокруг «Ответственного министерства» и «Правительства доверия»). – Ленинград : Наука, 1977. – 270 с.
53. Степанский А.Д. Процесс возникновения непролетарских партий России в освещении современной советской историографии // Историографическое изучение истории буржуазных и мелкобуржуазных партий России : материалы конф. [май 1981 г.] / под общ. ред. И.И. Минца ; Научный совет АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Окт. соц. революции». – Москва, 1981. – С. 3–11.
54. Федотова Г.А. Политическое учение М.М. Ковалевского : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 1973. – 24 с.
55. Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Мысль, 1970. – 448 с.

56. Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг. – Москва ; Ленинград : Гос. соц.-эк. изд-во, 1939. – 374 с.
57. Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. – Москва : Мысль, 1976. – 318 с.
58. Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. Организация. Программы. Тактика / отв. ред. В.И. Бовыкин. – Москва : Наука, 1985. – 347 с.
59. Шевырин В.М. История Партии мирного обновления (1906–1907 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 1973. – 24 с.
60. Шевырин В.М. Революция 1905–1907 гг. (Обзор сов. лит-ры) : науч.-анал. обзор. – Москва : ИНИОН РАН, 1985. – 51 с.
61. Шевырин В.М. Рыцарь российского либерализма. Граф Петр Александрович Гейден. – Москва : Премьер Пресс, 2007. – 255 с.
62. Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. – Москва : Наука, 1991. – 231 с.
63. Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. – Москва : Наука, 1983. – 327 с.
64. Шелохаев В.В. Партия октябристов в период Первой российской революции / отв. ред. С.В. Тютюкин. – Москва : Наука, 1987. – 157 с.
65. Шелохаев В.В. Роль К.В. Гусева в создании фундаментального труда «Непролетарские партии России. Урок истории» // Гусевские чтения : [сб. ст.] / Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – Москва : Изд-во РАГС, 2005. – С. 11–19.
66. Якушкин В.Е. Аграрный вопрос в Государственной думе // Страна. – 1906. – № 159, 13 сентября.

УДК 069.4; 303.422; 303.929; 351.852; 94(47).073–082

DOI: 10.31249/hist/2023.02.02

ФАДЕЕВА Т.М.* ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУЦИЙ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В РОССИИ (КОНЕЦ XVIII – XIX в.). А.М. РАЕВСКАЯ И МОСКОВСКИЙ ПУБЛИЧНЫЙ И РУМЯНЦЕВСКИЙ МУЗЕИ

Аннотация. Статья посвящена вопросам становления научных институтов в дореволюционной России, прежде всего формированию музеев на основе частных и государственных коллекций. Это рассматривается на примере деятельности Анны Раевской, вдовы Николая Раевского-мл., сына известного героя войны 1812 г., с 1837 г. начальника Черноморской Береговой линии. Вынужденная уехать в Италию ради лечения малолетних детей, она занялась коллекционным поиском в области археологии, антропологии, этнографии, постоянно консультируясь с известными специалистами, как зарубежными, так и российскими, что обеспечило строго научный характер ее собраний. На основе писем из уникального источника «Архив Раевских»¹, впервые переведенных автором данной статьи с французского на русский язык, раскрывается ее обширная благотворительная деятельность.

Ключевые слова: формирование музеев в России в XVIII в.; коллекции государственные и частные; Московский публичный и Румянцевский музеи; А.М. Раевская.

* Фадеева Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), e-mail: fadeewatatjana@yandex.ru

¹ Архив Раевских : в 5 т. / под ред. и с прим. Б.Л. Модзалевского. – Санкт-Петербург : Изд. П.М. Раевского, 1908–1915 г. (далее – АР). Сохраняется сквозная нумерация писем, присвоенная им в этом издании.

FADEEVA T.M. From the history of formation of humanitarian knowledge institutions in Russia (late XVIII – XIX centuries). A.M. Rayevskaya and the Moscow public and Rumyantsev museums.

Abstract. The article is devoted to the formation of scientific institutions in pre-revolutionary Russia, primarily the formation of museums based on private and public collections. This is considered by the example of the activities of Anna Rayevskaya, the widow of Nikolai Rayevsky Jr., the son of the famous hero of the War of 1812, since 1837 the head of the Black Sea Coastline. Forced to leave for Italy for the treatment of young children, she engaged in a collection search in the field of archeology, anthropology, ethnography, constantly consulting with well-known experts, both foreign and Russian, which ensured the strictly scientific nature of her collections. Her extensive charity work is revealed on the basis of letters from the unique source Raevski's Archive, translated by the author of this article from French into Russian for the first time.

Keywords: ormination of museums in Russia in the 18th century; state and private collections; the Moscow Public and Rumyantsev Museums; A.M. Raevskaya.

Для цитирования: Фадеева Т.М. Из истории становления гуманитарного знания в России XVIII–XIX. А.М. Раевская и Московский публичный и Румянцевский музеи. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 2. – С. 29–51. DOI: 10.31249/hist/2023.02.02

Введение. От Кунсткамеры – к Румянцевскому и Московскому публичным музеям

Становление в России современных форм научной деятельности и образования органично связано со всем комплексом преобразований Петровской и послепетровской эпох. Активизация коллекционирования в конце XVII – начале XVIII в. восходит к деятельности Петра I и его ближайшего окружения, в которой немалая роль отводилась формированию музеев на основе частных и государственных коллекций. Важным следствием Великого посольства в Европу 1697–1698 гг., в котором принимал участие

Петр I, стало знакомство его с европейской цивилизацией, прочное место в которой занимали собрания музейных раритетов, европейские кунсткамеры, картинные галереи, естественно-научные кабинеты, анатомические театры, ботанические сады, ставшие образцами для подражания. Вернувшись в Россию, Петр I создал свой Государев кабинет, постоянно пополнявшийся путем закупок европейских и российских редкостей. На основе петровской коллекции в 1714 г. была создана Петербургская кунсткамера. Она явилась первым в России естественно-научным, историческим и художественным музеем публичного типа. Работа Кунсткамеры закладывала основы музейной работы последующего времени.

В 1714 г. коллекции Петра I были перевезены из Москвы в Петербург и первоначально размещены в его Летнем дворце. Кунсткамера стала первым музеем России, получившим специальное здание, выстроенное на Васильевском острове. В нем экспозиция открылась в 1728 г. Формирование коллекций шло на основе покупок уже готовых, в том числе и европейских, коллекций, пожертвований, результатов научных экспедиций. Поступавшие предметы разбирались, систематизировались, на них составлялись реестры, они хранились в специальных помещениях в шкафах и на полках. На их основе формировались первые экспозиции. В 1724 г. Кунсткамера была передана создаваемой в это время Российской академии наук, тем самым изучение музейных предметов было поставлено на уровень академической науки. Целую эпоху в истории Академии и российской науки в целом составила научная, просветительская и организаторская деятельность великого ученого-энциклопедиста М.В. Ломоносова. Ученый активно участвовал в 1755 г. в основании Московского университета, ныне по праву носящего его имя. Академия начала публикацию источников по русской истории, а участники ее экспедиций коллекционировали предметы культуры многочисленных народностей, населявших окраины империи. Труды В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, Г.Ф. Миллера, М.М. Щербатова, И.Н. Болтина, изданием «Древнейшей российской Вивлиофики», организацией архивов и отделов рукописей в музеях в России осуществилось становление истории как науки. В начале 1740-х годов были опубликованы несколько томов каталога коллекций Кунсткамеры. Академия становится хранительницей памятников отечественной и мировой

науки. Создавалось богатейшее собрание научной корреспонденции XVIII в., ценнейшего памятника не только русской, но и общеевропейской культуры. Академия поддерживала постоянную связь с европейскими научными журналами, публиковавшими рефераты ее изданий.

В свою очередь Кунсткамера получила возможность пополнять свои фонды за счет академических экспедиций. Таким образом, был осуществлен первый опыт создания на основе музея научно-исследовательского учреждения. Императорский кабинет, особенно после смерти Петра I, превратился в его мемориальный музей. В нем находилась «восковая персона» самого Петра I, при которой располагались его мемориальные вещи, ныне находящиеся в Эрмитаже. Кроме подлинных вещей в экспозициях широко использовались макеты и модели. Дополнением к экспозиции являлась библиотека. Экспозиция определяла принципы, ставшие впоследствии обязательными для российских музеев, – научность, систематизация, занимательность и общедоступность. Кунсткамера проводила большую просветительную работу. Еще в 1724 г. в 10-м томе парижского издания Б. де Монфокона «Древности, объясненные в рисунках» были опубликованы предметы из ее собрания. Впоследствии, в 1740-х годах, выходили каталоги и путеводители по Кунсткамере. Особое внимание уделялось работе с посетителями, которым предоставлялось экскурсионное обслуживание, причем вход был бесплатный. До начала XIX в. Петровская кунсткамера работала как единое целое. Однако ее собрание постоянно пополнялось, что, естественно, привело к необходимости тематической дифференциации. В 1830-е годы единая Кунсткамера распалась на академические музеи, ряд которых действует до сих пор.

Дальнейшее развитие науки и образования способствовало созданию новых академических музеев, выросших из Петровской кунсткамеры, и учебных музеев, в том числе музеев Петербургского и Московского университетов. Однако в области активизации музейного дела Петербург как столица Российской империи заметно опережал Москву. Ситуация начала меняться с середины XIX в., причем во многом благодаря созданию Румянцевского публичного музея, начавшего свою работу в Петербурге 26 мая 1831 г. и позднее переведенного в Москву.

Румянцевский публичный музей обязан своим существованием собирательской деятельности Н.П. Румянцева и членов его кружка. Несколько слов о Румянцевском музее: это крупнейшее собрание книг, рукописей, живописных произведений, монет, этнографических и исторических материалов возникло как частная коллекция, которую собрал, а частью унаследовал русский дипломат граф Н.П. Румянцев (1754–1826). Уже после кончины графа, в 1831–1861 гг., экспонаты музея были открыты для публичного обозрения всеми желающими в петербургском особняке Румянцева. Посетители его знакомились с экспонатами Мюнцкабинета, Минералогического кабинета, собранием редкостей, библиотекой печатных книг и рукописей. Музей раз в неделю, по понедельникам, открывался для всех желающих. В остальные дни там могли заниматься научной работой. Однако как музей частный, он не получал должной государственной поддержки. К середине века положение стало критическим. Поэтому В.Ф. Одоевский, бывший его хранителем, предложил перевести музей в Москву, что и было сделано в 1861 г. Здесь Румянцевский музей вошел в состав только что созданного Московского публичного музея.

Из Петербурга в Москву. Румянцевский музей в составе Московского публичного музея

6 мая 1862 г. состоялось официальное открытие «Московского Публичного музеума и Румянцевского музеума». А 19 июня 1862 г. император Александр II утвердил «Положение о Московском публичном музеуме и Румянцевском музеуме». «Положение...» стало первым юридическим документом, определившим управление, структуру, направления деятельности, поступление в Библиотеку Музеев обязательного экземпляра, штатное расписание впервые создаваемого в Москве общедоступного Музея с публичной библиотекой, входившей в состав этого Музея. Тогда же, в июле 1862 г., книжный фонд Румянцевского музея был реорганизован в библиотеку. Музей подразделялся на три отдела – живописный, гравюрный и так называемый Дашковский музей, на основе

этнографической коллекции В.А. Дашкова¹, которая пополнялась собраниями русских путешественников, в частности Крузенштерна и Лисянского.

Четыре дня в неделю за умеренную плату посетители могли осматривать экспозицию «музеумов», а в воскресные и праздничные дни это можно было делать бесплатно. Разросшиеся коллекции музея располагались по отделам рукописей, старопечатных книг, древностей, коллекциям – минералогической, зоологической, нумизматической, этнографической, изящных искусств. При музее работала библиотека, с 1866 г. получавшая обязательные экземпляры книг. Впоследствии, уже в XX в., музейные коллекции были распределены по ряду музеев, а библиотека стала основой Российской государственной библиотеки². Фонды музеев пополнялись за счет частных коллекций, тогда как денежные средства собственно музея были более чем скромные. Первым директором объединенного музея стал попечитель московского учебного округа генерал Николай Васильевич Исаков (1862–1863), ему принадлежат проникновенные слова: «Румянцевский музей создавался в Москве так, как создаются храмы Божии – без всяких средств, только жертвами милостивцев».

¹ В.А. Дашков, меценат и коллекционер, в 1867 г. взял на себя финансирование этнографической выставки в московском Манеже, организованной Московским обществом любителей естествознания, пожертвовав на устройство будущей экспозиции 40 тыс. рублей. На ней среди других предметов старины была впервые представлена его личная этнографическая коллекция, которая легла в основу музея русской этнографии (первоначально – отделение Румянцевского музея). Коллекция музея состояла из 288 художественно исполненных манекенов, изображавших представителей племен России и славянских земель, до 450 костюмов, до 1200 предметов домашнего быта и до 2 тыс. рисунков и фотографий. По заказу Дашкова были исполнены и раскрашены фотографические снимки крупных размеров со всех манекенов, входящих в состав музея, и таким образом составлен единственный в своем роде альбом народностей России и славянских земель. 6 апреля 1867 г., во время посещения выставки императором Александром II Дашков был пожалован орденом Св. Станислава 1-й степени.

² В 1924 г., уже при советской власти, библиотека музея была преобразована в Государственную библиотеку СССР имени В.И. Ленина, оставшуюся в Пашковом доме. Полотна Рембрандта и других европейских художников ныне хранятся в ГМИИ им. А.С. Пушкина, собрание отечественной живописи – в Третьяковской галерее, а экспонаты Дашковского музея – в Санкт-Петербурге, в Кунсткамере и Этнографическом музее.

Главным меценатом Румянцевского музея на раннем этапе стал император Александр II. От него поступило много книг и большое собрание гравюр из Эрмитажа, три декоративные чаши уральской работы, две вазы (фарфор с бронзой) и круглая малахитовая столешница диаметром около 70 см. Через некоторое время музей получил от императора богатую коллекцию живописи (более двухсот полотен) западноевропейских художников из собрания Эрмитажа. Среди них была картина «Артаксеркс, Аман и Эсфирь». Принадлежность ее кисти Рембрандта была установлена уже в Москве, в Румянцевском музее. Самым крупным даром императора была знаменитая картина художника А.А. Иванова «Явление Христа народу» – гигантское полотно (5,4×7,5 м) – и этюды к ней, специально для Румянцевского музея приобретенные у наследников художника за 15 тыс. рублей золотом.

Румянцевский музей в период своего существования – уникальный пример собирания культурного наследия на основе частной инициативы коллекционеров, дарителей, меценатов, в число которых вошли государственные деятели, члены императорской семьи, деятели культуры, представители различных сословий российского общества. Благодаря «высочайшему почину» самого императора музей до революции не знал недостатка в подарках и пожертвованиях.

В фондах Румянцевского и Московского музеев оказались коллекции, составившие впоследствии основу Этнографического музея, Исторического музея, Музея изобразительных искусств, Российской государственной библиотеки. Неоднократные перемещения коллекций во вновь созданные музеи, их расчленение приводили к тому, что о судьбах как коллекций, так и их собирателей сохранилось мало сведений. Однако есть исключения, к которым можно отнести коллекции А.М. Раевской, обстоятельства собирания которых нашли отражение в документах «Архива Раевских». Признано их высокое научное качество, а то обстоятельство, что они собраны женщиной, а женщины в то время были лишены права получать высшее образование, придает им особый интерес.

Жизнь А.М. Раевской и формирование ее научных интересов

Тема становления институций гуманитарного знания в Российской империи получает дополнительное освещение благодаря введению в научный оборот впервые публикуемой в русском переводе частной переписки талантливой, одаренной представительницы семейства Раевских, Анны Раевской, урожд. Бороздиной. Ее письма (наряду с письмами лиц из их окружения) на французском языке впервые были опубликованы в пятитомном собрании «Архив Раевских», изданном ее внуком П.М. Раевским. Этот эпистолярный материал не только помогает избавиться от ошибок и неточностей, встречающихся в имеющейся литературе, но и содержит ряд ранее неизвестных фактов биографий ее и семьи.

Отец Анны Михайловны (1819–1883), генерал-лейтенант Михаил Михайлович Бороздин, выполнял сложные дипломатические поручения времен Русско-турецких войн и присоединения Крыма к России. В 1799–1800 гг. являлся комендантом города Корфу, столицы Республики Семи островов, бывших под протекторатом России; затем был назначен комендантом о. Мальты, служил начальником гвардии короля Обеих Сицилий Фердинанда I, состоявшей из двух русских батальонов и неаполитанских войск. От второго брака с Екатериной Александровной Шемякиной имел дочь Анну, которая родилась 29 декабря 1819 г. в принадлежавшей матери слободе Красной Новохоперского уезда Воронежской губернии. После выхода в отставку М.М. Бороздин проживал в Петербурге. Поначалу, приезжая в Крым, он жил в имении брата Кучук-Ламбат. Затем приобрел часть земель по соседству, провел большие работы по благоустройству – так возникло одно из красивейших имений южнобережного Крыма Карасан. Его брат, Андрей Михайлович Бороздин (1765–1838), в 1807–1816 гг. являлся Таврическим губернатором, с 1828 г. он жил в отставке в Кучук-Ламбате, одном из самых ранних имений Южнобережья, которому посвящены восторженные описания его посетителей. Его жене, Софье Львовне Давыдовой, доводился племянником Николай Раевский, младший сын героя Бородина генерала Н.Н. Раевского, с 1834 г. обосновавшийся на крымском побережье.

1837, год путешествия Николая I с семьей и свитой в Южные губернии и в Крым, сыграл судьбоносную роль в сближении

двух дальних родственников – 18-летней Анны Бороздиной и 36-летнего Николая Раевского – младшего. Анна стала фрейлиной императрицы и сопровождала ее во время путешествия, а Николай Раевский 21 сентября 1937 г. был назначен начальником 1-го Отделения Черноморской береговой линии, куда входили Крымское и Кавказское побережье. Генерал-губернатор М.С. Воронцов, принимавший большое участие в судьбе Раевского-младшего, закрепляя успех, кратким письмом от 28 сентября¹ приглашает его в Алупку «к обеду и на весь вечер». Этот визит по приглашению Воронцова и с разрешения императрицы, гостившей в Алупке, имел двойное значение в судьбе Раевского: здесь он был представлен государыне и здесь же встретил свою будущую невесту. Здесь, судя по всему, и состоялось их сближение (знакомы они, по всей вероятности, как дальние родственники, были и раньше), в дальнейшем приведшее к браку.

По свидетельствам современников, молодая девушка обладала пытливым и серьезным умом. Она получила прекрасное разностороннее домашнее образование, свободно владела несколькими иностранными языками. Знаменитый математик академик М.В. Остроградский² восхищался ее математическими способностями.

В 1839 г. девушка вышла замуж за Николая Николаевича Раевского – младшего. В этом браке родилось двое сыновей: Николай (1839–1876) и Михаил (1841–1893).

После свадьбы молодая семья поселилась в Керчи, поскольку генерал Н.Н. Раевский – младший как начальник Черноморской береговой линии, должен был иметь близкое сообщение с кавказским берегом. Именно здесь Анна впервые познакомилась с античными памятниками юга России и увлеклась археологией. В 1830–1840-х годах в Восточном Крыму в районе г. Керчь и на Таманском полуострове раскопки вели известный петербургский археолог Д.В. Карейша и директор Керченского музея истории и

¹ См.: АР. Т. 2. П. 531. С. 383.

² Речь здесь идет об известном математике Михаиле Васильевиче Остроградском (1801–1861), с 17 декабря 1828 г. бывшим адъюнктом по прикладной математике Императорской академии наук, 21 декабря 1831 г. ставшем ординарным академиком по прикладной математике, а с 15 июня 1855 г. – по чистой математике.

древностей А.Б. Ашик. Им посчастливилось открыть знаменитый скифский царский курган Куль-Оба, и эти находки поразили Анну. Ее занятия археологией вышли за рамки модного в те годы увлечения и стали подлинным призванием. Зная об этом, друзья и знакомые присылали ей археологические находки. Приведем интересное письмо, показывающее, как с помощью друзей, знавших о научных и собирательских интересах А.М. Раевской, еще в Крыму, в Керчи, начали формироваться ее собрания редкостей.

П.П. Спицын¹ – А.М. Раевской.

4 июня 1858. Севастополь.

Ваше Превосходительство Анна Михайловна!

Платон Александрович Клеопин был так добр, приняв труд доставить вам коллекцию древних монет, которые я собрал уже после заключения мира; пред войной я приготовил, кроме монет, несколько древностей, но война погубила их.

Прошу вас передать поклон детям вашим. Примите уверения в истинной моей преданности².

В комментарии к этому письму Б.Л. Модзалевский отмечает: «А.М. Раевская усердно собирала археологические коллекции, в том числе и нумизматическую. Любовь ее к археологии проявилась вскоре после выхода замуж, когда она, проживая в Керчи, изучала богатые собрания Керченского Музея древностей. Овдовев и живя в Риме, она особенно пристрастилась к занятиям археологией, а во время пребывания в Швейцарии посетила Робенгаузен, где, под руководством профессоров, осматривала свайные постройки. Отсюда она вывезла несколько местных археологических предметов»³.

24 июля 1843 г. супруг Анны Михайловны Николай Николаевич Раевский – младший скончался. Замуж Анна Михайловна больше не вышла и всецело посвятила себя детям, путешествиям и своим научным интересам – коллекционированию предметов ста-

¹ Павел Петрович Спицын, участник десантов Н.Н. Раевского 1838 и 1839 гг., участник Крымской войны, вышел в отставку в чине контр-адмирала, собрал коллекцию древних монет и отправил ее Анне Михайловне. Видимо, он хорошо знал о ее интересах еще со времен, когда был жив ее муж Николай Раевский – младший.

² АР. – Т. 5. П. 1189. С. 15–17.

³ Там же. – С. 16–17.

рины и нумизматике. Вместе с двумя сыновьями четырех и полутора лет, нуждавшимися в лечении, она отправилась в Италию, где продолжила изучение археологии, ведя активную переписку с известнейшими европейскими учеными того времени (Г. Мортилье, Э. Ларте, Ш.А. Морло, Ф. Келлером). О ее настроениях свидетельствует следующее письмо сестре покойного мужа – Софье Раевской.

Анна Михайловна Раевская – Софье Николаевне Раевской.

1 марта 1860 г. Москва.

Я мало бываю в свете и мой дом готов лишь наполовину¹, я не даю ни обедов, ни балов. Чаще всего я посещаю публичные лекции – это почти единственное мое развлечение; там я вижу людей света (знакомых), ровно столько, сколько мне нужно: достаточно долго, чтобы сказать каждому здравствуй и прощай и слишком мало, чтобы утомиться самой и утомить других; хорошо лишь с самыми близкими, а их у меня нет. Приятно также в семейном кругу, по меньшей мере, это есть².

Эти признания Анны Михайловны об интересе к публичным лекциям, устранившим лакуны в образовании, к которому женщины того времени не могли быть допущены³, подготавливают к пониманию ее заметной роли в становлении российских научных институций – собирании коллекций научного типа, готовых к музеефикации, расширении круга областей научного знания.

Сыновья подросли, стали студентами, и заботы об их здоровье и домашнем образовании постепенно уступили место научным интересам. Годы, проведенные за границей и посвященные лечению и укреплению здоровья сыновей, в то же время дали возможность расширить Анне Михайловне свое знакомство с античными памятниками, которое все более сочеталось с собирательством, изучением трудов зарубежных ученых, перепиской с ними по спорным вопросам.

¹ По возвращении из-за границы с подросшими сыновьями Анна Михайловна приобрела дом в Москве, на ул. Спиридоновка. В письме речь идет о его ремонте к приезду.

² АР. Т. 5. П. 1287. С. 167–168.

³ В 1878 г. в Петербурге начали действовать Высшие женские курсы, тем самым было положено начало высшему среднему образованию женщин. По имени первого их директора курсы стали называть Бестужевскими.

Юбилей Ломоносова и учреждение «Ломоносовской стипендии Раевского». Коллекции зарубежных памятников первобытной археологии

Но вначале остановимся на участии Анны Михайловны в праздновании столетней годовщины смерти Ломоносова в 1863 г. Это имело для нее особое символическое значение – как память о предке семьи Раевских, ставшая основой научных интересов и вклада в науку самой А.М. Раевской, все эти годы неустанно собиравшей коллекции древностей.

К мемориальной церемонии в честь Ломоносова готовилось торжественное заседание Академии наук. Речь была поручена академику Якову Карловичу Гроту (1812–1893). Для подготовки речи ему был передан в пользование так называемый Портфель служебной деятельности Ломоносова, хранившийся у Екатерины Орловой. Этот документ оставался в пользовании А.М. Раевской, и именно в ее доме с ним имели возможность ознакомиться ученые мужи¹. Сама же Анна Михайловна решила учредить стипендию в Московском университете.

Празднование состоялось 6 апреля 1863 г. в Академической зале. Заседание было открыто заявлением Непременного секретаря К.С. Веселовского, сообщившего об учреждении Академией Ломоносовской премии и о выбитии медали. «В заключение, – сказал Веселовский, – долгом считаю прибавить, что вдова генерал-лейтенанта Анна Михайловна Раевская, считая Ломоносова в числе предков ее покойного мужа, и желая принести дань и своего уважения к его памяти, письмом от 21 марта обратилась к Президенту Академии с просьбою об исходатайствовании Высочайшего соизволения на учреждение, из процентов жертвуемого ею капитала в 4.850 руб., стипендии в Московском университете, с тем, чтобы она носила название “Ломоносовской стипендии Раевского”. На учреждение этой стипендии последовало Высочайшее соизволение»². Речь Я.К. Грота «Очерк академической деятельности Ломоносова» была встречена с энтузиазмом и «покрыта рукоплес-

¹ После юбилея «Портфель...» находился у А.М. Раевской, что видно из записи в дневнике Никитенко под 29 дек. 1865 г. См. комментарий Б.Л. Модзалевского : АР. Т. 5. С. 457–458.

² АР. Т. 5. С. 458–461.

каниями, – писала супруга академика Н.П. Грот. – Публика была самая многочисленная и блестящая. Были два митрополита, здешний и киевский, несколько архиереев, множество было лент и звезд; дам было хоть и немного сравнительно с мужчинами, но все-таки довольно. Зала была битком набита. Кроме сидевших 700 человек, люди стояли стеной за стульями, вдоль окон, во всех промежутках, так что верно было около полутора тысяч человек. Одним словом, сколько может зала академическая вместить. Негде было упасть яблоку... Почетными гостями были из потомков Ломоносова вдова генерала Раевского с дочерью (сыновьями) и они пожелали, чтобы Я.К. Грот был им представлен, долго с ним беседовали и горячо благодарили его за превосходную речь»¹.

Анна Михайловна сделала много пожертвований в археологические коллекции Московского публичного и Румянцевского музеев. В Италии она продолжила знакомство с античными памятниками, изучала труды зарубежных ученых и с большинством из них вела интенсивную переписку, обсуждая наиболее спорные вопросы, приобретая предметы или делая слепки с тех, которые нельзя было купить (слепки эти делал известный в то время в Петербурге формовщик Гейзер). Кроме археологии, А.М. Раевская очень интересовалась нумизматикой, собирая древние золотые монеты и медали и определяя их происхождение с помощью знатоков. Знаменательно и то, что, приобретая и изучая монеты этрусков – одного из древнейших народов Италии, сыгравших цивилизующую роль в истории страны, – она, сама того не подозревая, фактически заложила основу этрусской нумизматики.

Путешествия по Европе обеспечили Анне Михайловне возможность ознакомления с памятниками западноевропейской первобытной (т.е. дописьменного периода) археологии. Ее «наставником» в этой области стал крупный специалист тех лет – швейцарский ученый Ш.А. Морло, который ввел ее в круг проблематики изучения доисторического прошлого человечества, а также познакомил с раскопками открытых им незадолго перед тем свайных построек на швейцарских озерах. Анна Михайловна приняла не только деятельное участие в исследованиях тамошних памятников совместно с цюрихским профессором Ф. Келлером, но и

¹ См. комментарий Б.Л. Модзалевского : АР. Т. 5. С. 460–461.

сумела приобрести в свою собственность ряд редких находок. Пребывание во Франции сопровождалось изучением коллекции древностей Сен-Жерменского музея, заведующим которым был в то время французский антрополог-археолог Габриэль Мортилье, с ним А.М. Раевская была хорошо знакома и выписывала издававшийся им журнал *Matériaux pour l'histoire primitive de l'homme*, в котором Мортилье печатал много статей и заметок по древней археологии¹. Благодаря этим контактам А.М. Раевская усвоила не только идею необходимости переноса в археологию естественно-научных представлений и их методов, но и сами принципы созданной ученым системы типологической классификации археологических находок. Более того, она расширила круг своих знакомств за счет учителя Г. Мортилье – палеонтолога Э. Ларте. Проведенные за рубежом годы позволили А.М. Раевской сформировать свои научные интересы, которые, как следует из архивных документов рукописного отдела Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома), помимо археологии и нумизматики распространялись также на этнографию и антропологию.

Жертвования Раевской отечественным музеям и их оценки российскими учеными

Прожив за границей в целом семь лет², прежде всего с целью укрепления здоровья детей, А.М. Раевская возвращается в Россию и привозит собранные ею коллекции, которые впоследствии подарит отечественным музеям. Но прежде она приглашает ознакомиться с ее собраниями видных русских ученых. Судя по их отзывам, они поражали систематичностью и сопровождались описаниями, основанными на внимательном изучении научной литературы вопроса. Но поначалу следовало решить проблему перевозки коллекций на родину и улаживания вопроса с таможенной.

¹ Г. Мортилье – франц. антрополог-археолог (1821–1898). Основал журнал *Matériaux pour l'histoire primitive de l'homme*, по его инициативе стали устраиваться международные конгрессы по антропологии и древней археологии.

² Раевской пришлось совершить два путешествия, продиктованные в первую очередь заботой о здоровье сыновей; первое путешествие длилось с 1844 по 1849 г., а затем состоялось и второе, в 1855–1856 гг., по рекомендации врачей, обеспокоенных признаками чахотки у старшего сына Николая.

О.В. Струве¹ – К.С. Веселовскому².

Вейто (Veitauk), 1864 29 ноября.

Мой дорогой друг,

Мадам Раевская, собравшая очень интересную коллекцию древностей, извлеченных из свайных построек и других, которые она желает подарить музеям нашего отечества, оказала мне честь просить моего мнения о том, как перевезти эти предметы в Россию, не подвергая их риску ущерба со стороны таможни. Будучи убежден, что всецело в интересах Академии служить посредником в подобных случаях, я посоветовал ей направить ящики непосредственно в Академию, и теперь прошу вас дать необходимые указания относительно того, чтобы таможня рассматривала их со всяческой осторожностью и затем отправила их в Музей Академии вплоть до прибытия м-м Раевской в январе. Я полагаю также, что владелица этой коллекции проконсультирует нашего почтенного Баера (Бэра)³ о ее содержании и наилучшем употреблении⁴.

Впоследствии Бэр, осмотрев это собрание, назовет его «драгоценным». За свои пожертвования Московскому Публичному музею Раевская была избрана его почетным членом.

Когда председатель Московского археологического общества граф А.С. Уваров познакомился с коллекцией, включавшей подлинные раритеты, оценив систематическое их размещение в экспозиции по историческим периодам, он предложил правлению принять в свой состав А.М. Раевскую. 14 февраля 1872 г. А.М. Раевская единогласно была избрана членом-корреспон-

¹ Отто Васильевич Струве (1819–1905) – академик, астроном, директор Пулковской обсерватории.

² Константин Степанович Веселовский (1819–1901) – академик и Непременный секретарь Имп. Академии наук.

³ Карл Максимович Бэр (1792–1876) – академик, зоолог, почетный член Российской Академии наук.

⁴ АР. Т. 5. П. 1468. С. 455–456.

дентом Московского археологического общества. Основную часть своего собрания новый член общества подарила Московскому публичному и Румянцевскому музеям. В наши дни эти коллекции хранятся в Государственном историческом музее Москвы. Одним из наиболее значимых для истории археологии фактов биографии А.М. Раевской является приобретение ею на свои средства в декабре 1866 г. при посредничестве Ш.А. Морло дневника раскопок всемирно известного могильника эпохи раннего железа – Гальштатт, который достался российской покупательнице от его составителя: обратившийся к занятиям археологией австрийский горный мастер Дж.Г. Рамзауэр был наставником нашей героини в области изучения памятников этого исторического периода (конец II – начало I тысячелетия до н.э.). Вместе с дневником Анна Михайловна приобрела и приложенный к нему атлас из авторских рисунков около 1 тыс. погребальных комплексов с разнотипными погребальными обрядами.

После ряда лет (1844–1849, 1855–1856), проведенных за границей, накопив достаточно знаний в области археологии, Анна Михайловна занялась самостоятельным проведением раскопок в своих имениях в Петербургской, Воронежской губернии и в Крыму. Так, в середине 1860-х годов А.М. Раевская организовала раскопки средневекового кладбища в урочище Черном близ д. Усть-Рудица в Петергофском уезде. Приобретенные и найденные ею раритеты легли в основу частного археологического музея. Его собрание, насчитывающее около 25 тыс. экспонатов, и систематизация коллекций были безупречны.

Отчет Московских Публичного и Румянцевского музеев за 1867–1869 гг.¹ содержит многократные упоминания имени А.М. Раевской, которая жертвовала Музеям книги, монеты, а особенно доисторические древности. Из Отчета, например, следует, что «Московский Публичный Музей обязан почти исключительно просвещенному содействию известной собирательницы, Анны Михайловны Раевской, всею имеющейся у него коллекцией доисторических древностей Франции. Положив начало этой коллекции своим пожертвованием еще в 1865 г., впоследствии она значительно

¹ Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1867–1869 гг. – Москва, 1871. – С. 95, 121.

пополнила оставшиеся пробелы, и таким образом составилось собрание, которое может дать довольно ясное понятие о различных периодах доисторической древности французской почвы. Собрание это состоит частью из подлинников, частью из превосходно исполненных копий»¹. «По поводу обозрения доисторических древностей Германии, мы, – говорится в Отчете, – снова должны с признательностью упомянуть о пожертвованиях г-жи Раевской, положивших начало и этому собранию. Еще в 1865 г. ею были принесены в дар предметы, найденные преимущественно в окрестностях Висбадена: тесанные плоские топоры, общей формы с швейцарскими и нашими литовскими, два каменных долотца, часть оленьего рога и несколько черепков глиняных горшков». «В 1867 г. г-жа Раевская дополнила свою коллекцию подлинников исполненными в силу оригиналов копиями, снятыми с замечательнейших предметов доисторической древности Германии, найденных в Майнце и его окрестностях, в Гиллесгейме (Рейнгессен) и в др. местах. Они относятся большею частью уже к железному веку. Бронзовые пальставы и кельты, сильно отступая от первобытных форм, представляют большое разнообразие. Переход от бронзы к железу виден здесь не только в металле кинжала, найденного в Баварии, у которого при железном клинке рукоять и ножны бронзовые, но и в самой форме рукояти с завитками, загнутыми внутрь. Копии эти помещены в горизонтальном отделе витрины». В отделе доисторических древностей Швеции были также «копии с каменных и бронзовых орудий Скандинавии, исполненные, для Музея, по заказу г-жи Раевской, с оригинала Царскосельского Арсенала»². В Отдел древностей Прибалтийских губерний А.М. Раевская в 1870 г. пожертвовала «несколько подлинников копий, стрел и топориков, найденных в Лифляндии». В отделе древностей Северо-Западных губерний России тоже была витрина с воспроизведениями древностей, найденных исключительно на русской почве³. Кроме слепков Раевская жертвовала Музею и подлинники, напр., ряд вещей, найденных в Германии и относящихся к Римскому пе-

¹ Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1867–1869 гг. – Москва, 1871. – С. 137–138.

² Там же. С. 142–144.

³ Там же. С. 149, 153

риоду, — образцы железного оружия, глиняные вазы и т.п.¹ В 1866 и 1870 гг. А.М. Раевская не переставала обогащать Музеи своими пожертвованиями: так, в Отчете Музеев за 1866 г. упомянуто с особой признательностью «что А.М. Раевская неослабно продолжает пополнять подаренное ею Музеем собрание книг по так называемым древностям, и что в течение 1866 г. поступило от нее 13 брошюр новейших по этой части изданий»² и дан подробный перечень 23 древних предметов из глины, стекла, бронзы и камня, вывезенных А.М. Раевской из Италии и пожертвованных Музеем, а также 40 слепков. «Это собрание, — говорится в Отчете, — составляет весьма важное дополнение к коллекции древностей, принесенной в дар Музеем просвещенною нашею соотечественницею в 1865 г. За невозможностью иметь оригиналы, превосходные слепки г-жи Раевской знакомят посетителей Музея не только с сокровищами других собраний, но и с такими формами доисторических орудий и инструментов, которые до сих пор не находились в нашем собрании»³.

За все эти щедрые пожертвования в октябре 1872 г. А.М. Раевская и была избрана почетным членом Московского публичного и Румянцевского музеев⁴. Приношения А.М. Раевской были описаны в особой брошюре, отчасти составленной, отчасти переведенной с французского оригинала, в изложении самой Раевской, П.И. Лерхом⁵.

С 13 мая 1866 г. А.М. Раевская была неперменным членом Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, от которого получила 14 июля 1867 г. «глубокую признательность за то содействие, которое было оказано ею при устройстве Русской Этнографической Выставки 1867 г. при-

¹ Там же. С. 183.

² Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1866 г. — Москва, 1898. — С. 71.

³ Там же. С. 83—85.

⁴ А.М. Раевская являлась также почетным членом Archaeologickeho Sboru Musea Kralovstvi Ceskeго с 30 августа 1869 г.; почетным членом Das Kurlandische Provinzial-Museum с 27 апреля 1870 г.

⁵ Лерх П.И. Каталог древностей, собранных во Франции, Швейцарии, Германии и принесенных в дар Московскому Публичному Музею А.М. Р...ою. — Санкт-Петербург, 1865.

несением в дар исполненной личными стараниями ее коллекции слепков с каменных и бронзовых орудий, найденных в России, и обогащением Выставки и Музея различными этнографическими предметами». Председатель Общества, известный археолог-антрополог, академик Д.Н. Анучин, относился к ней с большим уважением. Качества подлинного ценителя этнографических предметов А.М. Раевская проявила, обратив внимание на культуру коренного населения – «ингров» (ижор), проживавшего в окрестностях ее имения в Петербургской губернии. В близлежащих деревнях Малое и Большое Шишкино, Гурово (Ломоносово), Косково она приобрела большую этнографическую коллекцию, основу которой составили предметы быта и одежда. В этот период Анна Михайловна также увлеклась этнографией и этнической историей славян и их соседей. С 3 ноября 1882 г. она стала членом-соревнователем Императорского Русского Географического общества, а затем и его действительным членом.

В биографии-некрологе А.М. Раевской Д.Н. Анучин писал:

«Анна Михайловна Раевская, рожд. Бороздина (1820–1883), лишилась матери в очень нежном возрасте и получила тщательное домашнее образование; между прочим, ей давал уроки профессор Остроградский, который удивлялся ее замечательным способностям в математике. 18-ти лет она вышла замуж за генерала Николая Николаевича Раевского, состоявшего начальником Черноморской береговой линии. Молодые должны были поселиться в Керчи, где впервые Анна Михайловна познакомилась с раскопками курганов, которыми так изобилует Керчь. Овдовев после четырех лет супружества, молодая вдова уехала вместе со своими малолетними сыновьями в Италию, где прожила почти 5 лет безвыездно в Риме. Несомненно, что памятники античного мира произвели сильное впечатление на молодую женщину, которая, по возвращении в Россию, заметно стала интересоваться нумизматикой и археологией. Она была в переписке со многими иностранными и отечественными учеными, из коих профессор Морло обстоятельно познакомил ее со свайными постройками в Швейцарии и вообще с культурой доисторического человека. Из отечественных ученых она была очень хорошо знакома с Бэром, который руководил ею при ее путешествиях по Прибалтийскому краю и Финляндии с целями этнографическими и антропологическими. Анна Ми-

хайловна собирала коллекции во время своих путешествий как по России, так и за границей. Слепки с подлинников ей готовил некто г. Гейзер. Следует прибавить, что Анна Михайловна Раевская была женщина выдающегося ума и притом аналитического, так редко встречающегося у женщин. Она дала прекрасное образование своим обоим сыновьям, которые готовились дома к поступлению в Московский университет, причем видную роль в домашнем образовании молодых Раевских играл Тимофей Николаевич Грановский. Оба сына Анны Михайловны кончили курс кандидатами Московского университета. Старший, Николай, был естественником, а младший, Михаил, – математиком. Скончалась Анна Михайловна Раевская в Петербурге, в 1883 г., от рака. Составленная А.М. Раевской коллекция слепков обнимает около 180 №№ (экземпляров). Кроме слепков ею собирались и подлинные древности, причем она пользовалась содействием: для Финляндии – г. Игнациуса, для Олонецкой губ. – г. Лерха, для Керчи – г. Люценко, для Гальштадтского могильника в Австрии – г. Рамзауэра. Переданное после ее смерти, согласно ее воле, в Общество любителей Естествознания включает в себе хорошую Коллекцию Гальштадтских древностей, большое собрание каменных орудий из Олонецкого края, вещи из греческих могил в Керчи, из курганов Киевской губернии и т.д. Покойная занималась также раскопками курганов Петербургской губернии: в бытность свою в Неаполе приобрела хорошую минералогическую коллекцию по Везувию, а в Германии составила ценное собрание ископаемых аммонитов. Своими слепками с археологических предметов А.М. обогатила многие русские и иностранные музеи и вообще она принимала живое участие в том интересе к археологии, который проявился к этой науке на Западе и у нас в шестидесятые годы»¹.

Анна Раевская и Миклухо-Маклай: пересечение научных интересов коллекционерши и морского биолога

Участие А.М. Раевской в Русской этнографической выставке 1867 г. обозначило важное направление ее интересов в области

¹ Анучин Д.Н. Биография-некролог А.М. Раевской // Труды антропологического Отдела Общества любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. – 1897. – Т. 18, вып. 1, 2, 3. – С. 503–514.

этнографии и антропологии. Здесь они пересеклись с интересами выдающегося исследователя и путешественника Н. Миклухо-Маклая, который выдвинул предложение о необходимости создания научных биологических станций в самых отдаленных уголках мира. Такие станции должны были служить временным пристанищем для ученых: здесь они могли бы проводить первичные исследования, собирать научный материал, сохраняя возможность перебраться на любую другую станцию, если того требовала необходимость продолжения исследований и так далее. В 1869 г. на II съезде русских естествоиспытателей и врачей в Москве Миклухо-Маклай выступил с обоснованным проектом организации в Севастополе и Сухуми научных биологических станций для изучения морских ресурсов. Идея была поддержана, и съезд вынес решение об организации биологической станции на крымском побережье – в Севастополе. В 1871 г. Севастопольская биологическая станция начала свою работу, став первой в России и Европе и третьей в мире¹. Кстати, здесь проекту суждена была долгая жизнь: в будущем на ее базе появится Институт биологии южных морей, благополучно действующий по сей день.

Поначалу решение Миклухо-Маклая посвятить себя изучению аборигенов Полинезии многим в то время казалось нелогичным и неожиданным. Действительно, когда в 1869 г. прошедший обучение в Европе и побывавший в экспедициях молодой зоолог вернулся в Россию, его воспринимали как специалиста по морской фауне, уже имевшего несколько работ в этой сфере. Однако успешный морской зоолог неожиданно начинает поиски средств для организации экспедиции по изучению аборигенов Полинезии. План экспедиции в Тихий океан Миклухо-Маклай подал в начале октября 1869 г., буквально через пару месяцев после возвращения на родину. И уже 28 октября совет Русского географического общества постановил принять план г-на Маклая, включающий не

¹ В 1892 г. станция была передана в Императорскую академию наук, и ей были выделены средства на строительство собственного здания с морским аквариумом. Здание, спроектированное архитектором Вейзенем в стиле классического ренессанса и построенное на берегу Севастопольской бухты, стало украшением города. Переезд станции в новое здание и открытие аквариума состоялись осенью 1897 г. В нем была представлена фауна не только Черного, но и Средиземного и Мраморного морей.

только исследования животных, но и антрополого-этнографические наблюдения.

Поистине, пути коллекционера и научного исследователя неисповедимы. Анне Раевской, в отличие от многих, переход от создания научной станции для изучения морской флоры и фауны в Севастополе к экспедиции в Тихий океан для антрополого-этнографических наблюдений аборигенов Полинезии не показался чересчур парадоксальным. Тем более что для нее, проводившей значительную часть жизни в своих крымских имениях и знакомой с Миклухо-Маклаем как инициатором создания биологической станции в Севастополе¹, не могла не стать привлекательной его следующая инициатива по организации антропологических исследований на островах Полинезии. Поэтому неожиданным, но отнюдь не случайным, а весьма знаменательным можно назвать денежное пожертвование Анны Раевской Русскому географическому обществу в 1879 г. на продолжение научной экспедиции Н.Н. Миклухо-Маклая на острова Новой Гвинеи, половину бюджета которой она профинансировала из своих личных средств².

Заключение

В наши дни этнографические коллекции Раевской хранятся в Этнографическом музее, а археологические коллекции – в Государственном историческом музее г. Москвы. В фамильном архиве Раевских (в рукописном отделе Пушкинского Дома) сохранились ее записи и статьи по вопросам археологии степи и лесостепи Европы, дополнявшиеся историко-географическими картами, планами и рисунками важнейших археологических памятников и предметов быта. При этом особо ценной частью архива следует признать переписку Раевской с известными учеными России, руководившими ее занятиями археологией. Из нее следует, что освоением антропологии и этнографии она занималась под руководством петербургского академика К. Бэра, по плану которого осуществила экспедиционное путешествие по Прибалтийскому краю. По древностям Финляндии ее консультировал Игнациус, а

¹ См.: <http://www.krimoved-library.ru/books/raevskie-i-krim10.html>

² См. комментарий Б.Л. Модзалевского: АР. Т. 5. С. 573.

по древностям Олонецкой губернии – крупный археолог и востоковед, иранист П.И. Лерх. В области славянской археологии ее наставником стал чешский ученый В. Ганка. Кроме того, во время пребывания в своем имении «Карасан» в Крыму Анна Михайловна уделяла внимание и памятникам античной древности. Профессор Московского университета П.М. Леонтьев, директора Керченского музея А.Б. Ашик и А.Е. Люценко почти четверть века курировали ее занятия в области археологии, эпиграфики и нумизматики Северного Причерноморья.

А.М. Раевская скончалась в 1883 г. в Петербурге, но была похоронена на воронежской земле, в своем родовом имении Красное, рядом с могилой мужа Н.Н. Раевского – младшего. Во всяком случае, сохранилось завещание с ее пожеланием быть захороненной рядом с ним в склепе Архангельской церкви имения. Не так давно энтузиасту воронежского краеведения Н. Чаплиевой удалось обнаружить останки их могил в разрушенном склепе XIX в.¹

¹ См.: Коммуна. – 2011. – № 8(25636). – 2011. – 21.01.

УДК 303.422; 303.446.4; 303.929 DOI: 10.31249/hist/2023.02.03

ДУНАЕВА Ю.В.* НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО Н.И. КАРЕЕВА.
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ. ЧАСТЬ 1

Аннотация. В статье анализируются работы, посвященные творчеству Н.И. Кареева (1850–1931) – выдающегося русского историка, социолога, специалиста по вопросам теории и методологии истории, философии истории, педагога. Особое внимание уделяется оценкам его трех основных монументальных трудов. Речь идет о магистерской диссертации «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.» (1879), докторской диссертации «Основные вопросы философии истории» (1883) и выходявшему на протяжении нескольких десятилетий изданию «История Западной Европы в Новое время» (1892–1917).

Ключевые слова: Н.И. Кареев; «Школа русских историков»; Н.И. Кареев и философия истории; Н.И. Кареев – историк стран Западной Европы в Новое время; Н.И. Кареев – историк Франции XVIII–XX вв.; позитивизм Н.И. Кареева.

DUNAEVA Yu.V. Scientific creativity N.I. Kareev. Historiographical article. Part 1

Annotation. The article analyzes the works devoted to the work of N.I. Kareev (1850–1931), an outstanding Russian historian, sociologist, specialist in the theory and practice of history and philosophy of history, teacher. Particular attention is paid to the evaluation of his three main, monumental works. This is a master's thesis “Peasants and the

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), e-mail: dunaeva@inion.ru

peasant question in France in the last quarter of the 18th century” (1879), doctoral dissertation “Basic Questions of the Philosophy of History” (1883) and the publication “History of Western Europe in Modern Times” (1892–1917) published over several decades.

Keywords: N.I. Kareev; “School of Russian Historians”; N.I. Kareev and Philosophy of History; N.I. Kareev – historian of Western Europe in Modern Times; N.I. Kareev – historian of France in XVIII–XX centuries; Positivism of N.I. Kareev.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. Научное творчество Н.И. Кареева. Историографическая статья. Ч. 1. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 2. – С. 52–76. DOI: 10.31249/hist/2023.02.03

Введение

Николай Иванович Кареев – автор большого количества работ по разным отраслям гуманитарного знания. Его труды отличаются оригинальностью выбора темы, самобытностью оценок, тщательной работой с архивными материалами. Внимание к деталям сочетается у него с широтой обобщений и выводов. Он как никто другой умел выбрать актуальные вопросы, сложные дискуссионные темы исследований. Неординарные и оригинальные взгляды историка и социолога на исторические проблемы, теорию исторической науки, философию истории, методы исторических исследований привлекали и продолжают привлекать внимание историков, критиков и всех интересующихся историей стран Западной Европы и теоретическими проблемами исторической науки.

Научному наследию Н.И. Кареева посвящено множество работ, на сегодняшний день их насчитывается более 200. В рамках статьи невозможно полностью охватить их все. Цель статьи – проанализировать избранную историографию о нем, представить широкую и разноплановую палитру мнений о его трудах и показать, как менялось отношение к работам историка на протяжении конца XIX – начала XX в.

В статье приводится много цитат из рассматриваемой историографии, чтобы дать возможность ощутить дух эпохи, показать контраст между революционным и советским периодом по отно-

шению к великому ученому. Статья строится по типологическому и хронологическому принципу. Так можно более наглядно представить развитие исторической и философской концепции Кареева, а также понять, как менялись оценки его исследований в зависимости не только от развития науки, но и от идеологических установок, что особенно заметно в советской историографии.

Дореволюционный период

Заниматься наукой Кареев начал еще с юности. И по темам исследований заметно, как менялись его интересы. Первой научной работой была «Фонетическая и графическая система древнего эллинского языка» (1868). Затем молодой исследователь обратился к философским проблемам и издал книгу «Космогонический миф» (1873). Развитием темы стали «Мифологические этюды» (1874). В том же году была издана «Книга законов Ману». А в 1876 г. вышла в свет брошюра «Очерки Возрождения». Однако к моменту написания магистерской диссертации у Кареева уже определилась центральная научная стезя – история Франции XVIII в.

С тех пор история Франции стала одним из предметов его исследований. Работы Н.И. Кареева и его коллег И.В. Лучицкого, М.М. Ковалевского и др., посвященные политической и экономической истории Франции, были так высоко оценены французскими коллегами, что те ввели определение «русская школа» (*L'école russe*), или, как закрепилось в нашей литературе, школа русских историков, иногда ее называют «школа русских историков и социологов». Ведь ее основатели были также первыми русскими социологами.

Темой магистерской диссертации Кареева стала аграрная история Франции в годы Великой французской революции. И это показательный момент, характеризующий историка. Его научный руководитель, выдающийся историк В.И. Герье, советовал ему написать диссертацию о Франциске Ассизском. Но молодой Кареев проявил характер и выбрал более актуальную тему – историю крестьянства, да еще времен Французской революции, исследование которой, мягко говоря, не приветствовалось в то время. Кстати, именно поэтому диссертация получила такое обтекаемое название – «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней

четверти XVIII в.» (1879). Исследование выполнено на основе долгих и кропотливых изысканий в архивах и библиотеках Франции. Интерес к истории крестьянства был обусловлен формирующимися политическими и историческими взглядами молодого ученого. В пореформенной модернизирующейся России тема крестьянства была, что называется, на повестке дня, и в выборе молодого ученого проявилось то, что можно назвать научной интуицией. Кареев умел выбирать самые острые и актуальные вопросы для исторических, теоретических и методических работ. Не случайно поэтому его исследования получали яркие эмоциональные отзывы.

Еще до официальной защиты с основными тезисами диссертации познакомился народник, социолог и историк П.Л. Лавров. По его мнению, эта работа представляет собой «...крупный вклад в нашу литературу по одному из важнейших периодов европейской истории»¹. В другой статье, подробно разбирая диссертацию Кареева и книгу историка, публициста, общественного деятеля В.А. Гольцева «Государственное хозяйство во Франции XVII в.», Лавров отметил, что по сравнению с работой Гольцева исследование Кареева более оригинально и лучше обосновано с научной точки зрения. «Насколько можно судить, г. Кареев стоит в настоящее время на точке зрения, которая позволяет правильное понимание исторических событий, и наша общеисторическая литература может обещать себе интересное приобретение от его будущих работ»². Кареев сумел выделить самые важные и наболевшие проблемы французского крестьянства, его выводы самостоятельны и аргументированны, заключает Лавров.

Магистерская диссертация принесла Карееву европейскую известность, зарубежные коллеги оценили значимость труда русского историка. Среди них были немецкие мыслители К. Маркс и Ф. Энгельс. Маркс в письме Ковалевскому назвал работу Кареева превосходной³. Хотя он не соглашался с мнением Кареева о фи-

¹ Материалы для биографии Лаврова. – Петроград., 1921. – Вып. 1 / под ред. Витязева П. – С. 44.

² П-ский П. История Франции под пером новых русских исследователей // Дело. – Санкт-Петербург, 1879. – № 4. – С. 1–39.

³ Маркс К. Письмо Максиму Максимовичу Ковалевскому в Москву (№ 162) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. – Москва : Гос. изд-во политической литературы, 1955–1966. – Т. 34 : 1964. – С. 286.

зиократах. А французский историк Фюстель де Куланж писал: «...это плод серьезной работы, и я считаю, что французы могли бы многое узнать из этого исследования, которое русский историк предпринял об этой части нашей истории» [цит. по: 14, с. 43].

Но следует отметить, что были и критические оценки. Официальный оппонент В.И. Герье, с которым Кареева связывали многолетние довольно сложные отношения учителя и ученика, отметил некоторую небрежность Кареева в оценке работ предшественников. В отличие от Герье, неофициальный оппонент Ковалевский одним из первых обратил внимание на значительное количество новых фактов, привлеченных диссертантом.

После защиты магистерской диссертации Кареев несколько лет преподавал в Варшавском университете, где читал лекции по всем периодам всемирной истории: от Античности до Нового времени. Вполне естественно, что он заинтересовался историей Польши, особенно периодом Реформации и католической реакции, реформами XVIII в. Свои взгляды на историю Польши он представил в нескольких книгах и в сборнике статей *Polonica*¹. Часть его работ была переведена на польский язык. Труды по истории Польши были оценены по достоинству, и историк был выбран членом-корреспондентом Краковской академии наук.

Вышедшая в свет в 1883 г. докторская диссертация «Основные вопросы философии истории» вызвала такой многолетний шквал откликов, что историку пришлось издать книгу-ответ «Моим критикам»². Дело было не только в оригинальности выбранной им темы, но и в той атмосфере, которая царил в науке конца XIX в. Это время увлечения и усвоения, сообразно с русским менталитетом, разных западных теорий: позитивизма, марксизма, либерализма и проч. Позитивизм был настолько популярен в среде российской интеллигенции, что говорили о его ответвлении – русском позитивизме. К тому же в это время бурно развивались естественные науки и были попытки «примирить» и «соединить» их с гуманитарным знанием. Казалось, что вот-вот будет найден ком-

¹ Кареев Н.И. *Polonica* (Сборник статей по польским делам 1881–1905 гг.). – Санкт-Петербург, 1905. – 268 с.

² Кареев Н.И. *Моим критикам: Защита книги «Основные вопросы философии истории»*. – Варшава : тип. К. Ковалевского, 1884. – 84 с.

промисс и возникнет твердая научная почва для принципиально новых подходов к изучению истории. Например, будут открыты законы исторического развития общества. Кареев, без всяких сомнений, был позитивистом, его привлекало то, что позитивизм «...выступил со знаменем служения человечеству в его самых настоятельных нуждах... обещал построить человеческое счастье на прочном фундаменте, какой представляла созданная им наука – социология»¹. Но, будучи одним из первых социологов в стране, он настаивал на том, что возможно открытие законов социологических и психологических, применимых для изучения истории, но никак не исторических. Их существование он всегда отрицал, хотя писал в диссертации и в более поздних работах об исторических закономерностях, но не о законах. Историк придерживался всемирно-исторического подхода и теории факторов, использовал концепцию возникновения и развития цивилизаций, разработанную географом, анархистом-революционером Л.И. Мечниковым.

В докторской диссертации ученый затронул целый ряд нерешенных, малоизученных и дискуссионных теоретических проблем исторической науки: это теория исторического прогресса, теория факторов, «законного» и «незаконного» субъективизма, роль личности в истории. Но самое главное – была сформулирована основная задача философии истории: это суд историка над историей. Впоследствии в одной из статей он прямо заявил: «...да, именно, суд над людьми и суд над человечеством»². Это довольно смелое утверждение сверхзадачи работы историка, оно до сих пор вызывает интерес.

Из современных исследователей на этот тезис обратил внимание А.Н. Нечухрин [28, с. 43], по его мнению, речь идет не об осуждении и вынесении приговора истории, а об осмысленном и оценочном к ней отношении. Необходимо отказаться от пассивного восприятия прошлого и внести элемент активного его осмысления. С развитием философской и исторической науки необходимо глубже и шире постигать и изучать прошлое, детальнее анализировать его.

¹ Кареев Н.И. Позитивизм в русской литературе // Социология в России XIX – начала XX в. – Москва, 1997. – С. 238.

² Кареев Н.И. Суд над историей // Русская мысль. – 1884. – № 2. – С. 6.

В докторской диссертации Кареев разработал оригинальную концепцию философии истории как обществоведческого синтеза, выполняющего следующие основные функции: 1) философия истории выступает в качестве общеметодологического и идейного обоснования позиции исследователя; 2) философия истории вырабатывает определенные идеалы, к которым должно двигаться человечество; 3) философия истории оценивает историческое прошлое с точки зрения прогресса.

Актуальность и дискуссионность поставленных или решенных проблем сказались на судьбе диссертации. Главным образом Кареева порицали за то, что он не признавал существование специфических исторических законов. За это его критиковал, в частности, историк, либерал, редактор такого авторитетного издания, как «Русская мысль» В.А. Гольцев, который отмечал излишнюю запутанность аргументации, злоупотребление цитатами и расплывчатость изложения¹. Примерно в том же духе выдержана небольшая анонимная рецензия на диссертацию. Стилистические погрешности в произведении, терминологические нововведения, пристрастие к рубрикам и классификациям, чрезмерная обширность историографических обзоров – таковы, по мнению рецензента, недостатки этого труда².

Не менее резким и критическим был отзыв известного историка П.Н. Милюкова. Позитивист Кареев предложил свое видение системы гуманитарных наук: они, по его мнению, должны быть объединены в две большие группы – феноменологические (описательные) и номологические (устанавливающие законы), а над ними как высшая ступень гуманитарного знания должна была возвышаться философия истории. Милюков отрицательно оценил эту структуру как ничем не обоснованную. В самой диссертации Милюков находил только два «избитых положения», а концепцию философии истории, представленную Кареевым, определил как

¹ Гольцев В.А. Основные вопросы философии истории // Русская мысль. – 1883. – № 11. – С. 144–149.

² Рецензия на «Основные вопросы философии истории» // Отечественные записки. – 1883. – № 12. – С. 233–237.

ненаучную¹. Вероятно, в этих оценках сказалось неприятие Милоковым философии истории как науки.

В отличие от Милокова социолог и публицист Б.Л. Ленский (Б. Онгирский) признал, что работа Кареева представляет собой «чрезвычайно интересное явление в нашей литературе»². Вместе с тем Ленский указал на ограниченность сферы применения законов психологии и социологии при изучении истории. По его мнению, эти законы имеют значение только для основных элементов исторического факта. Они не могут объяснить факт в его целостности и индивидуальности³.

Теория прогресса, разработанная Кареевым в этой работе и других трудах, также вызвала критику. Например, возражения писателя Л.К. Попова (псевдоним Эльпе) были направлены против кареевского понимания прогресса и эволюции. Хотя надо признать, что Эльпе более благожелателен к Карееву, чем другие авторы: «...многие положения почтенного автора этого богатого труда очень, конечно, спорны и проблематичны. Нельзя сказать, чтобы он вполне совладал со своей обширной задачей, да и едва ли это возможно требовать ввиду крайней трудности и совершенной неразработанности, ввиду почти бесконечной сложности и запутанности вопросов, входящих в область такого обширного предмета как философия истории. Но уже одна попытка подчинить эту философию идее развития, положить ее в основу исследований вопросов историософии, показать значение этой идеи в данной области научно-философского знания, применить ее к общей характеристике явлений исторического прогресса, значительно выдвигают вперед труд Кареева и дают ему право на одно из первых мест в историко-философской литературе нашего времени»⁴.

Представленная Кареевым иерархическая система гуманитарных наук вызвала критику публициста Л.З. Слонимского. Он счел напрасным предложение Кареева разделить области познания философии истории, истории и социологии, а выделение историософии как самостоятельной науки недостаточно мотивированным.

¹ Милоков П. Историософия Н.И. Кареева // Русская мысль. – 1887. – № 11. – С. 90–101.

² Ленский Б. Случайность и необходимость в истории // Дело. – 1883. – № 11. – С. 3.

³ Там же

⁴ Эльпе. Научные письма // Новое время. – 1883. – № 2795, 8 дек. – С. 3.

Теорию прогресса Кареева Слонимский отнес к своего рода метафизическим конструкциям¹.

Чрезвычайно оживленной была полемика Кареева с коллегой – историком Н.Я. Гротом². Последний критиковал ученого за признание элементов субъективизма в науке. При этом Грот апеллировал к достижениям психологии, утверждающей возможность объективного анализа субъективных явлений.

Несколько позже Кареев издал книгу «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» (1914), в которой, в частности, продолжил разрабатывать темы, поднятые в диссертации. Это издание не вызвало таких значительных откликов. Историк Н.Н. Любович положительно оценил труд Кареева, но упрекнул его за чрезмерное акцентирование фактора психологии в историческом процессе³. Но критика коллег не остановила ученого, на протяжении научной деятельности он продолжал заниматься философскими и теоретико-методологическими проблемами истории как науки⁴.

Второй фундаментальной работой, вызвавшей не такие бурные и в большинстве своем благожелательные отзывы коллег-историков, стало многолетнее издание «Истории Западной Европы в Новое время. Развитие культурных и социальных отношений» (1892–1917) и, как его продолжение «История Западной Европы в начале XX века» (1920).

В журнале «Русское богатство» анонимным автором была опубликована рецензия на первый том «Истории Западной Европы в Новое время». Автор рецензии довольно тщательно разбирает

¹ Слонимский Л.З. Законы истории и социальный прогресс // Вестник Европы. – 1883. – № 11. – С. 253–282.

² Грот Н.Я. Опыт нового определения понятия прогресса // Одесский листок. – 1883. – № 266. – С. 2.

³ Любович Н.Н. Вопрос о сущности исторического процесса // Русская мысль. – 1891. – № 12. – С. 108–114.

⁴ См., например: Кареев Н.И. Идея всеобщей истории. – Санкт-Петербург, 1885. – 19 с.; Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. – Санкт-Петербург, 1895. – 299 с.; Кареев Н.И. Историология. Теория исторического процесса. – Петроград, 1915. – 320 с.; Кареев Н.И. История и философское значение идеи прогресса // Северный вестник. – 1891. – № 11. – С. 57–76 ; № 12. – С. 91–112; Кареев Н.И. Теория исторического знания. – Санкт-Петербург, 1913. – 320 с. и др.

содержание тома и подчеркивает доступность изложения. Это исследование может читать и тот, кто лишь немного знаком с историей стран Западной Европы и, конечно, специалист. Также рецензент указывает на обилие фактов, приведенных в книге, и положительно оценивает философские идеи, ставшие фундаментом этого труда. По его словам, «это придает труду свою собственную физиономию»¹.

Совсем другая оценка была дана заключительному седьмому тому, который выходил в 1916–1917 гг. Повествование в нем доходило до причин начала мировой войны. Автор рецензии – историк, специалист по истории Нового времени А.Е. Кудрявцев – отметил, что это труд, не имеющий аналогов в отечественной и в иностранной исторической науке. Но вместе с тем он обвинял Кареева в эклектизме и в том, что тот не анализирует факты, а описывает их. Далее следует совершенно парадоксальный, политизированный вывод. Для передачи специфики приведу его целиком: «Нечего и говорить о том, что недостатки проф. Н.И. Кареева, как историографа – особенно сильно сказались на изложении и объяснении событий настоящей войны. В данном случае автор проявил сугубую беспомощность и зависимость от империалистических вождельний отечественного империализма. Причины войны, по мнению автора, “многочисленны и сложны” – а какую из них следует поставить на первом месте, он затрудняется сказать. Во всяком случае “англо-германский антагонизм” не является для него основным фактором и фактом мировой войны.

Заключительная часть труда почтенного историка, как невольная дань его политическим симпатиям – является наименее ценной и наиболее оспариваемой»². Следует отметить, что это первая из найденных мной в отзывах политизированная оценка трудов Кареева. Впоследствии такой подход к работам гранда русской исторической мысли надолго закрепился в советской историографии.

¹ [Рец.] // Русское богатство. – 1883. – № 1. – С. 79.

² Кудрявцев А.Н. Кареев. История Западной Европы в новое время // Летопись. – 1917. – Т. 7 : История западной Европы в начале XX столетия (1901–1914 гг.), № 5/6. – С. 367.

Советский период

В годы советской власти творчество Кареева, как, впрочем, и остальных «буржуазных историков», либо замалчивалось, либо критиковалось. В частности, Кареева критиковали за либеральные взгляды, естественно, что его причислили к представителям «старых специалистов». Несмотря на вынужденное сотрудничество с властью большевиков Кареев по мере сил старался сохранять свои убеждения. На предложение переделать новые работы в духе современных политических и идеологических веяний он ответил резко отрицательно, приведя слова, сказанные Мартином Лютером: «На этом я стою и не могу иначе». Он не выступал открыто против новой власти, а старался выжить и спасти родных. Вместе с тем ему хватило храбрости и гражданского мужества прийти и проводить тех, кто был вынужден покинуть родину на «философских пароходах».

Не меняя политических и теоретических взглядов, он продолжал публиковаться и преподавать в разных вузах страны примерно до середины 1920-х годов, затем последовал период полного запрета преподавания и публикаций. Но к концу 1920-х годов ситуация внезапно улучшилась: в 1929 г. ученый был избран почетным членом АН СССР (с 1910 г. член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук), ему была назначена почетная пенсия. Казалось, что конец жизни, или, по словам Кареева, закатные годы, пройдут спокойно. Однако все оказалось не так. С августа 1929 г. начались нападки на Академию наук и ряд ее членов, естественно, и на старых специалистов, среди которых оказался и Николай Иванович Кареев. На заседании методологической секции Общества историков-марксистов в декабре 1930 г. академик Н.М. Лукин выступил даже не с критикой, а с резким обличением Кареева. Теперь ему припомнили все: либерализм, кадетское прошлое, позитивизм, критику марксизма, приписали «антимарксистские выкрики в печати»¹. Имеется в виду уникальная работа Каре-

¹ Подробнее см.: Лукин Н.М. Вводное слово при открытии заседания Методологической секции общества историков-марксистов 18 декабря 1930 г. // Историк-марксист. – 1931. – Т. 21. – С. 44; Лукин Н.М. Доклад академика Н.М. Лукина в обществе историков-марксистов // Красная газета. – 1931. – № 305. – С. 2; Фрейберг Н.П. Буржуазные историки Запада в СССР // Историк-марксист. – 1937. –

ева по историографии Французской революции за 50 лет изучения¹. «Нестор русских историков», или как его еще называли, «добрый гигант», не был репрессирован, так как скончался 18 февраля 1931 г. Говорят, его последними словами были строфы А.С. Пушкина из «Вакхической песни»: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!». Человек-эпоха ушел из жизни и отошел в историю.

В 1920-е годы только несколько исследователей рискнули обратиться к творчеству представителя дореволюционной научной мысли, либерала и «буржуазного историка», по терминологии тех лет. Среди немногочисленных исследований необходимо отметить отзывы на исторические произведения Кареева и, прежде всего, «Историю Западной Европы в Новое время». Ученик Кареева В.А. Бутенко так высказался об этой работе: «...строго научный по содержанию, снабженный обильными библиографическими указаниями, заботливо подновляемый и освежаемый автором при каждом новом издании отдельных томов, труд Н.И. Кареева сделался незаменимым университетским пособием для студентов и вместе с тем настольной книгой для всякого начинающего работника в области новой истории» [3, с. 131].

Вдобавок В.А. Бутенко подчеркнул открытие, сделанное в магистерской диссертации. Кареев пересмотрел вопрос о принадлежности земельной собственности среди разных сословий во Франции. В исторической науке того времени была распространена точка зрения, согласно которой земля была поделена между самостоятельными хозяевами и батраками. Кареев, на основе архивных материалов, показал, что большая часть земли принадлежала привилегированным сословиям.

Бутенко также отметил вклад, внесенный историком в изучение деятельности Парижских секций времен революции 1789 г. Обратившись в 1910-е годы к этой теме, Кареев не только опубли-

Т. 21. – С. 44–86; Фрейберг Н.П. Доклад о Н.И. Карееве // Историк-марксист. – 1931. – Т. 21. – С. 76–86.

¹ Историографический очерк Н.И. Кареева был написан на французском языке и опубликован в авторитетном французском журнале *Revue historique*. Только в середине 1990-х годов В.П. Золотарев перевел его на русский язык и опубликовал. См.: Кареев Н.И. Отчет о русской исторической науке за 50 лет (1876–1926) // Отечественная история. – 1994. – № 2. – С. 136–154.

ковал архивные документы, но и пересмотрел некоторые закрепившиеся в науке сюжеты. Например, на основе протоколов заседаний секций он доказал, что секции в перевороте 9 термидора больше склонялись к поддержке Конвента, а не Робеспьера¹.

В солидном исследовании В.П. Бузескула «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX вв.» даны историографические очерки. Среди них есть и посвященный Карееву, в котором подробно разбираются разные стороны научной работы историка. Бузескул так же, как и Бутенко, высоко оценил «Историю Западной Европы в Новое время». Он писал: «...по широте масштаба, точности и объективности равного этому труду нет ни в русской, ни в западноевропейской литературе» [2, с. 164].

В.П. Бузескул одним из первых обрисовал не только Кареева – специалиста по истории европейских стран и Франции, но и другие направления его работы, в частности, он упомянул о Карееве – популяризаторе истории, имея в виду выходившие на протяжении ряда лет «Введения» в разные периоды истории, а также социологии². Кареев-историк не ограничивался только Средневековьем, Новым и Новейшим временем. У него есть работы по истории Древнего мира³. По сей день не изучена работа Кареева-рецензента, отметил Бузескул. Кареев был автором многочисленных рецензий и историографических обзоров, он много сотрудничал с такими авторитетными изданиями, как «Энциклопедический словарь Гранат» и «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», в котором историк редактировал весь раздел «История».

¹ Кареев Н.И. Парижские секции времен Французской революции. – Санкт-Петербург, 1911. – 105 с.; Кареев Н.И. Революционные комитеты парижских секций. – Санкт-Петербург, 1913. – 86 с.; Кареев Н.И. Роль парижских секций в перевороте 9 термидора. – Петроград, 1914. – 86 с.; Кареев Н.И. Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора II года. – Петроград, 1915. – 66 с.

² Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. – Санкт-Петербург, 1913. – 422 с.; Кареев Н.И. Введение в курс истории древнего мира. – Санкт-Петербург, 1895. – 110 с.; Кареев Н.И. Введение в курс истории новейшего времени. – Варшава, 1881. – 90 с.; Кареев Н.И. Введение в курс истории нового времени. – Варшава, 1884. – 90 с.; Кареев Н.И. Введение в курс истории средних веков. – Санкт-Петербург, 1886. – 119 с.

³ См., например: Кареев Н.И. Монархии древнего Востока и греко-римского мира. – Санкт-Петербург, 1913. – 405 с.

Кареев принимал участие в работе общественных организаций, например Литературного фонда. При этом он был председателем основанного им же «Исторического общества» и главным редактором выпускаемого Обществом журнала «Историческое обозрение». К этому следует добавить, что Кареев преподавал в Санкт-Петербургском университете и других учебных заведениях.

Но подобное объективное и уважительное отношение к произведениям «буржуазного специалиста» было скорее исключением, чем правилом. В это время преобладает огульная критика, примером которой могут служить оценки Ц. Фридлянда. Рассматривая дореволюционную историографию, он отметил, что представители «Русской школы» не могли правильно определить связь между экономической и социальной борьбой во время революции 1789 г. Вдобавок историки этой школы выражали либеральные взгляды и были враждебны марксизму, следовательно, их творчество не представляет интереса, таков вердикт автора¹. Подобные оценки долгое время доминировали в отечественной историографии, и их причины понятны.

Прорывом стала фундаментальная статья известного историка С.В. Валка, вышедшая в 1948 г. [4]. Надо обладать мужеством человека и широтой взглядов ученого, чтобы в те годы назвать Кареева «выдающимся исследователем», одним из создателей «Русской школы Французской революции». Его магистерская диссертация, основанная на не изученных ранее материалах, вызвала отклик не только среди научных, но и в революционных кругах (Маркс, Энгельс, Лавров), подчеркнул Валк.

Многолетнее преподавание Кареева в Санкт-Петербургском университете Валк оценил следующим образом: историк «сумел достигнуть того, что Петербургский университет явился одним из важнейших центров изучения истории Французской революции в России» [4, с. 42]. Валк напомнил и о так называемых «типологических курсах» Кареева, представлявших собой краткие очерки по истории от Античности до Новейшего времени. Мало кто из современников Кареева, пишет Валк, рискнул бы исследовать формы

¹ Фридлянд Ц. Итоги изучения Великой французской революции в СССР. – Москва, 1930. – С. 32.

власти, эволюцию государств, охватывая период от античного мира до XIX в. [4, с. 41].

В 1950–1970-е годы вышло всего несколько работ о творчестве Кареева, одна из них посвящена магистерской диссертации ученого. В статье И.И. Фроловой отмечается, что книга Кареева «представляет собой выдающееся явление в исторической науке XIX в., однако в советской литературе не было до сих пор ни одного обстоятельного ее разбора» [37, с. 317]. Сильной стороной работы она называет предпринятый историком анализ феодального строя с социально-экономической точки зрения, благодаря которому было выявлено расслоение в крестьянской среде и неравномерность распределения земли внутри крестьянства. Слабыми моментами концепции Кареева Фролова считает буржуазно-либеральную трактовку революции и вытекающее отсюда признание возможности альтернативного развития Франции, непонимание специфики феодальной ренты как источника эксплуатации.

Примерно в том же духе оценил работу Кареева Б.Г. Вебер, нашедший несколько положений, обеспечивших ей достойное место в отечественной исторической науке [5, с. 183]. Несомненным шагом вперед, пишет Вебер, было принципиальное несогласие Кареева с точкой зрения А. де Токвиля, согласно которой уже до революции 1789 г. французские крестьяне были в массе своей земельными собственниками. В отличие от представителей современной ему французской либеральной историографии Кареев смог увидеть сложную структуру аграрных и социальных отношений между крестьянами и феодалами, неоднородность третьего сословия. Недостатками работы Вебер считает ее ярко выраженную антиреволюционную либеральную направленность [6, с. 464–487].

В 1960-е годы снова возник интерес к философским и теоретическим работам Кареева. Но зачастую критический анализ его философии истории подменялся навешиванием идеологических ярлыков. Не ставя целью подробно и вдумчиво разобрать концепцию, авторы упрощенно излагали ее основные положения, а Кареева называли «слабым, путанным философом». Вдобавок причисляли его к выразителям антинародной либерально-буржуазной идеологии [15, с. 552–553; 16, с. 403–405].

Совершенно иная, серьезная и взвешенная оценка творчества Кареева содержится в вышедшей в те же годы диссертации

историка В.П. Золотарева, посвященной методико-педагогической работе ученого [12]. Золотарев вышел за рамки поставленной темы и уделил внимание эволюции политических взглядов историка, рассмотрел методологическую основу всемирно-исторической концепции, проанализировал работы Кареева, посвященные теории и методике преподавания. Несомненным достоинством работы является использование Золотаревым значительного количества архивных материалов. Он внес бесценный вклад в отечественную историческую науку, «вызвав из небытия» фигуру Кареева, именно с этого исследования начинается систематическое изучение его творческого наследия. Кандидатская и докторская диссертации Золотарева, его монументальное исследование историко-философской концепции показали высокий уровень исторического исследования творчества выдающегося учёного [10; 11; 12; 13].

В середине 1960-х годов историк Б.Г. Могильницкий обратился к изучению политических взглядов и теорий, выдвинутых историками-медиевистами либерального направления [24; 25]. На протяжении нескольких десятилетий эта тема будет доминировать в его творчестве. Он не побоялся положительно и адекватно подойти к их научному наследию. Не критикуя и не оспаривая позитивизм и либерализм, ученый сосредоточился именно на исторических трудах, показав глубину поднимаемых и рассматриваемых вопросов и масштабы их творчества. На примере трудов Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского, И.В. Лучицкого, Р.Ю. Виппера, П.Г. Виноградова показано зарождение и развитие либеральной историографии. Выявлена связь между исторической проблематикой и общей атмосферой пореформенной России, определено отношение русского либерализма к основным течениям европейской философской мысли и марксизму, раскрыты теоретические основы исторических концепций. Могильницкий отметил взаимосвязь между тематикой научных исследований и содержанием политической теории либерализма. Изучение европейской истории Средних веков и Нового времени привело российских либералов к двум важнейшим выводам, сказавшимся на их практической деятельности: вере в исторический прогресс и стремлении к реформированию, а не к революции, заключает историк.

В 1970-е годы вышел ряд трудов, анализирующих различные аспекты философии и методологии истории Кареева. В диссертации

ции Л.В. Гнатюк исследуется структура исторического процесса, идеологические и гносеологические источники концепции; рассмотрен вклад Кареева в становление и развитие социологии [7]. Гнатюк обратила внимание на то, что Кареев использовал подходы и методы из разных наук, сочетая их. За это его всегда критиковали и обвиняли в эклектизме. Гнатюк опровергла эти упреки и совершенно справедливо назвала их «синтезом», умением сочетать разные элементы актуальных и передовых теорий и использовать их на практике в конкретно-исторических, социологических и философско-исторических трудах. Впоследствии эта тема «синтезов» получила развитие в работе Б.С. Сафронова [35] и других историков. Отмечу, что также поддерживаю эту точку зрения на подход Кареева к истории, тем более что последний как-то признался, что его привлекает больше работа, основанная на собирании, синтезе фактов.

На протяжении ряда лет к изучению методологических и теоретических положений философско-исторической концепции Кареева обращался А.Н. Нечухрин. Тема его диссертации – специфика социального познания в трудах историков-либералов [27]. В другом произведении этого автора рассмотрено отношение историков-либералов к историографическому кризису конца XIX – начала XX в., влияние общественно-политической обстановки в России конца XIX в. на предмет исторических изысканий и т.п. [28].

В 1970–1980-е годы работы Кареева, посвященные истории европейских стран, исследовались в трудах В.А. Дунаевского, Б.Г. Вебера, Л.П. Лаптевой, Е.В. Гутновой [9; 6; 23; 8].

В.А. Дунаевский критиковал либерально-буржуазные взгляды историка, но отметил его историографические работы: «...большая эрудиция Кареева, использование им значительного количества фактического материала дали возможность автору сгруппировать, и в известной степени охарактеризовать (конечно, лишь в чисто историографическом плане) массу исторической литературы, вышедшей в России, Западной Европе и частично во внеевропейских странах за период XVIII – начала XX вв.» [9, с. 259].

В работе Е.В. Гутновой освещены наиболее характерные черты научного подхода Кареева: теория факторов, критика эко-

номического материализма, отрицание исторических законов [8, с. 277–279].

Л.П. Лаптева, анализируя взгляды Кареева на историю гуситского движения, подчеркивает, что историк обозначил сложную структуру движения таборитов, показал динамику взглядов Яна Гуса. Новшеством в работе Кареева было рассмотрение гуситского движения на общем фоне европейской истории, заключает она [23, с. 245–246].

В 1980–1990-е годы появились работы обобщающего характера, например, в книге В.П. Шкуринова основное внимание уделено влиянию позитивизма на взгляды Кареева и его вкладу в разработку этой концепции [38, с. 300–307]. В монографии Г.П. Мягкова впервые в отечественной историографии показаны условия и предпосылки возникновения школ всеобщих историков, их место в отечественной науке XIX–XX вв. [26].

В вышедшей в конце 1980-х годов монографии Золотарева исследуются важнейшие аспекты историко-философской теории ученого, трактовка историком темы революции. В качестве примеров взяты Французская революция 1789 г., революционные события в Европе в 1848 г. и Парижская коммуна. Как обычно, Золотарев привлек не только опубликованные, но и архивные материалы [10].

В многочисленных статьях Золотарева, выходивших в последние десятилетия XX в., затрагиваются различные проблемы научного наследия Кареева: историографические работы ученого; его оценка роли и значения классовой борьбы; научная деятельность Кареева после революции 1917 г.; специфика изучения Новой истории стран Западной Европы школой русских историков и социологов, «школой Н.И. Кареева» и марксистской историографией. Золотарев также рассмотрел взгляды Кареева на феномен абсолютизма и оценку событий Французской революции 1789 г.¹

¹ См., например: Золотарев В.П. Кареев как историк Парижской коммуны // Актуальные проблемы историографии всеобщей истории. – Сыктывкар, 1980. – С. 58–66; Золотарев В.П. О месте классовой борьбы в исторической концепции Н.И. Кареева // Вопросы отечественной и всеобщей истории в трудах русских историков XIX – начала XX века. – Воронеж, 1983. – С. 77–85; Золотарев В.П. Научно-исследовательская деятельность Н.И. Кареева в советское время // Изучение и преподавание историографии в высшей школе. – Петрозаводск, 1985. –

В эти годы Золотарев снова внес значительный вклад в историческую науку и в «карееведение», подготовив к печати и издав мемуары Кареева «Прожитое и пережитое» (1990). Он же выступил автором вступительной статьи и комментариев.

В период 1980–1990-х годов историки, отказавшись от прежних жестких идеологических установок, непредвзято рассматривают творчество Кареева, объективно оценивая его вклад в отечественную историческую науку и социологию. В основном их внимание привлекают работы, посвященные истории Французской революции. Б.С. Итенберг называет магистерское исследование Кареева замечательным потому, что оно «...на основе обширного материала (опубликованного и архивного) положило начало подлинному научному изучению роли народа в революции» [17, с. 120]. Однако есть и другие оценки. Примером тому может служить депонированная рукопись Т.И. Ивановой, посвященная работам Кареева по истории Великой французской революции [14]. Иванова предлагает свое видение творчества историка. Она выделяет в нем несколько периодов. Первый – время формирования концепции, когда под влиянием отдельных положений марксизма историк обратился к изучению аграрного вопроса; второй период – его переход на умеренно-либеральные позиции; третий – изучение истории Парижских секций и четвертый, когда Кареев не создает ничего, кроме популярных брошюр и историографических исследований.

Сложно согласиться с этой точкой зрения, поскольку Кареев считал марксизм просто одним из направлений исторической и социальной мысли. А его обращение к истории крестьянства было вызвано обстановкой в пореформенной Российской империи, началом индустриальной модернизации и его либеральной позицией. Никаких резких изменений его либеральные взгляды не претерпели, хотя их эволюцию было бы интересно проследить. Он был, если можно так выразиться, умеренным либералом и сторон-

С. 121–125; Золотарев В.П. К вопросу об отношении Н.И. Кареева к марксизму // Проблемы отечественной и всеобщей истории в трудах советских исследователей. – Воронеж, 1985. – С. 97–110; Золотарев В.П. Н.И. Кареев как пропагандист отечественной науки новой истории в странах Запада // Буржуазная историография Западной Европы и США проблем новой и новейшей истории (XIX – XX вв.). – Сыктывкар, 1986. – С. 57–71; и др.

ником эволюционного, реформаторского развития общества. Далее, что касается его послереволюционной научной деятельности, то в 1918 г. вышла в свет книга «История Французской революции», позже были опубликованы такие издания, как «Западная Европа в Новое время. (Революция и Наполеоновская эпоха)» (1922), трехтомный историографический обзор «Историки французской революции» (1924–1925)». Эти и другие работы, часть из которых до сих пор не опубликованы, никак нельзя причислить к брошюрам. Относительно же историографических обзоров, то он публиковал их еще до революции, а также и после нее – вот в этом соглашусь с автором.

В эти же годы не остались без внимания методологические проблемы философии истории Кареева. В работах Ю.Г. Коргунюка рассмотрена методология исторического познания Кареева в контексте историографических традиций позитивизма и немецкой философии истории [19; 20; 21].

В начале 1990-х годов вновь возникает интерес к, казалось бы, окончательно решенной марксистской историографией проблеме о «героях и толпе». Естественно, что некоторые исследователи обращаются к работам Кареева, посвященным этому вопросу. В диссертации Л.И. Крашкиной отношения герой – толпа раскрываются на общем фоне его философии истории [22]. В работе В.А. Алексеева и М.А. Маслина представлен анализ малоизвестных работ молодого Кареева, посвященных мифологии и коллективной психологии. Авторы полагают, что именно в эти годы зародился интерес ученого к коллективной психологии, оформившись затем в теоретических работах в этнопсихологическую составляющую его концепции [1].

Малоизученная проблема взглядов историков-либералов на события и характер английской революции рассматривается в работах Л. Норден [30, 31]. В 1995 г. вышла обобщающая монография Б.Г. Сафронова «Н.И. Кареев о структуре исторического знания», раскрывающая теоретические основы доктрины, ее источники и структуру [35]. Сафронов привлек обширный архивный материал, значительное количество публикаций того времени, показал взаимосвязь творчества Кареева с научной и общественно-политической ситуацией в стране. Важным элементом книги является обозначение «белых пятен»: недостаточно изучено взаимо-

влияние исторических и философских подходов в работах Кареева, оценка его наследия, представленная в трудах П. Сорокина, Г. Гуревича, О. Лурье [35, с. 15, 17–18].

В статье Л.И. Новиковой и И.Н. Сиземской, посвященной отечественному философско-историческому наследию, после долгого перерыва, снова была затронута кареевская теория прогресса. Авторы обратили внимание на то, что Кареев предложил понимать прогресс как критерий оценки исторического развития [29, с. 304–311].

Отношение Кареева к якобинской диктатуре – предмет статьи Д.А. Ростиславлева [33, с. 155–169]. Он увидел неоднозначность оценки Кареевым Французской революции. Признавая положительные завоевания революции, историк крайне негативно оценивал деятельность якобинских лидеров, вменяя им полное попрание революционных лозунгов свободы, равенства и братства, прав человека. Ростиславлев подчеркнул определенную взаимосвязь между тематикой произведений Кареева и общественно-политической ситуацией в Советской России, например, к теме французского революционного трибунала историк обратился после того, как в стране начали действовать карательные органы ВЧК.

Среди произведений, появившихся в последние годы XX в., заметна тенденция к поиску новых тем и аспектов в творчестве Кареева. В монументальной монографии С.Н. Погодина «Русская школа историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский» [32] вначале рассмотрены научные школы в исторической науке как явление. Во второй части представлены биографические очерки об историках, в которых также анализируется их творчество. В частности, в главе, посвященной Карееву, выделены следующие моменты его жизни и деятельности. Показано, как формировался его интерес к истории Франции, подробно разобран вопрос об отношении Кареева к марксизму как исторической и социологической теории. Погодин уделил внимание малоизученной теме – работе Кареева-историографа.

Диссертация В.А. Филимонова посвящена изучению Кареевым истории Древнего мира [36]. В работе использовано значительное количество архивных материалов, подробно прослеживается эволюция теоретических и исторических взглядов Кареева-антиковеда.

На общем фоне работ о Карееве выделяется статья Н.В. Ростиславлевой [34, с. 95–105]. Автор сравнивает историческое наследие двух представителей либерализма: русского – Кареева и немецкого – Карла фон Роттека. Это первая попытка обнаружить тождество взглядов Кареева-философа с общим развитием европейской исторической мысли. Ростиславлевой удалось выявить определенные параллели в творчестве этих авторов. По ее мнению, эти аналогии вызваны тем, что оба историка оценивали исторический процесс с одинаковых позиций, принимавших в расчет гражданские права и свободы.

Рассмотренная историография обширного наследия уникального мыслителя, историка, философа, социолога и педагога показывает, что за исключением нескольких десятилетий (1930–1950-е годы) работы Кареева вызывали интерес среди профессионалов-историков и тех, кто интересуется историей. Об этом говорят многочисленные рецензии, статьи и книги, посвященные разным аспектам его исторической и педагогической работы. Изучение творческого наследия Кареева, впрочем, как и других историков-немарксистов и даже некоторых марксистов, шло в общем русле развития исторической науки. В послереволюционной литературе наряду с научной критикой Кареева критиковали за либеральную политическую позицию и позитивистский подход к изучению исторической науки. Но было и время, когда Кареев был «вычеркнут» из исторической науки.

Заключение

В жизни и творчестве Кареева – выдающегося историка и человека неординарной судьбы, испытавшего и взлеты и падения, на конец XX в. еще оставались «белые пятна». Приведем лишь несколько малоизученных на то время тем. Политическая и общественная деятельность Кареева. Он был членом партии кадетов, депутатом Первой государственной думы, активным участником Комитета общества помощи недостаточным студентам и других организаций. Также мало внимания уделялось информационно-библиографической работе Кареева – он публиковал рецензии и обзоры отечественной и зарубежной литературы, а также списки чтения для самообразования. Историк не был кабинетным ученым,

с юных лет он занимался преподаванием, сначала в гимназии, затем в Варшавском, потом в Санкт-Петербургском университете, на Высших женских курсах. Этот опыт преподавательской работы побудил его написать серию учебников по истории Древнего мира, Средних веков и Нового времени. Обращался он и к насущным проблемам молодежи, выпустив несколько книг¹. Они переиздавались при жизни автора, а некоторые из них изданы в настоящее время. Недостаточно изучены обобщающие работы по истории европейских стран. Более подробного исследования требует взаимосвязь философии истории и исторических работ, его концепция всемирной истории и цивилизационный подход. Обширное и разнообразное наследие Н.И. Кареева, несомненно, нуждается в дальнейших исследованиях. Необходимо привлечь внимание и к его неопубликованным работам, письмам и другим эго-документам, хранящимся в разных архивах. Новый этап изучения разностороннего творчества Кареева начался с конца 1990-х годов и длится по сегодняшний день. Эта тема будет рассмотрена во второй части статьи.

Список литературы

1. Алексеев В.А., Маслин М.А. Русская социальная философия конца XIX – начала XX в.: психологическая школа. – Москва : Исслед. центр по пробл. управления качеством подгот. специалистов, 1992. – 192 с.
2. Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX вв. Ч. 1. – Ленинград : изд-во Акад. наук СССР, 1929. – 218 с.
3. Бутенко В.А. Наука новой истории в России // Анналы. – 1922. – № 2. – С. 129–168.

¹ Кареев Н.И. Письма к учащейся молодежи о самообразовании. – Санкт-Петербург : тип. М.М. Стасюлевича, 1894. – 203 с. (Доход с издания поступит в кассу Об-ва вспомоществования студентам С.-Петербургского ун-та); Кареев Н.И. Беседы о выработке миросозерцания. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : тип. М.М. Стасюлевича, 1895. – 182 с.; Кареев Н.И. Мысли об основах нравственности. – Санкт-Петербург : тип. М.М. Стасюлевича, 1895, Кареев Н.И. Мысли о сущности общественной деятельности. – Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. – 184 с. Кареев Н.И. Идеалы общего образования. – Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. – 128 с.; Кареев Н.И. Выбор факультета и прохождение университетского курса. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Сеятель, 1900. – 210 с.

4. Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной сессии ЛГУ. Секция исторических наук. – Ленинград : Издательство Ленинградского государственного университета, 1948. – С. 41–81.
5. Вебер Б.Г. Историографические проблемы. – Москва : Наука, 1974. – 336 с.
6. Вебер Б.Г. Первое русское исследование Французской буржуазной революции XVIII в. // Очерки истории исторической науки в СССР : в 4 т. / под ред. М.Н. Тихомирова (глав. ред.) [и др.] ; АН СССР, Ин-т истории. – Москва, 1955–1966. – Т. 3. – Москва, 1963. – С. 464–487.
7. Гнатюк Л.В. Теория исторического процесса, социология и философия истории в творчестве Н.И. Кареева : дис. ... канд. филос. наук. – Москва, 1972. – 164 с.
8. Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Высшая школа, 1985. – 480 с.
9. Дунаевский В.А. Советская историография новой истории стран Запада 1917–1941 гг. – Москва : Наука, 1974. – 375 с.
10. Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева : содержание и эволюция. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1988. – 155 с.
11. Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева : содержание и эволюция : дис. ... доктора истор. наук : 07.00.09. – Сыктывкар, 1991. – 407 с.
12. Золотарев В.П. Кареев историк – методист : дис. ... канд. педагог. наук. – Москва : (б. и.), 1965. – 294 с.
13. Золотарев В.П. Первое русское исследование о великой революции конца XVIII в. в оценке французской печати // Изучение и преподавание историографии в высшей школе / редакционная коллегия: В.А. Дунаевский [и др.]. – Калининград : Калининградский гос. ун-т, 1991. – С. 41–46.
14. Иванова Т.Н. Эволюция взглядов Н.И. Кареева на историю Великой Французской революции : рукопись деп. в ИНИОН РАН. – Чебоксары, 1987. – 61 с.
15. История философии / под ред. М.А. Дынина. – Москва : Издательство АН СССР, 1961. – Т. 5. – С. 552–553.
16. История философии в СССР. – Москва : Наука, 1968. – Т. 3. – С. 403–405.
17. Итенберг Б.С. Первая в России книга о Французской буржуазной революции конца XVIII в. // Вопросы истории. – 1988. – № 11. – С. 119–126.
18. Классики российской социологии (к 150-летию со дня рождения Н.И. Кареева) // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – Т. 3, № 4. – С. 61–122.
19. Коргунюк Ю.Г. Разработка вопросов методологии истории в творчестве Кареева : дис. ... канд. истор. наук. – Москва, 1990. – 199 л.
20. Коргунюк Ю.Г. Разработка проблем субъекта исторического познания в творчестве Н.И. Кареева : рукопись деп. в ИНИОН РАН. – Москва : 1989. – 18 с.
21. Коргунюк Ю.Г. Взгляды Н.И. Кареева на предмет и метод исторической науки : рукопись деп. в ИНИОН РАН. – Москва, 1989. – 20 с.
22. Крашкина Л.И. Проблема личности в творческом наследии Н.И. Кареева : дис. ... канд. философ. наук. – Москва, 1991. – 167 с.

23. Лаптева Л.П. Русская историография гуситского движения: 40-е годы XIX в. – 1917 г. – Москва : Изд-во МГУ, 1978. – 338 с.
24. Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики сер. 70-х годов XIX в. – нач. 1900-х годов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1969. – 408 с.
25. Могильницкий Б.Г. У истоков социально-экономического направления в русской буржуазно-либеральной медиевистике // Методологические и историографические вопросы исторической науки. – Томск, 1965. – Вып. 3. – С. 178–253.
26. Мягков Г.П. Русская историческая школа. Методологические и идейно-политические позиции. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1988. – 199 с.
27. Нечухрин А.Н. Проблема соотношения истории и современности в русской либеральной историографии (80-е гг. XIX – 1917 г.) : дис. ... канд. истор. наук. – Томск, 1979. – 210 с.
28. Нечухрин А.Н. Смена парадигм в русской историографии всеобщей истории (90-е годы XIX в. – 1917 г.) : дис. ... доктора истор. наук. – Гродно, 1992. – 420 с.
29. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории // Вестник РАН. – 1995. – Т. 65, № 4. – С. 304–311.
30. Норден Л.А. Английская революция в западноевропейской и русской либеральной историографии XIX в. : дис. ... канд. истор. наук. – Казань, 1994. – 205 л.
31. Норден Л.Л. Русские либеральные историки XX века об английской революции // Историческая наука в меняющемся мире. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1993. – С. 148–150.
32. Погодин С.Н. Русская школа историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный технический ун-т, 1998. – 488 с.
33. Ростиславлев Д.А. Кареев о яковинской диктатуре // Исторические этюды о Французской революции. Памяти В.М. Далина. – Москва : ИВИ РАН, 1998. – С. 155–169.
34. Ростиславлева Н.В. Кареев и Карл фон Роттек // Диалог со временем. – Москва : УРСС, 2001. – Вып. 3. – С. 95–105.
35. Сафронов Б.Г. Н.И. Кареев о структуре исторического знания. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1995. – 272 с.
36. Филимонов В.А. Н.И. Кареев как историк античности : дис. ... канд. истор. наук. – Казань, 1999. – 262 л.
37. Фролова И.И. Значение исследований Н.И. Кареева для разработки истории французского крестьянства в эпоху феодализма // Средние века : сб. статей. – Москва : (б. и), 1955. – Вып. 7. – С. 315–336.
38. Шкуринов В.П. Позитивизм в России XIX века. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 416 с.

УДК 930.253; 94(4)“1914/19”

DOI: 10.31249/hist/2023.02.04

БРАТАНИЕ В АРМИЯХ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА В 1917 г. (автор-составитель С.В. Курицын*). Часть 1

Аннотация: в настоящей публикации собраны документы разных типов, позволяющие оценить уровень развития братания в армиях Юго-Западного фронта в переломном для истории России 1917 г. Данные источники, выявленные в ходе подготовки автором-составителем кандидатской диссертации, ранее не вводились в научный оборот. Основная их масса хранится в фондах РГВИА. Представленные материалы позволяют не только оценить масштабы распространения братания на всем Юго-Западном фронте, но и в отдельных армиях, входивших в его состав, а также рассмотреть меры, направленные на пресечение данного вида антивоенных выступлений. Кроме того, приводимые документы указывают на обозначившуюся в 1917 г. тенденцию эволюции братания из стихийного явления, каковым оно являлось, начиная с конца 1914 по конец 1916 г. в организованное, когда главными силами, стимулировавшими его развитие, стали австро-германское командование и партия большевиков.

Ключевые слова: Первая мировая война; Юго-Западный фронт; братание на фронтах Первой мировой войны; документы о братании.

Fraternization in the armies of the Southwestern Front in 1917 (contributing author KURITSYN S.V.)

* © Курицын Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН, член Российской ассоциации историков Первой мировой войны, e-mail: sergejj-88@yandex.ru

Abstract. This publication contains documents of various types that allow us to assess the level of development of fraternization in the armies of the Southwestern Front in the turning point for the history of Russia in 1917. These sources, identified during the preparation of the author-compiler of the candidate's dissertation, have not previously been introduced into scientific circulation. The bulk of them are stored in the funds of the RGVA. The presented materials make it possible not only to assess the extent of the spread of fraternization on the entire Southwestern Front, but also in individual armies that were part of it, as well as to consider measures aimed at suppressing this type of anti-war speeches. In addition, the documents cited indicate the trend of the evolution of fraternization in 1917 from a spontaneous phenomenon, which it was, starting from the end of 1914 to the end of 1916, into an organized one, when the main forces that stimulated its development were the Austro-German command and the Bolshevik Party.

Keywords: World War I; South-Western Front; fraternization at the fronts of World War I; fraternization documents.

Для цитирования: Братание в армиях Юго-Западного фронта в 1917 г. (автор-составитель С.В. Курицын). Часть 1. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5 : История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 2. – С. 77–133. DOI: 10.31249/hist/2023.02.04

Более века назад Россия вступила в эпоху революционной трансформации, затронувшей все сферы жизни страны и потрясшей до основания ее государственные и общественные институты. Ситуация осложнялась еще и тем, что революция началась и развивалась на фоне продолжавшегося участия России в Первой мировой войне, в ходе которой русская армия одновременно вела боевые действия в Восточной Европе, Закавказье, Персии, а также на Балтийском и Чёрном морях. На различных участках столь широкого театра военных действий (ТВД) характер боевых действий существенно отличался.

Северный и Западный фронты, выделенные из состава некогда единого Северо-Западного фронта в начале августа 1915 г.¹,

¹ Даты по 31 января 1918 г. включительно приводятся по старому стилю, далее – по новому. При необходимости привести дату ранее указанного числа по новому стилю дается соответствующее пояснение.

являлись в основном оборонительными. Их очертания в целом оформились к осени того же 1915 г., когда, после активных летних боев, фронт на Востоке Европы стабилизировался. Наиболее динамичной частью Русского фронта являлся Юго-Западный. В его состав на протяжении 1917 г. входили Особая, 1-я (в июле – сентябре 1917 г.), 11-я, 7-я и 8-я (до июля 1917 г.) армии¹. Именно на этом участке Восточноевропейского ТВД изучение антивоенных выступлений в целом и братания в частности представляет особый интерес, поскольку Юго-Западный фронт на протяжении всего периода участия России в Первой мировой войне оставался ударным, здесь русской армией были достигнуты наиболее значительные успехи. Однако после свержения монархии в начале марта 1917 г. в войсках и этого фронта ярко проявились антивоенные настроения солдатских масс, что выразилось в том числе и в распространении братания.

Сам же феномен братания, возникший на главных театрах Первой мировой войны в конце 1914 г., но получивший наиболее широкое распространение на Русском фронте в 1917 г., представлял собой яркое проявление конфликта интересов отдельной личности, с одной стороны, и государства в лице одного из важнейших его институтов – вооруженных сил, значение которого особенно велико в военное время, – с другой.

Уникален и тот эволюционный путь, который прошло братание в своем развитии за годы первого глобального конфликта. Возникнув как нечто совершенно исключительное и выходящее за рамки логики вооруженного противостояния, оно первоначально являлось выражением христианского человеколюбия и гуманистических начал. Не случайно и на Западном (Французском), и на Восточном (Русском) фронте в 1914–1916 гг. оно чаще всего вспыхивало в преддверии Рождества Христова или Пасхи. Причем то, на какой из названных праздников приходился пик контактов солдат на передовой, во многом определялось особенностями западного и восточного христианства. Так, апогеем англо-германских братаний

¹ Армии, входившие в состав Юго-Западного фронта на протяжении 1917 г., перечислены в соответствии с расположением по фронту с севера на юг. Участок 1-й армии находился между Особой и 11-й с августа по конец сентября. Ранее (июль – начало августа), она располагалась между 8-й армией Юго-Западного и 9-й армией Румынского фронта.

стал канун Рождества 1914 г. и непосредственно сам праздник, поскольку по устоявшейся в западных Церквях традиции именно Рождество является для них важнейшим торжеством.

На некоторых участках Восточноевропейского ТВД в канун Рождества 1914 г. также имели место первые случаи контактов с противником. Однако русские солдаты чаще выходили из окопов для встреч с неприятелем начиная с весны 1915 г., т.е. в преддверии Пасхи и на протяжении Светлой седмицы, что также обусловлено особым значением празднования Воскресения Христова в восточной традиции. Национальные и конфессиональные факторы, стимулировавшие развитие братания, особенно ярко проявлялись именно на Юго-Западном фронте, где России противостояла в основном армия Австро-Венгрии, состав которой был весьма разнообразен. Таким образом, в конце 1914 – конце 1916 г. братание сохраняло стихийный характер. Российское военное командование в этот период зачастую смотрело на него как на проявление русским солдатом «чувства человечности даже по отношению к врагу», и не видело в нем угрозы для армии¹.

Ситуация начала меняться к исходу 1916 г., когда для германского генералитета стало очевидно, что исключительно военными средствами Центральные державы не смогут добиться победы в войне. После взятия войсками Четверного союза Бухареста в начале декабря (по новому стилю) 1916 г., германская сторона впервые открыто выступила с инициативой начала мирных переговоров². Однако эти предложения, озвученные властями Германии с позиции силы, не нашли поддержки со стороны государств Антанты, поскольку их правительствам было очевидно, что за высокопарной риторикой немцев скрывается желание избежать военного поражения, зафиксировав при этом достигнутые на тот момент на фронтах успехи. Такого рода «мирная» риторика была рассчитана и на внесение в общества воюющих с Германией и ее союзниками стран раскола, поскольку к исходу кампании 1916 г. во всех державах, принимавших участие в конфликте, наметилась

¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты : в 5 т. – Минск : Харвест, 2002. – Т. 1 : Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. – С. 276–277.

² Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / Семенов К.К. (ред.) ; перевод : Свечин А.А. – Москва : Вече, 2014. – С. 274.

тенденция к росту антивоенных настроений. Именно на эту неяркую часть так называемой мирной пропаганды германское военное руководство все больше смещало акцент.

Важнейшими составляющими разжигания антивоенных настроений на Восточноевропейском ТВД стала активизация распространения прокламаций соответствующего содержания и стимулирование братания, в ходе которого зачастую передавались русским солдатам и листовки. Таким образом, уже зимой 1916 г. братание приобретает черты протеста против продолжения войны и все более превращается в средство избежать активизации боевых действий, хотя бы и на локальном участке фронта¹.

После победы в России Февральской революции и последовавшего за ней падения дисциплины в действующей армии братание весной 1917 г. приобрело характер «эпидемии». Апогеем его стали пасхальные дни, причем тенденция к нарастанию контактов солдат на передовой наметилась в дни католической Пасхи, предшествовавшей в 1917 г. Пасхе православной (2 апреля), и затем встречи солдат активно продолжались всю Светлую седмицу. Если в предыдущие годы развитие братания могло быть пресечено офицерами, то в условиях, сложившихся в армии после падения монархии, их положение, значительно поколебленное революционной волной, уже в большинстве случаев не позволяло им это сделать. Кроме того, в марте – мае 1917 г. братание в значительной мере утратило стихийный характер, так как в этот период зачастую с австро-германской стороны для участия в нем начинают посылаться специально подготовленные военнослужащие, которые посредством братания производили разведку и вносили в ряды русских солдат пропаганду Четверного союза.

На апрель 1917 г. пришелся пик братаний и распространения прокламаций в армиях Юго-Западного фронта. В мае наблюдается тенденция к некоторому снижению интенсивности контактов, а в течение первого летнего месяца эпизоды братания стали относительно редки благодаря активному противодействию со стороны командного состава и солдатских комитетов. Ими принимались, как правило, превентивные меры, а именно проводились устные

¹ История Гражданской войны в СССР : в 5 т. / под ред. М. Горького, В. Молотова [и др.]. – Москва : ОГИЗ, 1936. – Т. 1. – С. 57.

беседы с солдатами о вреде братания для дела обороны государства, издавались специальные приказы и воззвания. Если братание все же происходило, то его, как правило, прекращал огонь легкой артиллерии, открываемый батареями по месту, где наблюдался выход солдат из окопов. Однако эта мера приводила к постепенному нарастанию конфликтов между различными родами войск, усиливала раскол армии «по горизонтали». Не меньшее значение в колебаниях интенсивности братания имела позиция австро-германского командования, то стимулировавшего развитие контактов с русскими солдатами, то пресекавшего их.

Летом, в период проведения активных операций, а также в дни Корниловского выступления случаи контактов военнослужащих противоборствующих армий практически перестали фиксироваться. В осенние месяцы братание в армиях Юго-Западного фронта вновь возобновилось. Оно имело как сходство с весенними эпизодами, так и ряд существенных отличий. Среди них следует назвать меньшую массовость, относительно небольшое число частей и соединений, где братание получало развитие, а также, до определенной степени, повышение организованности братания с русской стороны, поскольку возросло влияние леворадикальных партий, в первую очередь большевиков, в войсках. Эти новые специфические черты стали следствием того, что после тяжелых для русской армии летних боев многие солдаты изменили отношение к братанию, перестав видеть в нем средство прекращения войны.

После прихода к власти в России большевиков и провозглашения ими курса на выход из мировой войны братание претерпело качественное изменение: из наиболее злостного нарушения воинской дисциплины оно теперь переводилось в разряд санкционированного новой властью поведения. Однако приветствовалось только организованное военно-революционными или большевизированными солдатскими комитетами братание, со стихийным же продолжалась борьба.

Заключенное 2 декабря в Брест-Литовске перемирие способствовало усилению братания, которое все больше стало превращаться в меновую торговлю между военнослужащими противостоящих армий. Это неизбежно увеличивало стихийный компонент братания и для австро-германской стороны. Вследствие этого командование войск германского блока стремилось и при подписа-

нии локальных перемирий, и при заключении общего перемирия в Бресте оговорить в отдельной статье локализацию братания как географически (создавались специальные пункты), так и по времени (только днем). Ограничивалось и число «братальщиков»: «Каждый раз допускаются к братанию не более 25 человек с каждой стороны»¹. Эти меры были призваны облегчить контроль за братанием для командования Четверного союза. Однако в условиях перемирия добиться этого становилось все труднее.

Необходимо также отметить, что надежды большевиков использовать братание как средство для «экспорта» революционных идей не оправдались, что в том числе послужило причиной изменения их отношения к старой армии и ее демобилизации.

Публикации документальных материалов, в которых в той или иной степени исследовалось развитие братания в 1917 г., осуществлялись и раньше. Среди наиболее значимых необходимо назвать сборники документов, вышедшие в рамках документальной серии «Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы»², издававшейся с 1957 по 1963 г., и сборники «Революционное движение в русской армии, 27 февраля – 24 октября 1917 года»³, «Октябрьская революция и армия, 25 октября 1917 – март 1918»⁴, «Военно-революционные комитеты действующей армии, 25 октября 1917 – март 1918»⁵, «Войсковые комитеты действующей армии, март 1917 г. – март 1918 г.»⁶. Уже в

¹ Цит. по: Базанов С.Н. К истории развала Русской армии в 1917 году // Армия и общество. 1900–1941 годы. Статьи. Документы / РАН, Ин-т рос. истории ; редкол.: В.П. Дмитренко (отв. ред.) [и др.]. – Москва, 1999. – С. 69.

² Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис : документы и материалы. – Москва : Изд-во АН СССР, 1958. – 935 с.; Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис : документы и материалы. – Москва : Изд-во АН СССР, 1961. – 631 с.

³ Революционное движение в русской армии, 27 февраля – 24 октября 1917 года : сборник документов. – Москва : Наука, 1968. – 621 с.

⁴ Октябрьская революция и армия, 25 октября 1917 – март 1918 : сборник документов. – Москва : Наука, 1973. – 455 с.

⁵ Военно-революционные комитеты действующей армии, 25 октября 1917 г. – март 1918 г. : сборник документов. – Москва : Наука, 1977. – 659 с.

⁶ Войсковые комитеты действующей армии, март 1917 г. – март 1918 г. – Москва : Наука, 1982. – 608 с.

постсоветской России вышла в свет публикация «Бумеранг братания»¹ – одна из немногих документальных подборок, посвященных исключительно данному виду антивоенных выступлений в русской армии.

Настоящая публикация документальных материалов отличается от предшествующих в первую очередь тем, что большинство приводимых источников характеризуют ситуацию, складывавшуюся исключительно на Юго-Западном фронте, тогда как в более ранних публикациях чаще всего материалы охватывали весь Русский фронт, т.е. данные документы позволяют исследовать феномен братания на локальном участке Восточноевропейского ТВД.

Необходимо отметить, что собранные здесь источники использовались при написании кандидатской диссертации автора-составителя², на основе которой вышла в свет монография. Однако в рамках данной публикации все документы приводятся в максимально полном варианте, что не всегда было возможно в формате диссертационного исследования. Те же источники, которые даются в сокращении, посвящены братанию не полностью. По этой причине нами извлечены из их текста только те фрагменты, где говорится об исследуемом виде антивоенных выступлений.

Основная масса публикуемого материала была обнаружена в архивных фондах (главным образом в Российском государственном военно-историческом архиве) в процессе подготовки диссертации и ранее не вводилась в научный оборот. Все документы разделены на тематические блоки, основой для выделения которых послужил тип материалов, что позволило структурировать данные источники и призвано облегчить работу с ними. Приводимые документы иллюстрируют ситуацию не только в масштабе всего фронта, но и на уровне армий, корпусов, дивизий и отдельных полков.

Следует также кратко остановиться на особенностях, присущих различным типам источников, в которых имеются сведения о братании. Значительный по объему материал составляют опера-

¹ Бумеранг братания : документальные публикации / авт.-сост. С.Н. Базанов, А.В. Пронин // Военно-исторический журнал. – 1997. – № 1. – С. 34–41 ; № 3. – С. 50–57.

² Курицын С.В. Феномен братания на Юго-Западном фронте в 1917 г. (по материалам российских архивов) : дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 2021. – 468 с.

тивные сводки штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Достоинством данного типа документов является структурированная подача материала: сведения распределены по армиям, перечисляемым с севера на юг. Это позволяет локализовать эпизоды братания, зафиксированные в оперативных сводках штаба фронта, географически и хронологически.

Однако материал оперативных сводок зачастую однотипный по характеру и весьма лаконичный. Это во многих случаях не позволяет однозначно отличить факты полноценно состоявшегося братания от попыток. Еще одним недостатком данного типа документов является обобщенный характер сведений, содержащийся в них, что обусловлено как объективной необходимостью такого рода обобщений на уровне фронта, так и сокрытием частью командного состава фактов братания из опасения наложения на них взысканий. Но при рассмотрении в совокупности всех сообщений, содержащихся в данном типе документов, становится возможным оценить масштабы распространения братания в армиях Юго-Западного фронта в тот или иной период.

Большей полнотой информации отличаются материалы, содержащиеся в разведывательных сводках. Их характеристика будет дана в дальнейшем.

Материалы из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ)

№ 1

Из речи делегата Скачкова на Всероссийском совещании делегатов Советов рабочих и солдатских депутатов (стенограмма утреннего заседания 30 марта)

...Я, представитель действующей армии, вернусь в свои окопы и крикну немцам: «Давайте, товарищи немцы, прекратим войну и поднимем бунт!». Знаете, товарищи, мы уже кричали из окопов немцам: «Мы свергли своего Николая! Свергните и вы своего кайзера Вильгельма!». А они отвечали: «Ишь чего захотели». Может быть и сейчас они нам ответят точно также...

Опубл.: Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов: стенографический отчет / под ред. М.Н. По-

кровского, Я.А. Яковлева. – Москва ; Ленинград : Госиздат, 1927. – С. 73.

№ 2

Из речи А.Ф. Керенского на 5-м заседании Съезда фронтовых делегатов

(Петроград. 29 апреля)

...Нам говорят: «Не нужно больше фронта... там происходит братание. Но разве братание происходит на два фронта? Разве на Французском фронте тоже братаются? Нет, товарищи, брататься, так брататься на обе стороны. Разве силы противника уже не переброшены на Англо-французский фронт и разве наступление англо-французов уже не приостановлено. У нас нет Русского фронта, а есть только единый союзный фронт (апл[одисменты]).

ГА РФ. Ф. Р-6993. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

№ 3

Из стенограммы речи А.Ф. Керенского на I Всероссийском съезде Советов

(вечернее заседание 4 июня)

...Что же еще – братание? Да, я рад и горд за русскую демократию, что она в огромном большинстве отвергла это средство социалистической борьбы и торжества социализма (рукоплескания). Если мы пойдем по этому пути, то мы должны признать величайшим борцом за социализм и демократию принца Леопольда Баварского, который в своем воззвании выставляет те же тезисы, которые защищаются некоторыми социалистами. А почему же, я спрашиваю вас, в то время, когда офицеры германской армии являются брататься в наши окопы, они не братаются на Французском фронте? Почему в то время, как наш фронт остается в бездействии, немецкие войска бросаются на фронт английский? Что же в Германии войсками распоряжаются товарищи генерала Ленина, что же это их программа? Кому же мы помогаем в этот момент – тем, кто сидят в тюрьмах или тем, кого вы у нас предлагаете сейчас арестовать? (рукоплескания). Почему эта политика братания так сходится странно с той линией германского генерального штаба, которую проводят сейчас неукоснительно на Русском фронте? (рукоплескания). Я считаю, что именно те, которые прикрываются

знаменем Циммервальда, должны быть особенно осторожны, чтобы не играть в руку своих социальных врагов. Я понимаю, есть наивные люди, которые думают, если русские солдаты меняют корку хлеба на шкалик вина, то **приближаются** (выделенное слово зачеркнуто в документе. — С. К.) совершается приближение царства социализма. Но я думаю, что это такой момент, когда каждый истинный демократ и социалист должен содрогнуться в сердце своем, потому что там, где разменивается черный хлеб на шкалик водки, в тех местах мы не найдем борцов за социализм (рукоплекания).

Опубл.: Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов : в 2 т. — Москва ; Ленинград, 1930–1931. — Т. 1. — Москва ; Ленинград : Госиздат, 1930. — С. 79.

№ 4

Из речи В.М. Чернова на I Всероссийском съезде Советов (заседание 5 июня)

... Не страшно братание бытовое, которое бывало во все войны во все времена, которое никогда не принимало угрожающих размеров... Ни в этом опасность. Но есть опасность и опасность грозная, когда такое мелкое бытовое явление, само по себе не опасное, хотят поднять на степень какого-то могучего политического средства, способного всю Европу вывести из того тупика, из которого не способна до сего времени вывести организованная рабочая социалистическая демократия. Товарищи, мы имеем свое, социалистическое братание, когда от имени С[овета] Р[абочих] и С[олдатских] Д[епутатов] идет во все страны, нейтральные и воюющие, по обе стороны окопов... призыв собраться на съезд, на интернациональный социалистический съезд всем тем, кто готов откликнуться на призыв Российской революции... Вот, товарищи, когда такой призыв исходит от нас, и когда на него откликнутся, то с теми... которые на него откликнутся, у нас возможно наше настоящее революционно-социалистическое организованное братание.

Опубл.: Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов : в 2 т. — Москва ; Ленинград : Госиздат, 1930. — Т. 1. — С. 101–102.

**Материалы из фондов
Российского государственного военно-исторического архива
(РГВИА)**

ОПЕРАТИВНЫЕ И РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ СВОДКИ:

Штаб Юго-Западного фронта

№ 5

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(1 апреля 1917 г.)

Подана 1 апреля в 12 ч. 37 м. Прапорщик Гренер.

Генкварм Особой. Секретно.

Оперативная сводка. [На] Юго-Западном фронте [в] течение 31 марта выяснилось... [В] 7[-й] армии около 17 часов перед правым флангом 41[-го] арм[ейского] корпуса в районе западнее д. Баранювка австрийцы вышли из своих окопов с белыми и красными флагами, у некоторых у них были пакеты какой-то бумаги. Австрийцы размахивали флагами и знаками пытались подзвать к себе наших солдат. Но после обстрела нашей артиллерии австрийцы быстро спрятались в своих окопах... Н[оме]р. 1292. 1 апреля 1917 г. [Н.Н.] Духонин¹.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 54.

№ 6

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(2 апреля 1917 г.)

Генкварм Особой.

¹ Духонин Николай Николаевич (1876–1917) – генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного фронта с 5 июня 1916 г. И. д. начальника штаба Юго-Западного фронта с 29 мая 1917 г. Начальник штаба Западного фронта с 4 августа 1917 г. Генерал-лейтенант (производство: 4 августа 1917 г.). С 10 сентября 1917 г. – начальник штаба Верховного главнокомандующего А.Ф. Керенского. 3 ноября вступил во временное исполнение должности Верховного главнокомандующего. 9 ноября, после отклонения требований лидеров большевиков вступить в переговоры с австро-германскими представителями, снят с должности Главковерха. Убит в Могилёве 20 ноября 1917 г.

Секретно

Оперативная сводка. [На] Юго-Западном фронте [в] течение 1 апреля... [В] 11[-й] армии [в] 6[-м армейском] корпусе... из окопов его (противника. – С. К.) показалась группа с белыми флагами, которая нашим огнем была загнана обратно в окопы. 1309. 2 апреля 1917 г. [Н.Н.] Духонин.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 61.

№ 7

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(3 апреля 1917 г.)

Генкварм Особой. Секретно.

Оперативная сводка. [На] Юго-Западном фронте [в] течение 2 апреля... [В] 11 армии [на] всем фронте армии отдельные люди и небольшие кучки австрийцев выходили из окопов и делали всевозможные попытки вступить [в] переговоры [с] нашими солдатами. Встречаемые нашим огнем, австрийцы быстро скрывались [в] своих окопах... [В] 7 армии... Днем перед фронтом всех корпусов были обнаружены попытки небольших групп противника подходить [к] нашим окопам [с] белыми флагами для переговоров. Несмотря на ружейный и артиллерийский огонь, которым разгонялись эти мелкие партии, течение дня нами было принято 27 перебежчиков, том числе 23 перебежчика приняты [на] фронте 16[-го] армейского корпуса. Нр. 1328. 3 апреля 1917 г. [Н.Н.] Духонин.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 67.

№ 8

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(9 апреля 1917 г.)

Подана 9. 4. [В] 11 ч. 40 м. Поручик Чернавский

Генкварм Особой.

Оперативная сводка. [На] Юго-Западном фронте [в] течение 8 апреля:

[В] Особой армии [на] участке 25[-го] арм[ейского] корпуса около 23 час[ов] противник [в] районе к северу от д. Шельвов перешел на участке одной роты в наступление, наши части, преду-

прежденные перебежчиками, встретили противника сильным огнем, которым он был загнан в свои окопы.

[В] 11-й армии [в] 6[-м армейском] корпусе около 14 час[ов] [в] районе Зборув из окопов противника был выкинут красный, а затем белый флаги, после чего противник сделал попытку выйти из окопов, но, встреченный нашим огнем, быстро скрылся.

[В] 8-й армии [на] участке 23[-го армейского] корпуса небольшая группа противника два раза выходила из окопов с целью вступить в переговоры, но каждый раз обстреливалась артиллерийским огнем... Нр. 1428. 9 апреля 1917 г. [Н.Н.] Духонин.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 72.

№ 9

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(11 апреля 1917 г.)

Оперативная сводка. [На] Юго-Западном фронте [в] течение 10 апреля выяснилось:

[В] 11 армии [в] 5[-м] арм[ейском] корпусе [в] районе Дзиковина из окопов противника вышел [с] белым флагом и горнистом австрийский офицер и кричал, чтобы ему выслали на встречу офицера Генерального Штаба, офицеру было предложено немедленно скрыться. [В] 32[-м армейском] корпусе [в] районе Пониковина австрийцы, выйдя из своих укрепленных линий, пробовали разбросать прокламации, но нашим огнем были загнаны обратно [в] окопы. Нр. 1458. 11 апреля 1917 г. [Н.Н.] Духонин.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 95.

№ 10

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(14 апреля 1917 г.)

Подана 14/IV 17. Прапорщик Фёдоров.

Генкварм Особой. Секретно

Оперативная сводка. [На] Юго-Западном фронте [в] течение 13 апреля перестрелка. [В Особой] армии... Дополнительно выяснилось, что 12 апреля [на] фронте 25[-го] арм[ейского] к[орпу]са около 20 часов [в] районе южной половины Шельвовского леса

противник открыл огонь ручными гранатами и бомбометов, причем снаряды последних до наших окопов не долетали. После открытого нами ружейного огня противник, выпустив несколько десятков красных ракет, открыл сильный артиллерийский, ружейный и бомбометный заградительный огонь, на который отвечала наша артиллерия. Через 20 минут все стихло и из окопов противника слышались выкрики: «Русь, довольно стрелять! Наша штурм группа ушла! Если она еще раз придет, то мы ее выгоним гранатами, а вы открывайте заградительный огонь!». Во время перерывов стрельбы 3[-й] гренадерской артиллерийской бригады из неприятельских окопов неоднократно раздавались крики: «Довольно стрелять! У нас много убитых и раненых!». Нр. 1505. 14 апреля 1917 г. [Н.Н.] Духонин.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 108.

№ 11

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(17 апреля 1917 г.)

Подана 17/IV [В] 16 ч. 38 м. п[о]дп[о]р[у]чик Стадницкий
Генкварм Особой. Секретно

Оперативная сводка. [На] Юго-Западном фронте [в] течение 16-го апреля выяснилось... [В] 7[-й] армии... [В] течение всего дня на участке Шибалин – Свистельники партии противника пытались подходить к нашим окопам с целью разбрасывать прокламации, но отгонялись нашим огнем.

[В] 8[-й] армии перестрелка и поиски разведчиков. [В] 11[-м] армейском] корпусе засада разведчиков 47[-го пехотного Украинского] полка (12-й пехотной дивизии. – С. К.) атаковала партию германцев, вышедших из своих окопов, захватив одного [в] плен, остальные бежали... 1542. 17 апреля 1917 года. [Н.Н.] Духонин.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 143.

№ 12

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(19 апреля 1917 г.)

Подана 19/IV [В] 13 ч. 30 м. Х[о]р[у]нжий Клеменов

Генкварм Особой. Секретно

Оперативная сводка. [На] Юго-Западном фронте [в] течение 18 апреля выяснилось: [В] 7[-й] армии... Сев[еро-]вост[очнее] м. Иезуполь к нашим окопам подходил австрийский офицер [с] солдатами [с] предложением выслать на зап[адный] берег Днестра парламентаров, после отказа австрийцы ушли [в] свои окопы, оставив [на] левом берегу Днестра пачку прокламаций... 1558. 19 апреля 1917 года. [Н.Н.] Духонин.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 161.

№ 13

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(20 апреля 1917 г.)

Генкварм Особой. Секретно

Оперативная сводка. [На] Юго-Западном фронте [в] течение 19 апреля выяснилось: [В] Особой армии [в] 46[-м армейском] корпусе нашей артиллерией обстреляна вышедшая из окопов группа австрийцев с белыми флагами... 1563. 20 апреля 1917 года. [Н.Н.] Духонин.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 169.

№ 14

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(22 апреля 1917 г.)

Подана 22 | IV. [В] 14 ч. 10 м.

Штарм 7 Главкоюз.

По сводкам армий на 12 часов 21-ого апреля... [В] районе 11[-й] армии д. Юзефовка австрийцы вышли [из] окопов [и] пытались вести переговоры [с] нашими солдатами, но огнем артиллерии загнаны [в] свои окопы... 1580. [С.А.] Сухомлин¹.
РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 178.

¹ Сухомлин Семён Андреевич (1867–1928) – с 19 апреля 1915 г. – помощник временного военного генерал-губернатора в Галиции по военной части. И. д. начальника штаба 8-й армии (18 июля 1915 – 6 сентября 1916 г.). Помощник по военной части военного генерал-губернатора областей Австро-Венгрии, занятых по праву войны (4–23 октября 1916 г.). Генерал-лейтенант (производство:

№ 15

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(22 апреля 1917 г.)

Подана 22/IV [В] 15 ч. 40 м. П[о]р[у]чик Слуцкий

Генкварм Особой. Секретно.

Оперативная сводка. [На] Юго-Западном фронте [в] течение 21 апреля выяснилось... [В] 11[-й] армии [в] 6[-м армейском] корпусе [в] районе Юзефовка группа австрийцев, выйдя из окопов, пыталась вступить [в] переговоры [с] нашими солдатами, но огнем нашей артиллерии была вновь загнана [в] свои окопы. 1588. 22 апреля 1917 г. [Н.Н.] Духонин.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 187.

№ 16

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(23 апреля 1917 г.)

Подана 23/IV [В] 12 ч. 50 м. Хорунж[ий] Сипловый

Генкварм Особой. Секретно.

Оперативная сводка. [На] Юго-Западном фронте [в] течение 22 апреля... [В] 7[-й] армии [в] районе Казаково ружейным и артиллер[ийским] огнем прекращены попытки противника подойти к нашим окопам с белым флагом... 1597. 23 апреля 1917 года. [Н.Н.] Духонин.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 195.

№ 17

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(24 апреля 1917 г.)

Подана 24/IV [В] 15 ч. 50 м. Прапорщик Гренер

Генкварсев, генкварзап копия.

Генкварм 2. Секретно.

1 октября 1916 г.). Начальник штаба Юго-Западного фронта (с 23 октября 1916 г.). Состоял в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа за болезнью (с 29 мая 1917). С 1918 г. добровольно в РККА.

Оперативная сводка. [На] Юго-Западном фронте [в] течение 23 апреля выяснилось... [В] 7[-й] армии... Попытки отдельных людей вступить в течение дня [в] переговоры с противником на правом фланге 22[-го армейского] корпуса прекращались огнем артиллерии... 1618. 24 апреля 1917 г. [Н.Н.] Духонин.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 202.

№ 18

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(25 апреля 1917 г.)

Подано 25/IV [В] 13 ч. 25 м. Подполковник Сычугов

Генкваррум, копия генквар 9. Секретно.

Оперативная сводка. [На] Юго-Западном фронте [в] течение 24 апреля: Особая армия перестрелка, на участке 4[-го] конного корпуса наша артиллерия разогнала появившуюся с белыми флагами южнее дер. Седлище группу германцев... 1627. 25 апреля 1917 г. [Н.Н.] Духонин.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 211.

№ 19

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(номер телеграммы и дата отправления указаны неразборчиво)

Генкварм Особой. Секретно.

Оперативная сводка. [На] Юго-Западном фронте [в] течение 25 апреля... [В] 7[-й] армии... [В] районе Скоморохи нашим пулеметным огнем прекращены попытки противника приблизиться к нашим окопам... [Н.Н.] Духонин.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 219.

№ 20

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(27 апреля 1917 г.)

Подана 27/IV [В] 17 ч. 35 м. Ротмистр Восейков

Генкварм Особой. Секретно.

Оперативная сводка. [На] Юго-Западном фронте [в] течение 26-го апреля... [В] 7[-й] армии... [В] 41[-м армейском] корпусе наша артиллерия удачно обстреляла группу противника, вышедшую с белыми флагами из своих окопов [в] районе Обренчевского леса... 1649. 27 апреля 1917 г. [Н.Н.] Духонин.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 224.

№ 21

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(30 апреля 1917 г.)

Подана 30/IV [В] 15 ч. 19 м.

Калинковичи.

На экстренный повод.

Генералу [А.А.] Брусилову¹

По сводкам на 12 часов сего 30 апреля в армии генерала [П.С.] Балужева² (Особая армия. – С. К.)... [В 25-м армейском корпусе] [в] районе Шельвовского леса группы противника пытались выходить из своих окопов, но нашим огнем они загнаны обратно... 1695. [С.А.] Сухомлин.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 244–245.

¹ Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) – с 17 марта 1916 г. назначен главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта. Верховный главнокомандующий Русской армии (22 мая – 19 июля 1917 г.). Вступил в РККА, главный инспектор кавалерии РККА (1923).

² Балув Пётр Семёнович (1857–1923) – с 18 сентября 1915 г. – генерал от инфантерии. В 1916 г. принимал участие в наступлении генерала А.А. Брусилова на Стыре и Липе. С 18 марта по 9 июля 1917 г. – командующий Особой армией; с 9 июля – командующий 11-й армией. Принял управление 11-й армией в критический период ее отступления из Галиции, 11–12 июля части армии оставили Тарнополь. 24–31 июля 1917 г. – главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. 5 августа – 12 ноября – главнокомандующий армиями Западного фронта. 12 ноября отстранен от должности и арестован Военно-революционным комитетом фронта. В 1918 г. вступил в РККА. В 1920 г. входил в состав Особого совещания при Главкоме и Комиссии по исследованию и использованию опыта Первой мировой войны.

№ 22

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(с 1 на 2 мая 1917 г.)

Подана 2/V [В] 11 ч.

Военная.

Ставка. Генералу [А.А.] Брусилову.

По сводкам на 24 часа 1 сего мая... [В] районе Цецувка противник пытался вступить [в] переговоры, но наши солдаты навстречу не пошли... 1720. [С.А.] Сухомлин.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 270.

№ 23

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(2 мая 1917 г.)

Подана 2/V [В] 13 ч. 40 м

Срочная.

Ставка. Генералу [А.А.] Брусилову.

[В] районе армии генерала [А.Е.] Гутора¹ (11-я армия. – С. К.) было несколько попыток вступить [в] переговоры, прекращенных нашим огнем. 1722. [С.А.] Сухомлин.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 272.

№ 24

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(3 мая 1917 г.)

Подана 3/V [В] 13 час. 55 мин.

Секретно.

Генкварм Особой, 11, 7 и 8.

Генкварсев, Генкварзап и копия Генкварм 2.

¹ Гутор Алексей Евгеньевич (1868–1938) – со 2 марта 1916 г. – командир 6-го армейского корпуса. 15 апреля 1917 назначен командующим 11-й армией. С 22 мая 1917 – Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. С 10 июля 1917 г. – в распоряжении Верховного главнокомандующего. В резерве чинов при штабе Московского военного округа (с 6 октября 1917 г.). В августе 1918 г. вступил в РККА.

Генкваррум, копия Генкварм 9.

Оперативная сводка. [На] Юго-Западном фронте [в] течение 2 мая: [В 11-й] армии (в документе ошибочно указано: «В Особой армии». – С. К.) [в] 6[-м армейском] корпусе в течение дня были замечены два случая попыток к братанию австрийцев с нашими солдатами. Огнем батарей австрийцы немедленно разгонялись... 1732. 3-го мая 1917 г. За Генкварюз Генерал-майор [Н.И.] Раттэль.
РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 273.

№ 25

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(6 мая 1917 г.)

Подана 6/V [В] 18 ч. 20 м.

Генкварм Особой. Секретно.

Оперативная сводка. [На] Юго-Западном фронте [в] течение 5 мая выяснилось: [В] Особой армии по различным местам фронта нашей артиллерией [прекращались попытки противника] к братанию, группы которого пытались выходить с белыми флагами из своих окопов... 1767.

За Генкварюз [Н.И.] Раттэль.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 296.

№ 26

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(10 мая 1917 г.)

Подана 10/V [В] 13 часов.

Генкварм Особой. Секретно.

Оперативная сводка. [На] Юго-Западном фронте [в] течение 9 мая: ... [В] 11[-й] армии [в] 6[-м армейском] корпусе [в] районе Пресовце австрийцы пытались выйти из окопов, выбросив флаг, но нашим огнем были загнаны обратно... 1830. [Н.Н.] Духонин.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 324.

№ 27

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(13 мая 1917 г.)

Подана 13/V [В] 15 ч. 10 м.

...Главкоюз. Военная. Секретно.

[На] Юго-Западном фронте [в] течение 12 мая выяснилось: [В] Особой армии [в] 31[-м армейском] к[орпу]се огнем нашей артиллерии разогнана группа немцев, вышедших с флагами и пением из своих окопов [в] районе д. Сачковичи, что [в] 8 верстах южнее Пинска... 13 мая 1917 г. [С.А.] Сухомлин.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 2.

№ 28

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(14 мая 1917 г.)

Подана 14/V [В] 13 ч. 25 м.

Военная. Секретно.

...Генкварюз.

Оперативная сводка. [На] Юго-Западном фронте [в] течение 13 мая выяснилось... 7[-я] армия... Попытки отдельных партий противника приблизиться [к] нашим окопам [в] районе [к] востоку [от] Липица Дольная прекращались огнем... Нр. 1882. 14 мая 1917 г. [Н.Н.] Духонин.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 10.

№ 29

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(23 мая 1917 г.)

Подана 23/V [В] 23 ч. 40 м.

Генкварм Особой. Секретно.

Оперативная сводка. [На] Юго-Западном фронте [в] течение 22 мая выяснилось: [В] Особой армии перестрелка. [В] 31[-м армейском] корпусе навстречу партии немцев, вышедших с флагами из редута южнее д. Сачковичи вышла группа наших солдат 520[-го пехотного Фокшанского] полка (130-й пехотной дивизии. – С. К.).

Братание было прекращено огнем нашей артиллерии... [В] 7[-й] армии... [В] 33[-м армейском] корпусе [в] районе восточнее Иезуполь захвачена партия разведчиков противника [в] составе 2 офицеров и 2 солдат, которые под видом парламентариев пытались производить разведку. Найденными у них документами установлено, что они принадлежат [к] составу разведывательного отделения штаба 3-й австрийской армии. [В] 16[-м армейском] корпусе [в] районе западнее Богородчаны нашей артиллерией разогнана группа австрийцев, пытавшихся вступить [в] переговоры [с] нашими солдатами и передать свертки прокламаций... 2072. 23 мая 1917 г. [Н.Н.] Духонин.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 3.

№ 30

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(24 мая 1917 г.)

Подана 24/V [В] 15 ч. 50 м.

Генкварм 8. Секретно.

Оперативная сводка. [На] Юго-Западном фронте [в] течение 23 мая выяснилось... [В] XI армии [в] 6[-м армейском] корпусе [в] районе Юзефувка австрийцы пытались выходить из окопов с газетами и белыми флагами, но нашим огнем загонялись обратно в окопы... 2084. 24 мая 1917 г. [Н.Н.] Духонин.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 108.

№ 31

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(30 мая 1917 г.)

Генкварм Особой. Секретно.

Оперативная сводка. [На] Юго-Западном фронте [в] течение 29 мая выяснилось... [В] 11[-й] армии [в] 5[-м] Сибирском [армейском] корпусе [в] районе д. Холубица около 15 час. из окопов противника вышли три солдата [с] белыми флагами, вслед за ними вылезло на бруствер около двух рот противника, которые были загнаны обратно в окопы нашей легкой артиллерией... 2209. 30 мая 1917 г. За Генкварюз [Н.И.] Раттэль.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 168.

№ 32

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(31 мая 1917 г.)

Генкварм Особой. Секретно.

Оперативная сводка. [На] Юго-Западном фронте [в] течение 30 мая выяснилось... [В] XI армии... [В] 1-м Туркестанском [армейском] корпусе люди противника с очевидной целью разведки происшедшей перегруппировки пытались пробраться [в] наше расположение, чтобы обменяться продуктами, но были разогнаны ружейным огнем... [В] 7[-й] армии... На левом фланге 33[-го армейского] корпуса [в] районе д. Ямница пулеметным и артиллерийским огнем была разогнана партия противника, пытавшаяся с белыми флагами приблизиться к нашему расположению с целью братания... 2217. За Генкварюз [Н.И.] Раттэль.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 176.

№ 33

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(21 июля 1917 г.)

Подана 21/VII [В] 13 ч. 55 м

Военная. Секретно.

ГЕНКВАРМ 1, 7, 8, 11 и ОСОБОЙ, ГЕНКВАРСЕВ, ГЕНКВАРЗАП копия

Генкварм 2, ГЕНКВАРРУМ, копия Генкварм 9, СНАБЮЗ и КОМИССАРЮЗ

Оперативная сводка. На Ю[го-]з[ападном] фронте с 18 час. 20 [июля] и до 8 час. 21 июля выяснилось: [В] Особой и 11[-й] армиях обычная перестрелка и поиски разведчиков. [В] 1-м Туркестанском [армейском] корпусе (11-я армия. – С. К.) наша артиллерия пристреливалась по району дер. Терешковец, где, по поступившим сведениям, происходит братание солдат 5[-го] Туркестанского [стрелкового] полка (2-я Туркестанская стрелковая дивизия. – С. К.) с противником... 21 июля 1917 г. Нр. 4493. [Н.И.] Раттэль.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 122–124.

№ 34

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(31 августа 1917 г.)

Подана 31 / 08. [В] 12 ч. 20 м.

Военная. Секретно.

Генкварм 1, 7, 11 и Особой, Генкварсев, Генкварзап копия

Генкварм 2, Генкваррум копия Генкварм 8, Снабюз и Комиссарюз

Бердичев 31 августа 12 час. Оперативная сводка Юзфронта за 30 августа: [в] районе Шельвова против левого фланга Особой и правого фланга Первой армии два раза появлялись группы противника с целью братания, но были разогнаны огнем артиллерии 1[-го] Туркестанского [армейского] корпуса (на 31 августа корпус входил в состав 1-й армии. – С. К.)... Нр. 265122. За Генкварюз полковник [И.И.] Громыко.

Оперативное отделение. 6071.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 5. Л. 309.

№ 35

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(19 сентября 1917 г.)

Подана 19/IX [В] 12 ч. 40 м.

Военная. Секретно.

ГЕНКВАРМ 1, 7, 11 и ОСОБОЙ, ГЕНКВАРСЕВ, ГЕНКВАРЗАП, копия ГЕНКВАРМ 2, ГЕНКВАРРУМ, копия ГЕНКВАРМ 8, СНАБЮЗ и КОМИССАРИУЗ.

Оперативная сводка Юзфронта за 18 сентября... [В] 1[-й] армии [в] 1[-м] Туркестанском [армейском] корпусе в лесу сев[еро]-зап[аднее] Бубнова противник бросал в наши окопы табак и папиросы и старался завести разговор с нашими солдатами о мире. В ответ нами был открыт ружейный и пулеметный огонь. 19 сентября 12 час. Нр. 265449. [И.И.] Громыко.

6372.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 1. Л. 61.

№ 36

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(11 октября 1917 г.)

Подана 11/X [В] 22 ч. 18 м.

Военная. Секретно.

Генкварм 7, 11 и Особой, Генкварсев, Генкварзап, копия Генкварм 2. Генкваррум, копия Генкварм 8, Снабюз и Комиссарюз.

Оперативная сводка Юзфронта за 10 октября. [В] Особой армии... [в] 44[-м армейском] корпусе [в] районе Кухарского леса огнем нашей артиллерии разогнана партия немцев, вышедших на бруствер с белыми плакатами. 11 октября 1917 г. Нр. 265828. [П.С.] Махров¹.

Оперативное отделение. 6714.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 138.

№ 37

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(18 октября 1917 г.)

Подана 18 / X [В] 18 ч. 20 м.

Военная. Секретно.

Генкварм 7, 11 и Особой, Генкварсев, Генкварзап, копия Генкварм 2. Генкваррум, копия Генкварм 8, Снабюз и Комиссарюз

Оперативная сводка Юзфронта за 17 октября... [В] XI армии [в] 32[-м армейском] корпусе [в] районе к югу от д. Берлин наша артиллерия разогнала группу австрийцев, выставивших красный флаг и вышедших из окопов с целью завязать братание. 18 октября 1917 г. Нр. 265963. [П.С.] Махров.

Оперативное отделение. 6846.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 156.

¹ Махров Пётр Семёнович (1876–1964) – командир 13-го Сибирского стрелкового полка, который отличился в августе 1917 г. в боях под Ригой. В сентябре 1917 г. произведен в чин генерал-майора и вступил в должность генерал-квартирмейстера штаба 12-й армии. И. д. генерал-квартирмейстера штаба армий Юго-Западного фронта (с 3 октября 1917 г.). Закончил службу и. д. начальника штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта.

№ 38

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(30 октября 1917 г.)

Подана 30/X [В] 13 ч. 54 м.

Генкварм 7, 11 и Особой, Генкварсев, Генкварзап, копия Генкварм 2. Генкваррум, копия Генкварм 8, Снабюз и Комиссарюз

Оперативная сводка Юзфронта за 29 октября... [В] 11[-й] армии... [в] 5[-м] Сиб[ирском армейском] корпусе австрийцы делали попытки к братанию, огнем нашей артиллерии попытки прекращены... 30 октября. 266181. [П.С.] Махров.

Оперативное отделение. 7056.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 184.

№ 39

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(31 октября 1917 г.)

Подана 31/X [В] 14 ч. 40 м.

Военная. Секретно.

Генкварм 7, 11 и Особой, Генкварсев, Генкварзап, копия Генкварм 2. Генкваррум, копия Генкварм 8, Снабюз и Комиссарюз

Оперативная сводка Юзфронта за 30 октября. [В] Особой армии... [в] 1-м Туркестанском [армейском] корпусе наша артиллерия обстреляла немцев, выходивших брататься в районе Пустомытского оврага и ур. Дубина... 31 октября 1917 г. Нр. 266207. [П.С.] Махров.

Оперативное отделение. 7078.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 187.

№ 40

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(3 ноября 1917 г.)

Подана 3/XI [В] 17 ч. 53 м.

Военная. Секретно.

ГЕНКВАРМ 7, 11 и ОСОБОЙ, ГЕНКВАРСЕВ, ГЕНКВАРЗАП, копия ГЕНКВАРМ 2, ГЕНКВАРРУМ, копия ГЕНКВАРМ 8, СНАБЮЗ и КОМИССАРИОЗ.

Оперативная сводка Юзфронта за 2 ноября... [В] Одиннадцатой армии [в] 5[-м] Сиб[ирском армейском] корпусе противник делал несколько попыток к братанию, которые каждый раз прекращались нашим огнем... 3 ноября. Нр. 266271. [П.С.] Махров.

Оперативное отделение. 7151.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 194.

№ 41

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(7 ноября 1917 г.)

Подана 7/XI [В] 13 ч. 44 м.

ГЕНКВАРМ 7, 11 и Особой, Генкварсев, Генкварзап, копия Генкварм 2. Генкваррум, копия Генкварм 8, Снабюз и Комиссарюз

Оперативная сводка Юзфронта за 6 ноября... [В] Особой армии [на] участке 1[-го] Турк[естанского армейского] корп[уса] и в 11[-й] армии в 5[-м] Сибир[ском армейском] корпусе немцы пытались завязать братание, но все попытки были прекращены нашим огнем. Нр. 266330. [П.С.] Махров.

[Оперативное] отд[еление]. 7212.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 199.

№ 42

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(8 ноября 1917 г.)

Подана 8/XI [В] 14 ч.

Генкварм 7, 11 и Особой, Генкварсев, Генкварзап, копия Генкварм 2. Генкваррум, копия Генкварм 8, Снабюз и Комиссарюз

Оперативная сводка Юзфронта за 7 ноября... [В] XI армии [в] 5[-м] Сибирском [армейском] корпусе австрийцы пытались завести братание [с] нашими солдатами... 8 ноября. Нр. 266350. [П.С.] Махров.

Оперативное отделение. 7238.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 200.

№ 43

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(9 ноября 1917 г.)

Подана 9/XI [В] 13 ч. 15 м.

Генкварм 7, 11 и Особой, Генкварсев, Генкварзап, копия Генкварм 2. Генкваррум, копия Генкварм 8, Снабюз и Комиссарюз

Оперативная сводка Юзфронта за 8 ноября... [В] VII армии... На участке 41[-го армейского] корпуса была попытка братанья, прекращенная огнем нашей артиллерии. 9 ноября 1917 г. Нр. 266375. [П.С.] Махров.

Оперативное отделение. 7263.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 203.

№ 44

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(10 ноября 1917 г.)

Подана 10/XI [В] 14 ч.

Генкварм 7, 11 и Особой, Генкварсев, Генкварзап, копия Генкварм 2. Генкваррум, копия Генкварм 8, Снабюз и Комиссарюз

Оперативная сводка Юзфронта за 9 ноября. [В] Особой армии перестрелка. [В] 44[-м армейском] корпусе на шоссе Ковель – Луцк на рассвете появился перед нашими заграждениями немецкий солдат и призывал наших выйти из окопов для переговоров. С нашей стороны вышло несколько солдат, которых немец угощал папиросами. Вскоре из окопов противника вышло еще 4 офицера и 1 солдат и в разговоре с нашими солдатами заявили, что у нас получена радиограмма Ленина о заключении перемирия и что у них отдан приказ не стрелять. Наши заявили, что до получения официального приказа о перемирии они выходить из окопов не будут, о чем просили и немцев, последние согласились, и братанье кончилось.

[В] XI армии в 5[-м] Сиб[ирском армейском] корпусе в течение 8 и 9 ноября противник произвел 5 попыток к братанию, из коих 4 были прекращены нашим ружейным и артиллерийским огнем и одна усилием полкового комитета. Были случаи выхода наших солдат из окопов. В 25[-м] арм[ейском] корпусе по просьбе

нашей пехоты была обстреляна нашей артиллерией первая линия окопов противника южнее дер. Ивашув Гурны, где противник делал попытки к братанию... 10 ноября 1917 г. Нр. 266391. [П.С.] Махров.

Оперативное отделение. 7287.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 205.

№ 45

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(11 ноября 1917 г.)

Подана 11/XI [В] 13 ч. 53 м.

Военная. Секретно.

Генкварм 7, 11 и Особой, Генкварсев, Генкварзап, копия Генкварм 2. Генкваррум, копия Генкварм 8, Снабюз и Комиссарюз

Оперативная сводка Юзфронта за 10 ноября... В XI армии [в] 5[-м] Сиб[ирском армейском] корпусе [в] районе Чепеле противник делал несколько попыток [к] братанию, но каждый раз попытки прекращались артиллерийским огнем. Около 15 час. [в] том же районе противник группой до 20 человек подошел к р. Граберка, куда вышли и наши стрелки, по открытии артиллерийского огня все попрятались [в] свои окопы. 11 ноября 1917 г. Нр. 266416. [П.С.] Махров.

Оперативное отделение. 7306.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 207.

№ 46

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(12 ноября 1917 г.)

Подана 12/XI [В] 18 ч. 7 м.

Военная. Секретно.

Генкварм 7, 11 и Особой, Генкварсев, Генкварзап, копия Генкварм 2. Генкваррум, копия Генкварм 8, Снабюз и Комиссарюз

Оперативная сводка Юзфронта за 11 ноября... [В] XI армии [в] районе деревни Чепеле на реке Грабарка было братание с немцами, прекращенное нашим артиллерийским огнем. [В] VII армии между 13 и 14 часами три солдата 294[-го пехотного Бере-

зинского] полка (74-я пехотная дивизия, 41-й армейский корпус. – С. К.) отправились по долине реки Черница к немецким окопам с целью достать водки. На встречу им вышли несколько германцев, которые подойдя близко к нашим солдатам, открыли по ним ружейный огонь, причем двое из наших солдат были убиты, третий взят в плен. 12 ноября. Нр. 266436. [П.С.] Махров.

7327.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 210.

№ 47

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(13 ноября 1917 г.)

Подана 13/XI [В] 18 ч. 11 м.

Военная. Секретно.

НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА И ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ
(зачеркнуто. – С. К.)

Генкварм 7, 11 и Особой, Генкварсев, Генкварзап, копия Генкварм 2. Генкваррум, копия Генкварм 8, Снабюз и Комиссарюз

Оперативная сводка Юзфронта за 12 ноября. [В] Особой армии [в] тридцать девятом [армейском] корпусе [в] 122[-й пехотной] дивизии началось братание, [в] первом Туркестанском [армейском] корпусе [в] районе Пустомыты [в] связи со слухами о перемирии массовое братание. Наша артиллерия обстреляла братающихся... [В] VII армии [в] 12[-м армейском] корпусе [в] районе Бережанка наша артиллерия разогнала вышедших брататься австрийцев. 13 ноября. Нр. 266451. [П.С.] Махров.

Оперативное отделение. 7336.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 211.

№ 48

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(13–14 ноября 1917 г.)

Подана 14/XI [В] 19 ч. 30 м.

Военная. Секретно.

ГЕНКВАРМ 7, 11 и ОСОБОЙ, ГЕНКВАРСЕВ, ГЕНКВАРЗАП, копия Генкварм 2, ГЕНКВАРРУМ, копия Генкварм 8, СНАБЮЗ и КОМИССАРИОЗ.

Оперативная сводка Юзфронта за 13 ноября... [В] Особой армии происходило братание между г[осподским] дв[ором] Кухары и Мал[ый] Порск. По дополнительно полученным сведениям на участке 776[-го пехотного Кустанайского] полка (194-я пехотная дивизия, 39-й армейский корпус. — С. К.) два оркестра противника, выйдя из своих окопов, непрерывно играют и кричат, что получили официальный приказ о перемирии.

[В] 11-й армии, по дополнительным сведениям, подробности попытки неприятеля начать братание на фронте 32[-го армейского] корпуса 11 ноября: в районе Болдурской переправы 11 ноября противник выслал в одну из рот 403[-го пехотного Вольского] полка сначала одного офицера, а потом еще двух, которые предлагали допустить делегатов для беседы по политическим вопросам. К ним вышел полковой комитет, который передал, что по распоряжению начдива братание допущено не будет и делегаты противника будут арестованы вследствие чего 12 ноября делегаты противника более не показывались.

[В] 7-й армии... [в] районе Секеринце дважды повторявшаяся попытка брататься мелких партий противника была разогнана нашим огнем. 13 ноября. Нр. 266477. [П.С.] Махров.

7372.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 214.

№ 49

Из оперативной сводки штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(15 ноября 1917 г.)

Подана 15/XI. [В] 14 ч. 20 м.

Военная. Секретно.

ГЕНКВАРМ 7, 11 и ОСОБОЙ, ГЕНКВАРСЕВ, ГЕНКВАРЗАП, копия ГЕНКВАРМ 2, ГЕНКВАРРУМ, копия ГЕНКВАРМ 8, СНАБЮЗ и КОМИССАРИОЗ.

Оперативная сводка Юзфронта за 14 ноября: [В] Особой армии [в] 31[-м армейском] корпусе на Кнубовском участке нашей артиллерией прекращена попытка к братанию... [в] 44[-м армей-

ском] корпусе [в] районе Велицк Кухары противник несколько раз выходил для братания, но каждый раз партии его загонялись в свои окопы огнем нашей артиллерии. [В] 39[-м армейском] корпусе спокойно. [В] 1[-м] Туркестанском [армейском] корпусе... наша артиллерия обстреляла партии противника, выходивших для братания.

Дополнение вчерашней сводки: первое: вчера вечером [на] участке 776[-го пехотного Кустанайского] полка (194-я пехотная дивизия, 39-й армейский корпус. – С. К.) из немецких окопов вышло несколько офицеров, из которых один, как [в]последствии выяснилось, был начальник дивизии, и просили к себе офицеров, которым заявили, что когда у русских будет получено приказание о перемирии, то немцы просят выслать парламентариев, до этого времени просят к их проволочным заграждениям не подходить и не браться, второе: во второй Туркестанской [стрелковой] дивизии происходит братание [в] широких размерах. Немцы разгуливают по нашим окопам, меняются с нашими солдатами разными мелкими вещами. Братающиеся немцы, преимущественно молодые люди, доходят даже до расположения наших резервов.

[В] XI армии противник [в] районе Черниховце делал неудачные попытки братания.

[В] 7 армии... Попытки противника [к] братанию [на] участке 1[-го] Гвард[ейского] и 12[-го армейского] корпусов прекращены нашим огнем. 15 ноября. Нр. 266499. [П.С.] Махров.

Оперативное отделение. 7396.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 215.

№ 50

Из сводки о перемирии штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

(4 декабря 1917 г.)

Подана 4/XII. [В] 15 ч. 5 м.

Военная. Секретно.

ГЕНКВАРМ VII, XI, ОСОБОЙ, ГЕНКВАРСЕВ, ГЕНКВАРЗАП, КОПИЯ ГЕНКВАРМ 2, ГЕНКВАРУМ, КОПИЯ ГЕНКВАРМ 8, СНАБЮЗ, ФРОНТОВАЯ РАДА СОВКАЗАКОВ

Сводка о перемирии на Юзфронте за 3 декабря. Особая армия: тихо, местами братание. На участке 53[-й пехотной] дивизии

(39-й армейский корпус. — С. К.) около 12 часов из немецких окопов вышло 3 офицера и 6 солдат и направились [к] нашей проволоке. Наш наблюдатель на заставе прапорщик Шеренберг знаками показал, что к проволоке подходить нельзя, на что один из немецких офицеров на чисто русском языке ответил: «Ты, русская свинья, еще будешь указывать куда мне идти? Я (следует брань) пойду в окопы и прикажу твоим солдатам распороть тебе брюхо и вырезать половые органы». Прапорщик Шеренберг [предупредил], что он вынужден будет открыть огонь и приказал наблюдателям приготовиться. Последние заявили, что стрелять не будут. Немец стал еще больше ругаться, издеваясь над прапорщиком Шеренбергом. Наши же солдаты, как наблюдатели, так и группа артиллеристов, пришедших для братания на этот участок, предательски хотали.

...[В] VII-й армии на участке 3[-й] Заамурской [пограничной пехотной] дивизии (41-й армейский корпус. — С. К.) были случаи перехода демаркационной линии, [в] 13[-й] Сиб[ирской стрелковой] дивизии (7-й Сибирский армейский корпус. — С. К.) происходило братание отдельных людей и меновая торговля.

4 декабря. Нр 266912 (Подпись неразборчиво. — С. К.)

Оперативное отделение. № 7802.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 253.

Особая армия

№ 51

Из разведывательной сводки штаба Особой армии

(4 марта 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, копия Генкварзап, Генкварм 11 и 3, Наштакор 1, 2 и Кавалерийского Гвардейских, 5, 25, 34, 39 армейских и 1 Туркестанского.

Срочно.

Разведывательная к 16 часам. Луцк. 4 марта. 14 час. 15 мин. ...

Севернее Шельвова были слышны из окопов противника крики: «Дай хлеба!». В районе Корытница противник выставил 3 белых флага и перебросил в наши окопы записку, которая еще в штакор не доставлена...

Нр 2838 Р. [А.В.] Геруа 2¹.

РГВИА. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 994. Л. 17.

№ 52

Из разведывательной сводки штаба Особой армии

(4 марта 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, копия Генкварзап, Генкварм 11 и 3, Наштакор 1, 2 и Кавалерийского Гвардейских, 5, 25, 34, 39 армейских и 1 Туркестанского Нэхо, Дегенарм, Начинарм, Начсанот, Инспартарм Особой, Старшему Адъютанту Военно-цензурного отдел и Начальнику службы связи Штарм Особой..

Срочно.

Разведывательная. Луцк. 4. 3 17, 22 ч 30 мин.

...На участке 1[-го] Гврд[ейского] корпуса противник выставил плакаты с подробным описанием петроградских событий. Нашей артиллерией и бомбометами плакаты уничтожены. На фронте 2[-го] Гврд[ейского] корпуса противник выставил плакаты, содержание коих прочесть не удалось. Ночью [в] наши окопы брошена прокламация...

Нр 07007. [А.В.] Геруа 2. ...

РГВИА. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 994. Л. 19–20.

№ 53

Из разведывательной сводки штаба Особой армии

(5 марта 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, копия Генкварзап, Генкварм 11 и 3, Наштакор 1, 2 и Кавалерийского Гвардейских, 5, 25, 34, 39 армейских и 1 Туркестанского.

Срочно.

Разведывательная к 16 часам. Луцк. 5 марта. 13 час. 10 мин.

... У Корытницы из окопов противника кричали: «Дай хлеба!».

Нр 2849 / Р. [А.В.] Геруа 2.

РГВИА. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 994. Л. 18.

¹ Геруа Александр Владимирович (1870 – после 1944) – генерал-лейтенант (производство: 1917). Командир 18-го армейского корпуса (с 7 июля 1917). Последняя должность в Русской Императорской армии – начальник штаба Румынского фронта.

№ 54

Из разведывательной сводки штаба Особой армии

(6 марта 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, копия Генкварзап, Генкварм 11 и 3, Наштакор 1, 2 и Кавалерийского Гвардейских, 5, 25, 34, 39 армейских и 1 Туркестанского.

Срочно.

Разведывательная к 16 часам. Луцк. 6 марта. 13 час 30 мин.

Западнее Кухары противник выставил плакат со словами: «В Петрограде революция. Народ и гарнизон требуют мира»...

Нр 2852 / Р. [А.В.] Геруа 2.

РГВИА. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 209–209 об.

№ 55

Из разведывательной сводки штаба Особой армии

(8 марта 1917 г.)

Офицерам, заведующим разведкой 1, 2 Гвардейских, 5, 25, 34, 39 армейских и 1[-го] Туркестанского [армейского] корпусов.

Срочно.

Луцк. 8 марта. 15 час 30 мин.

Прошу доставить в разведывательное отделение образцы прокламаций с описанием петроградских событий, разбрасываемых [в] последнее время противником. Нр 2883 Р. Свистунов.

РГВИА. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 216.

№ 56

Из разведывательной сводки штаба Особой армии

(10 марта 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, копия Генкварзап, Генкварм 11 и 3, Наштакор 1, 2 и Кавалерийского Гвардейских, 5, 25, 34, 39 армейских и 1 Туркестанского.

Срочно.

Разведывательная к 16 часам. Луцк. 10 марта. 14 час. ...

...Западнее кол[онии] Пустомыты из окопов выходили немцы, чем опровергаются имевшиеся сведения о присутствии на этом участке австрийцев...

Нр. 2906. [А.В.] Геруа 2.

РГВИА. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 224–224 об.

№ 57

Из разведывательной сводки штаба Особой армии

(17 марта 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, копия Генкварзап, Генкварм 11 и 3, Наштакор 1, 2 и Кавалерийского Гвардейских, 5, 25, 34, 39 армейских и 1 Туркестанского.

Срочно.

Разведывательная к 14 часам. Луцк. 17 марта. 13 час. 30 мин. ...

По войсковому наблюдению, поведение противника на участке Майдан – Витонеж изменилось, а именно, производится стрельба по одиночным людям и пристрелка артиллерии, что дает основание предполагать произошедшую на этом участке смену. Сопоставляя все эти сведения с наблюдавшимися 3 марта (сводка нр 2831 Р) изменением [у] противника на участке Свидники – Нов[ый] Моссор, с уходом из боевой линии участка Витонеж – кол[ония] Юльяновка 28[-го] и 68[-го] герм[анских] полков, с появлением 432[-го] герм[анского] полка, бывшего у Ст[арого] Мас-сора, у Киселина и с наблюдением подхода 10 марта колонн к Солотвину и кол[онии] Каролинке, можно с вероятностью предположить, что на всем участке Свидники – кол[ония] Юльяновка произошла перегруппировка, общий характер которой – уменьшение количества немцев и увеличение австрийцев...

Нр 2971 Р. [А.В.] Геруа 2.

РГВИА. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 326. Л. 93–95.

№ 58

Из разведывательной сводки штаба Особой армии

(19 марта 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, копия Генкварзап, Генкварм 11 и 3, Наштакор 1, 2 и Кав[алерийского] Гв[ардейских], 5, 25, 34, 39 арм[ейских] и 1 Турк[естанского].

Срочно.

Разведывательная к 14 часам. Луцк. 19 марта. 13 ч. 50 мин. ...

Южнее Выдумки из окопов вылезали австрийцы и кричали: «Пан, есть ли хлеб?»...

Нр 2978. [А.В.] Геруа 2.

РГВИА. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 994. Л. 71.

№ 59

Из разведывательной сводки штаба Особой армии

(4 апреля 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, копия Генкварзап, Генкварм 11 и 3, Наштакор 1, 2 и Кавалерийского Гвардейских, 5, 25, 34, 39 армейских и 1 Туркестанского.

Срочно.

Разведывательная к 14 часам. Луцк. 4 апреля. 13 час. 10 мин. ...

В районе Бол[ьшой] Порск вышли бежавшие из плена 2 солдата 284[го пехотного] Венгровского полка (71-я пехотная дивизия. – С. К.), которые показали... На почве голода были беспорядки в немецких полках. Солдатам обещают, что через два месяца будет мир...

Нр 3118. [А.В.] Геруа 2.

РГВИА. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 326. Л. 123–127.

№ 60

Из разведывательной сводки штаба Особой армии

(6 апреля 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, копия Генкварзап, Генкварм 11 и 3, Наштакор 1, 2 и Кавалерийского Гвардейских, 5, 25, 34, 39 армейских и 1 Туркестанского.

Срочно.

Разведывательная к 14 часам. Луцк. 6 апреля. 12 час. 20 м. ...

Противник продолжает разбрасывать прокламации с призывом к миру и всячески старается заговаривать с нашими солдатами.

Нр. 3137. [А.В.] Геруа 2.

РГВИА. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 326. Л. 136.

№ 61

Из разведывательной сводки штаба Особой армии

(7 апреля 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, копия Генкварзап, Генкварм 11 и 3, Наштакор Кавалерийского Гвардейского, 25, 34, 39 армейских и 1 Туркестанского.

Срочно.

Разведывательная к 14 часам. Луцк. 7 апреля. 12 ч. 30 мин. ...

Против Звиняче группа немцев пыталась с белыми флагами подойти к нашим окопам. На участке южнее Дзиковины задержаны в нашем окопе два офицера и солдат 13 ландв[ерного] австр[ийского] полка, перешедшие к нам, по-видимому, с целью агитации. Офицеры показания дать отказались...

Нр. 3145. [А.В.] Геруа 2.

(На обороте разведывательной сводки от 7 апреля написано от руки. – С. К.):

«Комкор приказал разъяснить офицерам и солдатам, что пример австрийцев, отказавшихся дать показания, которые могли бы повредить их армии, заслуживает уважения, показывает, что противник, заигрывая с нами, ведет определенную разведку, т. к. если бы австрийцы действительно боролись бы за свободу... тогда им нечего было бы скрывать от нас. Поэтому комкор приказал прекратить сношения с противником, памятуя, что таковые являются изменой Временному правительству, которое ведет борьбу со шпионами и провокаторами».

(подпись неразборчиво. – С. К.)

РГВИА. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 311–311 об.

№ 62

Из разведывательной сводки штаба Особой армии

(7 апреля 1917 г.)

Наштакор 1 Турк. Наштакор Кавалерийского Гвардейского, 25, 34, 39 армейских и 1 Туркестанского.

Срочно.

Разведывательная. Луцк. 7 апреля. 23 часа 40 мин.

Сообщаю копию телеграммы Генкварюза от 7 апреля с. г. за № 12241: «Штаюз ожидается перебежка со стороны противника дезертиров, которые скажут, что присланы “Павлом Александровичем из Парижа”. [В] случае появления таких дезертиров не откажите [в] распоряжении [о] скорейшей их присылке [в] Штаюз для опроса. № 12241. [Н.Н.] Духонин». 3151. [А.В.] Геруа.

РГВИА. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 326. Л. 140, 141.

№ 63

Из разведывательной сводки штаба Особой армии

(8 апреля 1917 г.)

Наштакор Гвардкав, 25, 34, 39 армейских и 1 Туркестанского.
Срочно.

Разведывательная. Луцк. 8 апреля. 00 час. 20 минут. ...

Западный фронт. Захваченный 6 апреля в районе Богуше перебежчик 374[-го] полка 16[-й] л[анд]в[ерной] дивизии... показал, что 31 марта в полк пришло приказание не стрелять по русским солдатам, стараясь войти с последними в общение для заключения перемирия. Пленный выражал уверенность, что из попыток немцев понизить боеспособность нашей армии ничего не выйдет и что русские не пойдут на соглашение, так как Германия находится накануне продовольственного кризиса и хлеба до нового урожая ни в коем случае хватить не может. По показанию указанного пленного 11[-го] л[анд]в[ерного] полка (4-я ландверная дивизии. — С. К.) в Антове устроен городок по точной копии наших позиций в районе Ольсевичей и что в этом городке обучается батальон 23 л[анд]

в[ерного] полка, предназначенный для атаки в районе Якимовичи. Начало наступления в настоящее время отложено по политическим соображениям, так как немцы рассчитывают усиленной пропагандой добиться сепаратного мира.

Нр 3149. [А.В.] Геруа.

РГВИА. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 314–315 об.

№ 64

Из разведывательной сводки штаба Особой армии

(8 апреля 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, копия Генкварзап, Генкварм 11 и 3, Наштакор Гвардейского Кавалерийского, 25, 34, 39 армейских и 1 Туркестанского.

Срочно.

Разведывательная к 14 часам. Луцк. 8 апреля. 13 часов 15 мин. ...

В районе Киселина взято 3 пленных 29[-го] пех[отного] полка 16[-й] германской дивизии.

Нр 3156. [А.В.] Геруа 2.

РГВИА. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 326. Л. 147–148.

№ 65

Из разведывательной сводки штаба Особой армии

(9 апреля 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, копия Генкварзап, Генкварм 11 и 3, Наштакор Гвардейского Кавалерийского, 25, 34, 39 армейских и 1 Туркестанского.

Срочно.

Разведывательная к 14 часам. Луцк. 9 апреля. 12 час. 35 мин. ...

Противник пассивен... Пленные германцы 29[-го] пех[отно-го] полка 16[-й] германской дивизии (сводка нр 3156) показали... Довольствие вполне достаточное. Пленные по приказанию офицеров были посланы с белыми и красными флагами для передачи прокламаций...

Нр 3167. [А.В.] Геруа 2.

РГВИА. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 326. Л. 153–154.

№ 66

Из разведывательной сводки штаба Особой армии

(9 апреля 1917 г.)

Наштакор Гвардейского Кавалерийского, 25, 34, 39 армейских и 1 Туркестанского.

Срочно.

Разведывательная. Луцк. 9 апреля. 12 ч. 20 м.

Сводка сведений о противнике на Западном и Юго-Западном фронтах.

Западный фронт. Захваченный в районе Вишневок перебежчик саксонец 106[-го] рез[ервного] полка 123[-й] д[ивизии] на предварительном опросе показал... что вследствие крайнего недостатка продовольствия ходят слухи, что Германия больше трех месяцев не протянет, чем объясняются принимаемые сейчас по инициативе офицеров меры, с целью входить в общение с русскими солдатами и подорвать боеспособность русской армии.

Нр 3164. [А.В.] Геруа 2.

РГВИА. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 318–318 об.

№ 67

Из разведывательной сводки штаба Особой армии

(10 апреля 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, копия Генкварзап, Генкварм 11 и 2, Наштакор Гвардейского Кавалерийского, 25, 31, 34, 39 и 46 армейских и 1 Турк и 4 Конного.

Срочно.

Разведывательная к 14 часам. Луцк. 10 апреля. 12 ч. 30 м. ...

Против дер[евни] Боровно партия разведчиков днем с белыми флагами, а ночью с факелами дважды пыталась приблизиться к нашим окопам...

Нр. 3189 Р. [А.В.] Геруа 2.

РГВИА. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 994. Л. 151.

№ 68

Из разведывательной сводки штаба Особой армии

(11 апреля 1917 г.)

Наштакор Гвардейского Кавалерийского, 25, 31, 34, 39, 46 армейских и 1 Туркестанского и 4 Конного.

Срочно.

Разведывательная. Луцк. 11 апреля. 00 час. 40 мин. Сводка сведений о противнике на Западном и Юго-Западном фронтах... Западный фронт. Захваченный 4 апреля в районе Александровской жел[езной] дороги пленный 11[-го] л[анд]в[ерного] полка... на агентурном опросе показал, что будто бы пропаганда мира ведется на нашем фронте с целью дать возможность перебросить больше войск во Францию, чтобы сдержать там наступление союзников, после чего предположено наступление на Русском фронте...

Нр. 3191. [А.В.] Геруа.

РГВИА. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 326. Л. 159–163.

№ 69

Из разведывательной сводки штаба Особой армии

(12 апреля 1917 г.)

Наштакор 25, 31, 34, 39, 46 армейских и 1 Туркестанского, Гвардейского Кавалерийского и 4 Конного.

Срочно.

Разведывательная. Луцк. 12 апреля. 1 ч. 15 м.

Сводка сведений о противнике на Западном и Юго-Западном фронтах.

Западный фронт... Противник пускает ракеты с прокламациями, в которых говорится, что если мир не будет теперь заключен, то с 25 апреля они переходят в наступление...

Нр. 3198. [А.В.] Геруа 2.

РГВИА. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 329–332.

№ 70

Из разведывательной сводки штаба Особой армии

(14 апреля 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, копии Генкварзап, Генкварм 11 и 2, Наштакор 25, 31, 34, 39, 46 армейских и 1 Туркестанского, Гвардейского Кавалерийского и 4 Конного.

Срочно.

Разведывательная. К 14 часам. Луцк. 14 апреля. 13 ч. 25 м. ...

Противник пассивен. Западнее Повурска задержан австриец 3[-го] ландв[ерного] уланского полка, принесший прокламации и притащивший провод для переговоров, показавший, что полк [в] составе 6-ти эскадронов входит [в] состав 45[-й] ландв[ерной] австр[ийской] дивизии и находится [в] резерве восточнее озера Повурского...

3239 Р. [А.В.] Геруа 2.

РГВИА. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 338–340 об.

№ 71

Из разведывательной сводки штаба Особой армии

(16 апреля 1917 г.)

Наштакор 25, 31, 34, 39, 46 армейских и 1 Туркестанского, Гвардейского Кавалерийского и 4 Конного.

Срочно.

Разведывательная. К 14 часам. Луцк. 16 апреля. 12 ч. 15 м. ...

У Свидники захвачен пленный германец 133[-го] ландверн[ого] полка, показавший, что захвачен в то время, когда шел к нам за хлебом. По его словам, со 2 апреля нашего стиля у них установлены добрососедские отношения с конными стрелками. По мнению пленного, у немцев с нами заключено перемирие, почему

командир батальона 131[-го] полка (вероятна опечатка и имеется в виду 133-го полка. — С. К.) запретил стрелять в русских. Немцы верят возможности заключения скорого мира с нами, но с французами и англичанами они еще повоюют. В наше наступление не верят. О смене туркестанцев гвардейцами знали благодаря своему подслушивающему прибору...

Нр. 3254. [А.В.] Геруа.

РГВИА. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 994. Л. 167–167 об.

№ 72

Из разведывательной сводки штаба Особой армии

(20 апреля 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, копии Генкварзап, Генкварм 11 и 2, Наштакор 25, 31, 34, 39, 46 армейских, Гвардейского Кавалерийского и 4 Конного.

Срочно.

Разведывательная. К 14 часам. Госп[одский] дв[ор] Воробин. 20 апреля. 12 час. 45 мин. ...

Противник ведет обычные работы по укреплению позиции и продолжает разбрасывать прокламации...

Нр. 3285. [А.В.] Геруа 2.

РГВИА. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 358–359.

№ 73

Разведывательная сводка штаба Особой армии

(21 апреля 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, копии Генкварзап, Генкварм 11 и 2, Наштакор 25, 31, 34, 39 армейских, Гвардейского Кавалерийского и 4 Конного.

Срочно.

Разведывательная. К 14 часам. Госп[одский] дв[ор] Воробин. 21 апреля. 13 час. 25 м. ...

На дополнительном опросе пленный 133[-го] герм[анского] ландв[ерного] полка показал: (сводка 3254 Р) 2 апреля нашего стиля 8 русских солдат в том числе один унтер-офицер перешли из головной русской заставы против Свидников к германцам. Пленные рассказывали, что означают пускаемые русскими ракеты и какой огонь открывается после красной и других ракет. Показания

эти были германцами проверены, и германским заставам было приказано пустить в сторону русских ракеты тех цветов, о которых говорили пленные и из штаба дивизии все роты были об этом предупреждены на случай, если подаваемые сигналы будут верны, и людям было приказано спрятаться в убежища. Ровно в 10 часов вечера были пущены красные ракеты, и русская артиллерия после второй ракеты открыла очень меткий огонь шрапнелью. Попадания были в самые окопы, но вреда не принесли, ибо все убежища бетонированы. Сведения, сообщенные пленными, следовательно, оказались верными. Начиная со 2-го апреля, русские солдаты приходили против Свидники к проволоке германцев и передавали им белый хлеб, а германцам было приказано давать им спирт и водку, что они и делали. Кроме водки германцам приказано ежедневно ночью вешать на русскую проволоку пакеты с прокламациями на русском и польском языках. Под утро русские эти пакеты уносили в свои окопы. Задача прокламаций – скорее убедить русских заключить мир. [Со] 2 апреля германцам запрещено открывать ружейный огонь, чтобы ввести русских солдат в заблуждение относительно планов войны со стороны Германии. 15 апреля, когда пленный подошел к русской проволоке чтобы передать водку, выскочил офицер и его забрал в окоп.

Пленный отмечает быстрое открытие огня русской артиллерией и его меткость. Знает, что у нас мало тяжелой артиллерии, и это радует немцев.

Последнее время германцы замечали, что русские стреляют меньше, менее бдительны и все о чем-то разговаривают, не обращая внимания на противника.

В среду 11 апреля германские части, находившиеся у Свидники, были предупреждены, что к ним должен вернуться их агент и что он одет в русскую солдатскую форму; приказано было ни кому, проходящему к германцам, не стрелять.

У германцев теперь установлены следующие сигналы ракеты: зеленая ракета – заградительный огонь, зеленая с хвостом и звездами ракета – стреляют по своим, красная ракета – немедленно открыть огонь по окопам противника. В ближайшем времени германцы получают новые световые сигналы, отдельные вспышки ракетами или другим световым эффектом будут соответствовать телеграфному ключу. Пленный в марте сего года был три недели в

отпуску около Дармштадта. В Германии желают мира и, главное, скорейшего мира с Россией, чтобы потом броситься на Францию и Англию. Переворот в России германцы встретили с радостью и надеются, что теперь у русских упадет дисциплина, будут беспорядки, и она будет принуждена заключить мир. Германцы знают, что русские солдаты не хотят слушать своих офицеров и очень этому рады. Когда пленного вели из головной заставы к ротному командиру, он убедился, [в] каком плохом и грязном виде русские окопы и как без всякой дисциплины солдаты относились к офицерам даже в разговоре. Пленный сказал, что революция в Германии, по его мнению, немыслима, ибо дисциплина страшно сильна, а без дисциплины Германия победить не может и это стоит у германцев на первом плане. Германцы очень желают социальных реформ, но провести их можно только, по их мнению, при строжайшей дисциплине и абсолютном порядке, ибо иначе будет анархия и гибель страны. Если бы не было дисциплины и порядка, то при такой тяжелой войне Германии давно бы не существовало. Русские социалисты напрасно надеются, что германцы продадут свое отечество – они прежде всего германцы, а потом социалисты.

Всё мужское население на войне, и только армия после окончания победоносной войны может решать социальные вопросы, а не те люди, которые в тылу пороху не нюхали, а только говорили и воевали языком. Член германского Рейхстага [К.] Либкнехт начал было проповедовать социальные реформы и требовать мира, тогда его послали сначала простым солдатом в окопы, чтобы он вспомнил, что он прежде всего германец. Сейчас Либкнехт рядовой в германском полку на Барановичском фронте. Несмотря на надежды на скорый мир, работы по укреплению позиции ведутся германцами неустанно и все батальоны резервов привлекаются к работам. Германцы Свидниковской группы считают главным узлом обороны Свидники, но боятся наступления русских только со стороны Богушевки, ибо тогда Свидники отрываются русскими; все же в наступление русских не верят, зная, что у них мало артиллерии и в особенности надеются на совершившийся переворот, с которым, по их мнению, русские забудут про войну.

Воздушная разведка обнаружила в районе Губин – Хоростов дымки, возможно от стоящих там войск. Между Рудка Миринской

и Линевкой летало 5 самолетов, в районе Зубильно – Торчин – Затурцы – 3 самолета противника.

Вывод: группировка без перемен. Нр. 3279 Р. [А.В.] Геруа 2.
РГВИА. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 360–362 об.

№ 74

Из разведывательной сводки штаба Особой армии

(23 апреля 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, копии Генкварзап, Генкварм 11 и 2, Наштакор 25, 31, 34, 39, 46 армейских, Гвардейского Кавалерийского и 4 Конного.

Срочно.

Разведывательная. К 14 часам. Госп[одский] дв[ор] Воробин. 23 апреля. 13 часов 20 мин. ... Перед фронтом 46[го армейского] корпуса за последние два дня отмечается изменение в поведении противника: в окопах полная тишина, открыто ходящих людей нет, артиллерийский огонь носит характер пристрелки по правому участку 173[й пехотной] дивизии.

Выводы: ...2 / Наблюдается стремление противника разными способами привлечь наше внимание к различным участкам фронта. По-видимому, это делается с целью замаскировать перегруппировку войск. Нр. 3329-Р. [А.В.] Геруа 2.

РГВИА. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 994. Л. 184–184 об.

№ 75

Из разведывательной сводки штаба Особой армии

(24 апреля 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, копии Генкварзап, Генкварм 11 и 2, Наштакор 25, 31, 34, 39, 46 армейских, Гвардейского Кавалерийского и 4 Конного.

Срочно.

Разведывательная. К 14 часам. Госп[одский] дв[ор] Воробин. 24 апреля. 12 час. 25 мин. ...

Характер деятельности противника без перемен. Западнее Грушевой партия немцев человек 10 с офицером вышла из своих окопов и требовала пропустить их к командиру полка, но нашим ружейным огнем была разогнана.

Через час после этого со стороны Езерно партия человек 6 пыталась выйти из своих окопов, но также была отогнана огнем. Пленных и перебежчиков не было...

Вывод: обращают на себя внимание попытки противника вступить с нами [в] переговоры. Нр. 3340-Р. [А.В.] Геруа 2.

РГВИА. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 372–372 об.

№ 76

Из разведывательной сводки штаба Особой армии

(25 апреля 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, копии Генкварзап, Генкварм 11 и 2, Наштакор 25, 31, 34, 39, 46 армейских, Гвардейского Кавалерийского и 4 Конного.

Срочно.

Разведывательная. К 14 часам. Госп[одский] дв[ор] Воробин. 25 апреля. 11 час. 50 м. ...

Противник продолжает забрасывать нас прокламационной литературой, вместе с тем остается крайне бдителен и зорко следит за каждым нашим передвижением.

У Седлице 10 германцев с белыми флагами пытались вступить с нами [в] переговоры...

Из секретов противника восточнее Вулька Шельвовская кричали: «Русь, мадьяры ушли! Ночью мы с вами будем жить мирно! В резерве у нас германцы!»...

Нр. 3356-Р. [А.В.] Геруа 2.

РГВИА. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 375–375 об.

№ 77

Из разведывательной сводки штаба Особой армии

(28 апреля 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, копии Генкварзап, Генкварм 11 и 2, Наштакор 25, 31, 34, 39, 46 армейских, Гвардейского Кавалерийского и 4 Конного.

Срочно.

Разведывательная. Госп[одский] дв[ор] Воробин. 28 апреля. 0 ч. 35 м. Сводка сведений о противнике на Западном и Юго-Западном фронтах...

Западный фронт.

На фронте Видзы – Василевичи захваченные в районе Мартышки перебежчики 101[-го] ландв[ерного] полка 14[-й] ландв[ерной] д[и]в[и]з[ии] подтвердили предполагавшуюся группировку своей дивизии и показали, что в состав 14[-й] ланд[верной] д[и]в[и]з[ии] входит также 105[-й] ланд[верный] полк. Показания эти, по-видимому, правдоподобны, так как они подтверждаются французскими документальными данными.

По словам пленного, в их полку было объявлено распоряжение содействовать добрым отношениям с русскими солдатами, чтобы русские войска не перешли в наступление и иметь возможность использовать свои силы на Западном (Французском. – С. К.) фронте...

Нр. 3388-Р. Вр[еменно] И[сполняющий] д[олжность] Ген[ерал-] квар[тир]м[ейстера] Ос[о]б[ой] армии] подполковник [Н.В.] Соллогуб¹.

РГВИА. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 384–384 об.

№ 78

Из разведывательной сводки штаба Особой армии

(29 апреля 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, копии Генкварзап, Генкварм 11 и 2, Наштакор 25, 31, 34, 39, 46 армейских, Гвардейского Кавалерийского и 4 Конного.

Срочно.

Разведывательная. Госп[одский] дв[ор] Воробин. 29 апреля. 0 час. 40 мин.

Сводка сведений о противнике на Западном и Юго-Западном фронтах...

Западный фронт.

На фронте Василевичи – Малый Куписк 26 апреля в районе дер[евни] Шалудеки к нашим окопам явился немец с белым флагом и передал офицеру пакет с прокламациями. На опросе плен-

¹ Соллогуб Николай Владимирович (1883–1937) – старший адъютант отделения генерал-квартирмейстера штаба Особой армии (с 4 января 1917 г.). И. д. генерал-квартирмейстера штаба 11-й армии. Состоял в распоряжении Начальника штаба Западного фронта. И. д. помощника генерал-квартирмейстера штаба Западного фронта (с 7 декабря 1917 г. до демобилизации). Полковник (производство: 15 августа 1917 г.). В начале 1918 г. добровольно вступил в РККА.

ный сознался, что ему было приказано дать ложные показания о расположении противника. Насколько удалось выяснить, пленный принадлежит к ландштурмному батальону Кенигсберг, который около 10 апреля был придан 226[-й] дивизии...

Нр. 3401-Р. [Н.В.] Соллогуб.

РГВИА. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 387–388.

11-я армия

№ 79

Из разведывательной сводки штаба 11-й армии

(4 марта 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, Генкварм 7 и Особой, Наштакор 6, 17, 32, 5 Сиб[ирского] [армейских] и 7 Конного, Начдив 4 Финляндской и 1 Забайкальской казачьей...

Вчера в районе Смольно / у Броды / убит австрией 6[-го] л[анд]шт[урменного] полка 106[-й] л[анд]шт[урменной] див[изии], пытавшийся бросить у наших заграждений прокламации...

Кременец. 4 марта. 13 час[ов] 30 мин[ут]. Н[оме]р. 3165. Вр[еменно] И[сполняющий] д[олжность] Генкварм 11 подполковник [В.К.] Токаревский¹.

РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 168–172.

№ 80

Из разведывательной сводки штаба 11-й армии

(6 марта 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, Генкварм 7 и Особой, Наштакор 6, 17, 32, 5 Сиб[ирского] [армейских] и 7 Конного, Начдив 4 Финляндской и 1 Забайкальской казачьей

Разведывательная сводка к 14 часам 6 марта.

Противник пассивен. В различных местах фронта армии сняты плакаты противника о петроградских событиях

¹ Токаревский Вячеслав Константинович (1882–1927) – старший адъютант отделения генерал-квартирмейстера штаба 11-й армии (назначен между 3 января и 8 февраля 1917 г.). И. д. генерал-квартирмейстера штаба 11-й армии. Полковник (производство: 15 августа 1917 г.). Делопроизводитель ГУГШ (с 12 декабря 1917 г.). В 1918 г. добровольно вступил в РККА.

Кременец. 6 марта. 13 час 30 мин. Нр. 6216.. Вр. И. д. генкварм 11 подполковник [В.К.] Токаревский.

РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 173–174.

№ 81

Из разведывательной сводки штаба 11-й армии

(22 марта 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, Генкварм 7 и Особой, Наштакор 6, 17, 32, 5 Сиб[ирского] [армейских] и 7 Конного, Начдив 4 Финляндской и 1 Забайкальской казачьей

Разведывательная сводка к 14 часам 22 марта...

Против северной части Гржималувка в окопах противника в течение дня слышался шум, пение, а с 10 до 12 часов был выставлен белый флаг...

Кременец. 22 марта. 13 час. 30 мин. Нр. 4028. [Г.Г.] Гиссер¹.

РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 219–220.

№ 82

Из разведывательной сводки штаба 11-й армии

(23 марта 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, Генкварм 7 и Особой, Наштакор 6, 17, 32, 5 Сиб[ирского] [армейских] и 7 Конного, Начдив 4 Финляндской и 1 Забайкальской казачьей

Разведывательная сводка к 14 часам 23 марта...

Вчера около 12 часов австрийцы в районе с. Ставки пытались партиями выходить из окопов, но обстрелянные нашим огнем, скрывались обратно в окопы... Против Звыжина около 12 часов была замечена в окопах противника группа людей 10–12 человек, одетых в форму, несколько напоминающую форму наших гражданских инженеров, причем люди эти внимательно рассматривали наши окопы, и после того как один из них был убит огнем стрелков, послышались крики: «Русс, зачем убиваешь инженеров?»...

Кременец. 23 марта. 13 час. 30 мин. Нр. 4069. [Г.Г.] Гиссер.

¹ Гиссер Георгий Георгиевич (1872 –?) – генерал-квартирмейстер штаба 11-й армии (с 1 ноября 1916 г.). Состоял в распоряжении начальника Генерального штаба (с 25 февраля 1917 г.). 2-й обер-квартирмейстер ГУГШ (с 22 июня 1917 г.). Экстраординарный профессор Николаевской военной академии (с 15 сентября 1917 г.). Служил в РККА. В 1918 г. временно замещал должность военного агента в Швеции. В эмиграции с 1918 г.

РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 221–222.

№ 83

Из разведывательной сводки штаба 11-й армии

(27 марта 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, Генкварм 7 и Особой, Наштакор 6, 17, 32, 5 Сиб[ирского] [армейских] и 7 Конного, Начдив 4 Финляндской и 1 Забайкальской казачьей

Разведывательная сводка к 14 час[ам] 27 марта... В районе Баткув замечены одиночные австрийцы, выходящие из окопов...

Кременец. 27 марта. 13 час 30 мин. Нр. 4283. Гиссер.

РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 229–230.

№ 84

Из разведывательной сводки штаба 11-й армии

(29 марта 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, Генкварм 7 и Особой, Наштакор 6, 17, 32, 5 Сиб[ирского] [армейских] и 7 Конного, Начдив 4 Финляндской и 1 Забайкальской казачьей

Разведывательная сводка к 14 час 29 марта... Против Ляховской переправы замечен неприятельский солдат в каске, выходящий из окопов за нашими прокламациями. В этом же районе заметно усилился артиллерийский и ружейный огонь... это позволяет предположить замену австрийских частей германскими...

Кременец. 29 марта. 13 час 30 мин. Нр. 4418. За генкварм 11 подполковник [В.К.] Токаревский.

РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 235–236.

№ 85

Из разведывательной сводки штаба 11-й армии

(31 марта 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, Генкварм 7 и Особой, Наштакор 6, 17, 32, 5 Сиб[ирского] [армейских] и 7 Конного, Начдив 4 Финляндской и 1 Забайкальской казачьей

Разведывательная сводка к 14 час 31 марта...

Принятые в районе Ярославлице два перебежчика 273[-го] герм[анского] полка... на опросе [в] штакор показали: ...С 29 на

30 марта 32[-й] л[ан]дв[ерный] герм[анский] полк должен был, будто, сменить 1-й и 3-й батальоны 273[-го] полка, стоявшие у Ярославлице. Батальоны эти должны будут идти к Злота Гура для участия [в] предполагаемой на днях атаке этой горы, при этом людям, будто, объяснили, что посылают их туда в виде наказания за отказ стрелять по русским, ходившим последние дни распутицы по верху окопов, ибо русские также не стреляли по их людям...

Выводы: 1 / Показания перебежчиков 273[-го] герм[анского] полка подтверждают..., что на Злота Гура стоит 1 бат[альон] 273[-го] полка. Сведения эти, однако, нуждаются [в] проверке...

Кременец. 31 марта. 13 час 30 мин. Нр. 4511. [Г.Г.] Гиссер.
РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 240–242.

№ 86

Из разведывательной сводки штаба 11-й армии

(4 апреля 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, Генкварм 7 и Особой, Наштакор 6, 17, 32, 5 Сиб[ирского] [армейских] и 7 Конного, Начдив 4 Финляндской и 1 Забайкальской казачьей

Разведывательная сводка к 14 час 4 апреля... Опрошенные [в] штарм перебежчики германцы 273[-го] рез[ервного] полка, принятые 30 марта в районе Ярославлице, показали... 29 марта прибыл и стал в ближайшем тылу батальон 32-го л[ан]дв[ерного] герм[анского] полка, который должен был 30 марта сменить в районе Ярославлице части 273[-го] рез[ервного] герм[анского] полка. 28 марта объявили солдатам 273[-го] рез[ервного] герм[анского] полка, что полк будет переброшен в другой район, а именно, в район Злота Гура, за отказ стрелять по русским солдатам, ходившим в последнее время вследствие распутицы по верху окопов...

Кременец. 4 апреля. 13 час 30 мин. ... [Г.Г.] Гиссер.
РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 258–262.

№ 87

Из разведывательной сводки штаба 11-й армии

(5 апреля 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, Генкварм 7 и Особой, Наштакор 6, 17, 32, 5 Сиб[ирского] [армейских] и 7 Конного, Начдив 4 Финляндской и 1 Забайкальской казачьей

Разведывательная сводка к 14 час 5 апреля... Агентурно опрошенный [в] штакор пленный кадет 83[-го] имп[ерского] полка, захваченный севернее Баткува, показал...

По дивизии (33-ей австрийской дивизии. – С. К.) было несколько приказов, чтобы по русским не стрелять, а всеми средствами войти с ними в дружеские отношения, чтобы таким образом быть всегда ориентированными, что делается у нас...

Кременец. 5 апреля. 13 час 30 мин. Нр. 4799. [Г.Г.] Гиссер.
РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 268–272.

№ 88

Из разведывательной сводки штаба 11-й армии

(6 апреля 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, Генкварм 7 и Особой, Наштакор 6, 17, 32, 5 Сиб[ирского] [армейских] и 7 Конного, Начдив 4 Финляндской и 1 Забайкальской казачьей

Разведывательная сводка к 14 час 6 апреля... Опрошенный [в] штакор пленный мадьяр 86[-го] полка, взятый в плен 4 апреля у Могила...

Офицеры говорили солдатам, что довольно уже проливать кровь, и мир должен быть заключен. Наступать не собираются, идут лишь большие приготовления в смысле подготовки людей к отражению нашей атаки...

Кременец. 6 апреля. 13 час 30 мин. Нр. 4851. [Г.Г.] Гиссер.
РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 273–275.

№ 89

Из разведывательной сводки штаба 11-й армии

(7 апреля 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, Генкварм 7 и Особой, Наштакор 5, 6, 17, 32, 5 Сиб[ирского] [армейских] и 7 Конного, 1 и 2 Гвардейского. Начдив 1 Забайкальской казачьей и 2 и 4 Финляндских. Военная.

Разведывательная сводка к 14 час 7 апреля...

В районе выс[оты] 312, что севернее Яснувского леса, в окопах противника был слышен шум и спор, здесь же неприятель обстреливал нас тяжелыми снарядами, по прекращению стрельбы

прекратился и шум, и из окопов австрийцы кричали, что их пришли сменять немцы...

Выводы... 4/ Крики австрийцев севернее Яснувского леса отвечают имеющимся ранее признакам появления в этом районе германцев. Кременец. 7 апреля. 13 час 30 мин. Нр. 4894. [Г.Г.] Гиссер.

РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 276–279.

№ 90

Из разведывательной сводки штаба 11-й армии

(9 апреля 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, Генкварм 7 и Особой, Наштакор 1 и 2 гвард[ейского], 5, 6, 17, 32, 5 Сиб[ирского] [армейских] и 7 Конного, Начдив 2 и 4 Финляндской и 1 Забайкальской казачьей

Разведывательная сводка к 14 час 9 апреля

Принятый против отметки 418, что южнее Хукалиовце, солдат 273[-го] рез[ервного] герм[анского] полка... / германец пришел в наши окопы за хлебом, взамен которого принес водку/... Все утомлены войной и очень хотят мира...

Кременец. 9 апреля. 13 час 30 мин. Нр. 5001. [Г.Г.] Гиссер.

РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 284–287.

№ 91

Из разведывательной сводки штаба 11-й армии

(17 апреля 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, Генкварм 7 и Особой, Наштакор 1 и 2 гвард[ейского], 5, 6, 17, 32, 5 Сиб[ирского] [армейских] и 7 Конного, Начдив 2 и 4 Финляндской и 1 Забайкальской казачьей

Разведывательная сводка к 14 час 17 апреля...

Солдаты 401[-го] пех[отного] Карачаевского полка (101-я пехотная дивизия, 32-й армейский корпус. – С. К.), побывшие на Пасху в расположении противника и вернувшиеся в полк, на опросе [в] штакор показали: видели в районе ж[елезной] д[ороги] Броды – Львов германцев с цифрами на погонах 12 и 16 и красными кантами у прореза позади мундира и на фуражках, но без красных околышей; в Барчине женщина сказала им, что германцы две недели назад сменили австрийцев, которые ушли на Итальянский фронт.

Другой солдат, перешедший в расположение противника у Холотувка /южная окраина Ляходува/ показал: видел в окопах противника германцев с цифрами на погонах 55 и цифрами не то 107, не то 127 или 137 /спрашиваемый не помнит средней цифры 2 или 3 / большинство солдат с цифрами 55...

Кременец. 17 апреля. 13 час 30 мин. Нр. 5475. [Г.Г.] Гиссер.
РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 308–312.

№ 92

Из разведывательной сводки штаба 11-й армии

(18 апреля 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, Генкварм 7 и Особой, Наштакор 1 и 2 гвард[ейского], 5, 6, 17, 32, 5 Сиб[ирского] [армейских] и 7 Конного, Начдив 2 и 4 Финляндской и 1 Забайкальской казачьей

Разведывательная сводка к 14 час 18 апреля... Принятый в районе Ставки бежавший из плена мл[адший] ун[тер-офицер] 106[-го пехотного] Уфимского полка на опросе [в] штакор показал... После Русской революции в Австрии все обрадовались и надеются, что война скоро закончится. Полагают, что если через два месяца Россия не заключит мира, то русские солдаты сами перестанут воевать...

Кременец. 18 апреля. 13 час 30 мин. Нр. 5547. [Г.Г.] Гиссер.
РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 317–319.

№ 93

Из разведывательной сводки штаба 11-й армии

(26 апреля 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, Генкварм 7 и Особой, Наштакор 5, 6, 17, 32, 5 Сиб[ирского] [армейских] и 7 Кон[ного] 1 и 2 гвард[ейского], Начдив 2 и 4 Финляндской и 1 Забайкальской казачьей

Разведывательная сводка к 14 час 26 апреля... На фронте армии перестрелка. В районе Шельвов [в] жизни противника, видимо, произошла перемена, выражающаяся в том, что за последнее время противник перестал выходить из окопов, часто открывает огонь по нашим солдатам и усиленно работает по укреплению своей позиции. Всё это дает основание думать, что здесь произошла смена частей противника...

Кременец. 26 апреля. 13 час 30 мин. Нр. 6002. [Г.Г.] Гиссер.
РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 336–338.

№ 94

Из разведывательной сводки штаба 11-й армии

(29 апреля 1917 г.)

Генкварверх, Генкварюз, Генкварм 7 и Особой, Наштакор 1 и 2 гвард[ейского], 5, 6, 17, 32, 5 Сиб[ирского] [армейских] и 7 Конного, Начдив 2 и 4 Финляндской и 1 Заб[ай]к[а]л[ьской] казач[ьей]. Воен[ная].

Разведывательная сводка к 14 час 29 апреля...

Захваченный 25 апреля на участке против д. Августовки пленный чех / 75[-го] имп[ерского] полка 19[-й] австр[ийской] див[изии] на опросе [в] штакор показал... Командир роты приказал им, чтобы они возможно чаще сходились с русскими солдатами и узнавали бы расположение русских частей в этом районе... Кормят плохо, настроение солдат скверное, все ждут мира. Пленный предполагает, что в Австрии скоро вспыхнет революция из-за страшного голода внутри страны, где сейчас будто бы идут большие беспорядки.

Кременец. 29 апреля. 13 час 30 мин Нр 6120. За генкварм 11 Генерального штаба подполковник [В.К.] Токаревский.

РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 344–346.

ОБЗОРЫ

УДК 303.446.4; 94(47).05

DOI: 10.31249/hist/2023.02.05

ГУСЬКОВ А.Г.* , КИСЕЛЕВ М.А.** , ТИХОНОВ В.В.*** ПЕТРОВСКАЯ ЭПОХА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА QUAESTIO ROSSICA (2013–2019)

Аннотация. В обзоре представлены посвященные проблемам петровской эпохи публикации в журнале Quaestio Rossica, вышедшие в 2013–2019 гг. Анализ проводился по тематическим блокам с учетом актуальной историографической ситуации. Делается вывод о том, что в журнале представлен релевантный срез современной российской и зарубежной историографии петровского периода.

Ключевые слова: Петровская эпоха; Петровские реформы; государственное управление при Петре I; дипломатия при Петре I; культура Петровской эпохи; журнал Quaestio Rossica.

GUSKOV A.G., KISELEV M.A., TIKHONOV V.V. Peter the Great epoch on the pages of the journal “Quaestio Rossica” (2013–2019)

Abstract. The review presents publications devoted to the problems of the Petrine era in the journal “Quaestio Rossica”, published in 2013–2019. The analysis was carried out by thematic blocks, taking

* © Гуськов Андрей Геннадьевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН; e-mail: guskov-andrei@mail.ru

** © Киселев Михаил Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории эдиционной археографии УрФУ; e-mail: m.a.kiselev@urfu.ru

*** © Тихонов Виталий Витальевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН; e-mail: tihonovvitaliy@list.ru

into account the current historiographical situation. It is concluded that the journal presents a relevant cross-section of modern Russian and foreign historiography of the Peter the Great period.

Keywords: The Petrine epoch; Petrine reforms; state administration under Peter the Great; diplomacy under Peter the Great; culture of the Petrine epoch; Quaestio Rossica magazine.

Для цитирования: Гуськов А.Г., Киселев М.А., Тихонов В.В. Петровская эпоха на страницах журнала Quaestio Rossica (2013–2019) (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 2. – С. 134–157. DOI: 10.31249/hist/2023.02.05

Эпоха Петра I и сама личность правителя традиционно являются объектом споров. За прошедшие три столетия, пожалуй, ни об одном российском монархе не писали столь много и столь «ожесточенно». Историки и публицисты, политики и деятели культуры сломали не один десяток копий, пытаясь выяснить, насколько радикальными оказались Петровские преобразования, оценить масштабы и последствия проведенных изменений, потери и приобретения (на макро- и микроуровнях и во всех сферах жизни). Динамичное и насыщенное переходное время до сих пор привлекает внимание исследователей, позволяя ставить сложные, но перспективные исследовательские проблемы. Следует отметить, что редакция Quaestio Rossica¹ (QR) уделяет петровскому времени особое внимание. Объяснение этому следует искать в традициях «уральской» исторической науки, всегда большое внимание уделявшей петровскому времени, когда Уральский регион начал играть одну из ключевых ролей в развитии России и превратился в один из локомотивов ее индустриального развития.

Континуитет империи, основанной Петром I, с Московским царством, породившим самого Петра, а также предпосылки Петровских реформ стоят в ряду тех «вечных» историографических проблем, которые в современной историографии, как правило,

¹ Quaestio Rossica – рецензируемый научный журнал, посвященный изучению истории, филологии и культуры России. Учредитель – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ), Екатеринбург.

увязываются с обсуждением процесса перехода России к эпохе модерна. И уже в самом первом номере QR, вышедшем в 2013 г., в рамках тематического блока с говорящим названием «Многоликий XVII век: путь России к современности» была опубликована работа Штефана Трёбста (Университет Лейпцига) «Судьбоносный 1667 год? К дебатам о “прорыве в Новое время” Московского централизованного государства», представляющая собой перевод с немецкого сокращенного варианта уже издававшейся в 1995 г. статьи.

Признавая, что любая периодизация или выделение переломных точек истории довольно условны, Ш. Трёбст предлагает обратить внимание на 1667 г., когда, согласно мнению автора, целая череда переплетающихся событий стали показателем перехода русского общества на качественно новый уровень. Опираясь как на наблюдения историков начиная с С.М. Соловьева, так и собственные изыскания, историк пришел к следующему выводу: «На вопрос, является ли 1667 г. переломным, эпохальным или даже “прорывом в Новое время”, положительно ответили историки от Соловьева до Барона, при этом отдавая предпочтение одному или нескольким аргументам политического, общественного, культурного, экономического и прочего характера». Более того, сам Ш. Трёбст утверждает, что «количество уровней в государстве и обществе, подвергшихся трансформационным процессам, было бóльшим, чем это предполагали названные авторы; кроме того, все эти процессы были в той или иной мере взаимосвязанными» [24, с. 67].

Что примечательно, несмотря на наличие доводов «политического, общественного, культурного, экономического» характера, по Ш. Трёбсту, прорыв в Новое время фактически равен европеизации элиты: «С проникновением в узкий круг представителей власти западноевропейского образа мышления и с его утверждением процесс европеизации стал необратимым, а дух западничества неискоренимым» [24, с. 68]. А что же за пределами элит? Трёбст прямо формулирует проблему: «Насколько глубоким было проникновение европейского влияния и европеизация России. В социально-правовом контексте Восточная Европа, в отличие от “старой Европы”, в которой развитие шло в сторону расширения прав и свобод личности, развивалась в диаметрально противопо-

ложном направлении». Сам историк полагает, что уже к 1667 г. «за все еще “нецивилизованным” фасадом России скрывалось в основном цивилизованное начало» [24, с. 68]. Иной вопрос, можно ли считать именно развивавшееся в XVII–XVIII вв. вширь и вглубь крепостное право фасадом, а не европеизацию элит?

Перевод работы Ш. Трёбста, как и ранее ее немецкая публикация 1995 г., не получила хоть сколько-нибудь значимого отклика в виде ее обсуждения российскими историками. Впрочем, о том, что она действительно затронула немаловажную проблему, свидетельствовала опубликованная в 2018 г. в QR статья Ольги Кошелевой (Институт всеобщей истории РАН, Москва) о новых аспектах современной российской историографии в изучении предпетровского времени или, лучше сказать, о новых аспектах поисков новизны XVII в. в их взаимосвязи с Петровскими реформами. Историк утверждает, что «в течение XVII в. существенных изменений в сфере производства и потребления не произошло», равно как и не было «радикальных перемен политического устройства по сравнению с XVI в.». В то же время «“новизна” XVII в., которую историкам не удалось обнаружить ни в экономике, ни в государственном устройстве, видна и не вооруженным историческими окулярами глазом во всех областях культуры» [11, с. 273–274]. Соответственно, О. Кошелева сосредоточивает внимание на изучении культуры – в широком понимании – Московского царства XVII в. и в итоге констатирует, что «новшества, происходившие в культуре и мировоззрении в XVII в., если смотреть на них с точки зрения Петровских реформ, оцениваются в историографии очень по-разному. Одни видят *прямую преемственность* между новшествами XVII в. и Петровскими реформами... Другие подчеркивают, что модернизация страны уже началась до Петра и могла бы идти в мягких формах, а Петр выбрал жесткий путь реформ, принесший много страданий и жертв. Третьи признают, что культурные новшества и социальные реформы были начаты до Петра, но они вылились в тупиковый вариант. Четвертые видят разразившийся в конце XVII в. системный кризис, который и вызвал столь острую необходимость радикальных реформ» [11, с. 280–281]. Не поддерживая ни концепции системного кризиса конца XVII в., ни идеи тупиковости допетровских реформ, историк полагает, что и «парадигма, выраженная в метафоре преемственности, “быстрого движения по ста-

рому пути”, к настоящему моменту» также полностью исчерпала свои возможности. В то же время сама О. Кошелева не выдвигает альтернативной концепции, хотя и предлагает в качестве выхода из сложившейся ситуации разрушить существующий среди российских историков хронологический барьер между XVII и XVIII в., из-за которого, «как из-за высокого забора, плохо видно, что происходило на другой его стороне». По ее мнению, «следует рассматривать вторую половину XVII в. и первую четверть XVIII в. комплексно, и такие работы – залог новых исследовательских находок» [11, с. 283–284].

Действительно, и на страницах QR можно встретить работы не только отечественных исследователей, свидетельствующие о существовании хронологического барьера между XVII и XVIII вв. Так, бельгийский историк Вим Куденис (Католический университет, Лёвен), рассуждая о роли переводчиков в развитии исторического знания в России XVIII в., полагает, что до Петра I Россия еще не открыла «свое прошлое, практически полностью опираясь на переводы и переложения зарубежных сочинений по своей истории» [25, р. 235–260]. В этом отношении более взвешенными выглядят рассуждения по этому же вопросу Д. Редина, опубликованные в QR в 2013 г. в статье из упомянутого тематического блока «Многоликий XVII век: Путь России к современности». Историк прямо заявляет: «Нельзя отрицать, что в средневековой Руси не осознавалась роль истории как “учителя жизни”. Само наличие мощной летописной традиции, агиографических текстов с их отсылками к священной и древней истории, беллетристики вроде “Александрии”, публицистических сочинений свидетельствует об обратном». Иное дело, что такие тексты об истории «не были достоянием широкого круга, не носили пропагандистского характера, оставаясь литературой элитарной». Это было связано с тем, что их воспитательный «потенциал раскрывался через церковно-религиозную систему ценностей, в малой степени подразумевавшую рациональную силу логического убеждения». При Петре I произошло переосмысление восприятия истории правящей элитой, которое «обретает... ярко выраженный утилитарный оттенок»: историческое повествование оказывается частью официальной пропаганды, направленной на воспитание подданных в новом духе петровского государства [19, с. 45–46].

В этом отношении не менее примечательна другая статья Д. Редина, опубликованная в QR в 2016 г., где историк прямо признает успехи московской приказно-воеводской системы управления XVII в. и довольно скептически оценивает достижения создаваемых после 1715 г. Петром I на основе камералистских принципов органов местного управления. Согласно наблюдениям Д. Редина, неспособность новых учреждений решать управленческие задачи привела к концу правления Петра I к формированию сети экстраординарных учреждений, сколь способных решать краткосрочные задачи, столь и вносящих хаос в местное управление. Как результат уже после смерти Петра I его «преемники очень быстро, легко и без особых сожалений ликвидировали нелепое нагромождение ординарных и экстраординарных структур областного управления, выстроив новую, гораздо более простую управленческую систему, вполне гармонично соединившую в себе приказно-воеводские традиции и коллежские новации» [20, с. 211]. Если на уровне представлений о государственном управлении Петр I шел осознанно на разрыв с московской традицией, руководствуясь европейскими образцами и идеями, то на практике такой разрыв едва ли был достижим. Итак, благодаря Петровским реформам в сфере местного управления произошла не радикальная европеизация, а, скорее, синтез ряда европейских идей, усвоенных, прежде всего, на элитарном уровне, с московскими практиками.

О том, что некоторые из культурных новшеств, внедрение которых связывают с именем Петра I, стали распространяться еще до его активного вмешательства, свидетельствуют работы Евгения Акельева (НИУ Высшая школа экономики, Москва). Исследуя бородобритие петровского времени как культурный и политический феномен, историк пришел к выводу, что мода на бородобритие в городской среде распространилась уже в конце XVII в. Таким образом, даже такую скандальную и, казалось бы, демонстративно порывающую с традицией акцию, как обрезание бород, нельзя приписывать только Петру I. Такая практика существовала и ранее. В свою очередь, сам факт наличия тренда на «облагораживание» облика позволяет сделать вывод, что правящая элита, а также часть городских жителей Московского царства второй половины XVII в. воспринимали себя в контексте европейской культуры [1, с. 90–98]. В другой статье Акельев тщательно реконструирует по

имеющимся свидетельствам историю появления указа о бритье бород. Он приходит к выводу, что его введение было задумано Петром еще во время Великого посольства, но сам указ появился только в 1705 г. По утверждению автора, вопреки сложившемуся в историографии стереотипу, интенсификация процесса происходит не в 1698–1699 гг. после возвращения из «турне» по Европе, а лишь в 1705 г. Мода на брадобритие получила довольно широкое распространение в городской среде еще до появления указа и носила вполне добровольный характер [2, с. 1107–1130].

Специальное внимание моде как индикатору политических и культурных трансформаций уделяет и Николай Петрухинцев (РАНХиГС при Президенте РФ, Липецкий филиал). Анализируя внешний вид Петра, он пришел к выводу, что говорить о раннем влиянии на него Франца Лефорта и Патрика Гордона (которые в XIX в. традиционно считались главными проводниками «европеизации» Петра) не приходится. Только после династического кризиса 1689 г. началось их сближение, а Петр все больше увлекался европейской модой [17, с. 198–218]. В связи с этим стоит также упомянуть публикацию Андреем Захаровым (Челябинский государственный университет / Уральский федеральный университет) новых документов одного из близких сподвижников Петра I И.А. Мусина-Пушкина, в которой развенчивается миф о том, что Мусин-Пушкин был якобы незаконнорожденным сыном царя Алексея Михайловича [9, с. 1277–1296].

Существенный вклад в петровскую проблематику журнала привнес 300-летний юбилей второго путешествия Петра I за границу (1716–1717), все предшествующее время остававшийся в историографии «в тени» первой поездки царя. В связи с памятной датой в России и за рубежом прошел целый ряд торжественных мероприятий (культурного и научного характера), кульминационной точкой которых в некотором роде стала Международная конференция «Второе большое путешествие Петра Великого в Европу (1716–1717)», состоявшаяся в Париже 19–21 июня 2017 г. Доклады, сообщения и дискуссионные проблемы, прозвучавшие на мероприятии и вызвавшие интерес у ее участников, составили основу целых трех тематических номеров журнала QR (№ 2 в 2017 г. и № 1 и 3 в 2018 г.).

И хотя каждый из выпусков посвящен особой проблематике, связанной с юбилейным событием, изучение всего комплекса материалов позволило выделить более предметную систематизацию статей. Во-первых, достаточно четко определяются два ключевых направления исследований, связанные с отдельными областями исторического знания – дипломатией и культурой. Во-вторых, часть статей написана на стыке обеих тем, что позволяет выделить их в отдельный раздел. В-третьих, особую группу образует тема «иностранцы в России», пересекающаяся с проблемой взаимовлияния и взаимовосприятия культур.

Условную «дипломатическую» серию открывает статья Анны Мезэн (Национальный архив Франции), посвященная одной из первых попыток установления регулярных дипломатических отношений между Россией и Францией [33, с. 315–328]. Несмотря на отдельные контакты, происходившие со времен Ивана Грозного и даже ранее, прямые официальные межгосударственные связи так и не были налажены. В начале XVIII в. интересы ряда французских купцов и отдельных представителей властных структур Версаля выразились в нескольких проектах по организации российско-французской торговли, в том числе в создании привилегированной торговой компании. Автор одного из проектов, Анри Лави, вскоре становится первым официальным представителем французского короля в Санкт-Петербурге. На основе новых архивных материалов Мезэн анализирует обстоятельства назначения французского агента (из купцов и судовладельцев г. Бордо), еще в 1710 г. сотрудничавшего с российскими дипломатами в Венеции. Прибыв в новую российскую столицу в 1714 г. в статусе простого военноморского агента, Анри Лави лишь 22 ноября 1717 г. получает полномочия официального французского консула. Последнее стало возможным благодаря условиям Амстердамского договора 1717 г. [35, с. 683]. Несмотря на его участие в организации визита царя во Францию и желание обеих сторон заключить соглашение о двусторонней торговле (декларируемое, по крайней мере, в дипломатических документах), все попытки посланника довести дело до конца оказались тщетными. Первый такой договор был подписан лишь в конце XVIII в. Исследовательская часть статьи дополняется публикацией двух писем 1715 г. (Национальный архив Франции) из переписки Анри Лави с госсекретарем по морским делам

графом де Поншартреном. В связи с этим следует отметить, что в 2015 г. на страницах QR была опубликована статья Франсин-Доминик Лиштенан (Университет Париж-Сорбонна, Национальный центр научных исследований), посвященная истории Анри Лави, служившего уполномоченным по морским делам и консулом Франции в Санкт-Петербурге в 1710–1720-х годах [31, с. 59–70], и работа Мезэн вполне органично дополняет это исследование.

Работа Изабель Натан (Архивы МИДа Франции / Дипломатические архивы) включает анализ обстоятельств подписания и основных положений Амстердамского договора 1717 г., ставшего важным дипломатическим итогом второго путешествия Петра I в Европу [35, с. 675–684]. Сложные переговоры (длившиеся с перерывами девять месяцев) и желание каждой из сторон сохранить церемониальное и юридическое равенство между странами вызвали заключение тройственного союза (между Францией, Россией и Пруссией) в формате двухсторонних соглашений. Прежняя иерархия государств и монархов, кодифицированная в XVI в., уступает место равенству суверенитета стран, окончательно сформированному в виде Венской системы 1815 г. Условия соглашений открывали замечательные возможности развития контактов между странами, интенсификации коммерческих связей, расширения посреднической деятельности в ходе продолжавшейся Северной войны. Однако дальнейшие шаги остались в сфере благих пожеланий. Тем не менее, несмотря на незначительность реальной практической составляющей договора, он символизировал вхождение России в «европейский концерт»; ее встраивание в систему, созданную Утрехтским (1713) и Раштаттским (1714) соглашениями, завершившими противостояние в Войне за испанское наследство.

Две публикации, подготовленные Стивеном Мюллером (Йенский университет имени Ф. Шиллера) и Ф.-Д. Лиштенан, представляют своеобразный взгляд «со стороны» (от лица представителей третьих стран) на пребывание Петра I в Париже. В первой освещаются наблюдения полномочного представителя австрийского императорского двора в столице Франции Йозефа фон Кёнигсегга, основанные на его сообщениях в Вену [34, с. 356–366]; во второй – деятельность апостольского нунция Корнелио Бентивольо по организации переговоров с русским царем, прослеживаемая по его переписке с папским престолом [32, с. 658–674]. Оба

дипломата преследовали собственные интересы при королевском дворе и поэтому по-разному расставляли акценты в описании визита царя, его целей и особенностей приема в Париже. Любопытно сопоставление личных донесений Кёнигсегга, акцентировавшего свое внимание почти исключительно на геополитических и военных событиях, и материалов прилагаемого доклада шведского консула во Франции римскому императору, охватывающего более широкий круг вопросов (культурных, экономических и др.). Преследуемые представителем Стокгольма цели были обусловлены попыткой с помощью Вены расстроить возможный союз Версаля и Санкт-Петербурга. Факты взаимодействия дипломатов разных стран свидетельствуют о существовании своеобразных дипломатических сетей обмена информацией, позволявших строить разнообразные, порой очень неожиданные, коммуникационные схемы. В свою очередь, ограничения, накладываемые церемониальными особенностями общения с некаатолическими правителями (представлявшимися как «еретики» и «схизматики»), не позволили папскому легату на встрече с Петром I осуществить реальные действия по началу переговоров о снятии ограничений на исповедование католичества в России (особенно в его униатской версии).

Материал, написанный Лоренцом Эрреном (Майнцский университет им. И. Гутенберга), содержит анализ сообщений прусского посланника в Копенгагене барона Фридриха Эрнста фон Кньюнгаузена, касавшихся причин отказа от десантной операции в шведскую провинцию Сконе в сентябре 1716 г. [26, с. 503–517]. Изменение планов Петра I оказалось связано с невозможностью адекватного прогнозирования исхода операции (из-за отсутствия полных сведений о противнике, непредсказуемости погоды и т.п.). Кроме того, опасения вызывали союзные морские державы – Дания и Великобритания, способные пойти ради собственных интересов на любой шаг. Прусский посланник и его сюзерен, король Фридрих Вильгельм I, соглашались с аргументацией царя и П.П. Шафирова, видевших причины провала операции в противодействии ганноверских дипломатов, опасавшихся чрезмерного усиления Российского государства. Иррациональная ненависть к русским, охватившая широкие слои датского двора, сделала невозможным дальнейшие совместные военные действия.

В статье Индравати Фелиситэ (Университет Париж Дидро) в рамках анализа сложных геополитических вопросов взаимодействия участников Северной войны в Северогерманском регионе показана противоречивая реакция властей и жителей мелких немецких княжеств на русского царя и его окружение [27, с. 643–657]. Автор обратила внимание на то, что, с одной стороны, Российское государство имело давние контакты с местными территориями (например, в рамках торговых отношений Великого Новгорода и Ганзы или личных связей через жителей Немецкой слободы и пр.), периодически прерывавшиеся в разные периоды истории. С другой стороны, сила и агрессивность «восточных варваров» вызывали у местного населения опасения потери собственного суверенитета. Сложный клубок восприятия действий Петра I и как союзнических (через династические связи с местными правителями), и как агрессивных (размещение русских войск в Померании) переплетался с воздействием прежних полюсов силы – Швеции, Пруссии, Польши и Дании, часть лидеров которых имела определенные виды на использование русской армии в Северной Германии. Определенную роль играл и культурный менталитет жителей территорий, через которые проезжал царский поезд, и церемониал встреч и представлений в честь высокого гостя, и своеобразное «погружение» в традиционную среду на пышных свадебных церемониях (в апреле 1716 г. в Данциге в присутствии царя состоялось бракосочетание племянницы Петра I Екатерины Ивановны и Мекленбург-Шверинского князя Карла Леопольда).

Взгляд иностранного наблюдателя на жизнь новой российской столицы в 1716–1717 гг. нашел отражение в работе Франциски Шедеви (Йенский университет) [37, с. 696–710]. Полномочный представитель венского двора Отто фон Плейер в своих депешах подробно описал состояние властных структур Санкт-Петербурга, положение в армии и на флоте (базирувавшемся в его окрестностях) в условиях определенного вакуума власти (в отсутствие монарха), создававшего атмосферу хаоса и дисбаланса. Автор статьи соглашается с имперским дипломатом, что отъезд из страны царя со многими высшими сановниками явился «проявлением безответственности». Некачественная работа системы поставок продовольствия в строящийся город, плачевное состояние обеспечения всем необходимым рядового состава вооруженных сил вызывали глухое

недовольство, подпитываемое массовыми болезнями и высокой смертностью. Недостаток же адекватной информации о происшедшем с Петром I за рубежом порождал самые причудливые слухи как у простого населения, так и в чиновничьей среде (положение осложнялась бегством царевича Алексея). Напомним, что аналогичная ситуация во время первого путешествия (1697–1698) частично спровоцировала выступление стрельцов. Не меньшее значение имеют материалы из донесений австрийского агента, связанные с фактами жизни представителей зарубежной культурной среды, прибывших в Россию по приглашению царя.

Обобщенную оценку вклада посещения Петром I Парижа в историю развития церемониала встреч на высшем уровне мы можем увидеть в статье Тьерри Сармана (Университет Париж-1, Пантеон-Сорбонна) [36, с. 685–695]. Выстроив контекст визитов коронованных особ на протяжении почти пяти веков (с конца XIV до конца XIX в.), автор приходит к выводу о появлении в связи с приездом царя нового протокольного ритуала, совмещавшего в себе как официальные, так и приватные элементы. В дальнейшем прием в Париже глав суверенных государств организовывался по аналогичной схеме, включая осмотр определенных достопримечательностей и посещение знаковых мест (в том числе Монетного двора, выпускавшего медаль в честь высокопоставленного визитера). Автор также отмечает, что власти Франции, независимо от своего желания, де-факто оказывали российскому монарху почести высшего уровня, выражавшиеся как в церемониальных действиях (например, назначение гвардейцев в сопровождение), так и в употреблении соответствующей титулатуры («царское / *Caesarea* величество»).

В работе Сергея Мезина (Саратовский государственный университет), относящейся к «культурологической» группе исследований, представлен культурный образ столицы Франции того времени, оказавшей значительное влияние на русского монарха [13, с. 329–353]. Поездка была в значительной мере обусловлена предварительным знакомством Петра с рядом «путеводителей» по стране. Анализ источников позволил не только выстроить довольно точные маршруты царя во время осмотра им многочисленных достопримечательностей (площади, здания, музеи, библиотеки, Лувр) и обозначить приоритеты его интересов («царь внимательно

читал латинские надписи на пьедесталах всех статуй и делал зарисовки»), но и создать образ места (динамичного и разнообразного города с массой старинных зданий), аутентичный личным впечатлениям высокого гостя. Реконструкцию удалось осуществить благодаря ряду альбомов с архитектурными видами Парижа и описаниям журналиста Пьера Франсуа Бюше (публиковавшего заметки в периодической печати и выпустившего затем отдельную книгу о Петре I). Обозначен ряд новаций царя в области культуры и градостроительства, истоки которых связаны с воспоминаниями о поездке на берега Сены. В целом следует согласиться с мнением автора о том, что «визит Петра I в Париж в апреле – июне 1717 г. положил мощное начало русско-французскому культурному диалогу» [13, с. 330].

Совместное исследование Армель Ле Гофф (Национальный архив Франции) и Ольги Окуновой (Институт всеобщей истории РАН) раскрывает подробности посещения Петром I Королевского ботанического сада в Париже в 1717 г. [29, с. 518–534]. В ходе общения с работавшим здесь медиком Жозефом-Гишаром Дюверне (членом Парижской академии наук) в значительной мере удалось реализовать интерес царя к изучению анатомии и медицины (помимо непосредственного увлечения ботаникой, которая и привела его в сад). Результатом стал договор об изготовлении нескольких анатомических моделей, заключённый при посредничестве Р.К. Арескина, служившего личным врачом царя. Одновременно Арескин занимался вопросами, связанными с приобретением знаменитой коллекции Фредерика Рюйша и его рецепта консервирования биологических объектов. Новые архивные документы показывают трансформацию первоначальных идей царя о его сотрудничестве с Дюверне, что привело в итоге к появлению точных цветных восковых копий головного мозга и черепа. Выяснение обстоятельств изготовления данных моделей позволяет по-новому взглянуть на процесс формирования коллекций знаменитой петровской Кунсткамеры.

Как известно, значительное влияние на преобразования в сфере просвещения оказало взаимодействие Петра с несколькими видными немецкими и французскими учеными, активизация которого пришлась на путешествие 1716–1717 гг. Встречи с философом Готфридом Вильгельмом Лейбницем и географом Гийомом

Делилем (и другими исследователями в Сорбонне), а особенно тот импульс, который они придали развитию образования и науки в России, получили освещение в статье Кристины Кюнтцель-Витт (Гамбургский университет) [28, с. 63–78]. Особое внимание уделено интересу данного содружества мыслителей и монарха к изысканиям в области географии (эволюционировавшей в сторону академической науки), в частности проведению систематического картографирования Сибири и Дальнего Востока и решению одной из его ключевых проблем – подтверждения существования пролива между Азией и Америкой.

Более широкий тематический охват (и дипломатия, и культура) представлен в третьей группе статей, некоторые из них при этом парадоксальным образом посвящены достаточно «узким» вопросам описания путешествий различных лиц в 1716–1718 гг., так или иначе связанных со вторым Grand Tour Петра I. Все они написаны с использованием источников, впервые вводимых в научный оборот.

Материал Алексея Морохина (Нижегородский государственный университет) посвящен поездке супруги Петра I Екатерины Алексеевны по землям на севере Германии в конце 1716 – начале 1717 г. [14, с. 367–384]. На основе опубликованной переписки и новых архивных материалов (РГАДА) раскрываются подробности пребывания царицы (частично вместе с мужем) в мекленбургских и ганноверских землях. Сравнение с последовавшим после Шверина раздельным путешествием супругов (Петр, проводя различные дипломатические переговоры, передвигался более интенсивно) показывает явные проблемы с нормальным обеспечением проезда кортежа Екатерины. Постоянные затруднения с покупкой лошадей и конфликты с местным населением (избиение кучера), усугубляемые распутицей, замедляли его передвижение, что в совокупности вызвало сильное недовольство царя. Недомогание беременной Екатерины задержало ее в г. Везель, где 2 января 1717 г. произошло рождение царевича Павла, умершего вечером того же дня. Итогом всех событий стало резкое охлаждение отношений с Ганновером (и, соответственно, с Англией, королем которой с 1714 г. являлся ганноверский курфюрст Георг I), являвшимся в тот момент союзником России по антишведской коалиции.

Следующие две публикации объединяет личность одного из ближайших сподвижников Петра I – барона П.П. Шафирова, в определенные годы являвшегося доверенным лицом царя на дипломатическом поприще. В первой, подготовленной Д. Рединым (Уральский федеральный университет) и Д. Серовым (Новосибирский государственный университет экономики и управления) [21, с. 471–502], представлены письма подканцлера (титул, полученный Шафировым в июле 1709 г.) «полудержавному властелину» А.Д. Меншикову. Предшествующий источнику вводный раздел знакомит читателя с обстоятельствами жизни автора писем и его взаимоотношений с адресатом. Сын холопа, Петр Павлович Шафиров сделал головокружительную карьеру, пройдя путь от простого переводчика до подканцлера (что в общих чертах повторяло судьбу Меншикова, хотя и не столь успешно). В самих депешах подробно описаны обстоятельства переговоров царя в Копенгагене и Амстердаме, нюансы взаимоотношений между союзниками по антишведской коалиции, неудачи и победы на дипломатическом фронте. Важнейшей составляющей донесений являются сведения о поездке царицы Екатерины Алексеевны, невольно дополняющие статью А.В. Морохина, речь о которой шла выше. Не менее интересны подробности о болезни самого монарха, случившейся с ним в Амстердаме в январе – феврале 1717 г., которая переросла в сильную лихорадку с «превеликим жаром» и едва не привела его на смертное ложе. Ближайшее окружение Петра в тот момент находилось на грани паники, сознавая плачевность своей судьбы в случае трагической кончины суверена. В целом весь комплекс эпистолярный позволяет оценить тонкости «патрон-клиентских» связей ярких представителей «гнезда Петра».

Изучение деятельности Шафирова во время пребывания в Европе в 1716–1717 гг. продолжила Татьяна Базарова (Санкт-Петербургский институт истории РАН) [6, с. 46–62]. На значительно расширенной источниковой базе (добавлены делопроизводственные материалы и переписка с другими лицами) приводятся подробности организации многочисленных покупок (как на нужды царской фамилии, так и для других целей), найма специалистов (в том числе нескольких тысяч матросов и морских офицеров), заключения международных договоров. В тесном контакте с другими сопровождающими (Г.И. Головкин, П.А. Толстой, Б.И. Ку-

ракин) подканцлер (ошибочно называемый вице-канцлером) сыграл важнейшую роль в подготовке текстов и подписании Мекленбургского (1716) и Амстердамского (1717) трактатов, осуществлении бракосочетания племянницы царя с мекленбургским герцогом, составлении дипломатических документов для английского, австрийского и французского правителей. Он принимал личное участие во встречах с датским и прусским королями. В заключение приводятся интересные факты по расследованию в 1720–1723 гг. случаев злоупотребления Шафировым служебным положением и растрат казенных денег во время путешествия.

Александр Лавров (Университет Париж-Сорбонна) вводит в научный оборот новый источник – записки кеврольского подьячего Никиты Телицына, перевозившего с группой сослуживцев жалованье (собранное в Архангелогородской губернии) в русскую армию в Северной Германии [12, с. 139–150]. И хотя информация о записках подьячих была опубликована еще в 1913 г., в историографии они оставались *terra incognita*. Документ представляет собой один из первых частных отечественных травелогов (служебные описания поездок не редки уже в XVII в.), содержащий путевые впечатления по маршруту Архангельск – Вологда – Москва – Новгород – Санкт-Петербург – Нарва – Рига – Курляндия – Речь Посполитая. По мнению автора исследования, «по своей нарративной манере подьячие были скорее архаистами, нежели новаторами», обращая внимание в любом городе прежде всего на православные святыни (храмы, иконы, мощи); однако имеющаяся «двойственность, эта сложная задача описания “своего” и “чужого” и делает текст таким интересным» [12, с. 140–141]. Несмотря на то что каждый населенный пункт описывался по единой схеме, перед нами предстают два мира: первый – патриархальные старомосковские города, второй – нельская столица, порты и центры балтийского побережья; Московское царство и Петербургская империя.

Последняя группа статей, объединенная темой «иностранцы в России», акцентирует внимание на проблематике «человеческих измерений» процесса реформ. Обобщающее исследование Владислава Ржеуцкого (Германский исторический ин-т, Москва) и Дмитрия Гузевича (Центр исследований России, Кавказа и Восточной Европы Высшей школы социальных исследований, Па-

риж) охватывает масштабную проблему целенаправленного приглашения иностранных специалистов в Российское государство [22, с. 79–98]. Как полагают авторы, лишь в эпоху Петра I процесс приобретает систематический масштабный характер, связанный с созданием правовой базы контрактной системы и развитием профессиональной терпимости. На примере выходцев из франкоязычных стран показаны усилия царского правительства по созданию максимально комфортных условий для переезда специалистов как военно-технической сферы (офицеры, мореплаватели, кораблестроители, оружейники), так и культурной среды (архитекторы, живописцы, садовники). Материал опубликован в рамках глобального проекта по выявлению всех франкоговорящих приезжих, оказавшихся в России в годы правления царя-реформатора, который был завершен в 2019 г. выпуском фундаментального специализированного словаря¹.

Продолжение «французского» направления представлено в статьях Екатерины Андреевой [3, с. 114–129] и Роксаны Ребровой (обе – Государственный Эрмитаж) [18, с. 130–138], рассмотревших на конкретном материале становление французской культурной (и ремесленной) среды в Санкт-Петербурге. Анализируется вся цепочка действий по «перемещению» в Россию специалистов самого широкого профиля – архитекторов, художников, механиков, мастеров шпалерного дела и пр. – от поиска «искусных людей» и предварительных переговоров до размещения их на съемных квартирах, позже замененных на собственные жилища, и работы на конкретных объектах. Особое внимание уделяется деятельности архитектора Жана-Батиста Леблона, сыгравшего значительную роль в формировании градостроительного образа «Петровского парадиза» и окружавших его дворцов (Петергоф, Стрельна). Не подлежит сомнению вклад французского зодчего в становление российской архитектурной школы (проекты системы профильного образования и типовых «образцовых домов»).

Артур Мустафин (Казанский федеральный университет / НИУ «Высшая школа экономики», Москва) вновь обратился к

¹ Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого : биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727 / под ред. В.С. Ржеуцкого и Д.Ю. Гузевича, при уч. А. Мезен. – Москва, 2019. – 800 с.

изучению вклада проектов барона А.Х.П. фон Любераса в подготовку и осуществление коллегиальной реформы [16, с. 99–113]. Нанятый на службу в Россию летом 1717 г., он активно включился в работу по составлению проектов «регламентов» и «учреждений» для российских коллегий. Развивая наблюдения своих предшественников (Э.Н. Берендтс, П.Н. Милоков, Н.И. Павленко), Муштафин приходит к выводу, что «идеи [Любераса] повлияли не столько на составление регламентов петровских коллегий, сколько на учреждение в России системы коллежского делопроизводства» [16, с. 100].

Несколько особняком от общей тематики находится концептуальное двуязычное эссе мэтра французской историографии Эммануэля Ле Руа Ладюри (почетный профессор Коллеж де Франс), посвященное эпохе Регентства (1715–1723), во время которого Петр и посетил Париж [30, с. 29–45]. Согласно размышлениям автора, регент Филипп Орлеанский за несколько лет своего правления сумел настолько безболезненно вывести страну из глубокого кризиса, что его действия должны заслуживать самой высокой оценки («своего рода шедевр»). Балансируя между различными группировками элит, он добился определенного консенсуса, сыграв в либерализм на начальном этапе и без труда отказавшись от него позднее. В отличие от прежнего режима (Людовика XIV), без жалости уничтожавшего любого оппонента, правительство периода Регентства характеризуется умением сосуществовать со своими противниками (протестантами, аристократами, парламентариями и т.д.). При необходимости давление если и происходит, то в облегченной форме, трансформируясь в формат «нарочитого невнимания» (*benign neglect*). Проведенный анализ позволяет Ле Руа Ладюри сформулировать понятие консервативного перехода как фазы контролируемой адаптации, выража при передаче власти, растянутой во времени.

В целом предпринятую попытку представления материалов, которые бы позволили создать единое полотно событий 1716–1717 гг., ликвидировав существующий пробел в исторической науке, можно признать удачным. В то же время следует отметить, что столь внушительный блок статей написан в русле довольно традиционной событийной политической истории и истории культурных контактов, связанных со светскими элитами.

В этом отношении весьма примечательно, что на страницах QR практически отсутствуют публикации по социальной и экономической истории Петровской эпохи. В качестве определенного исключения можно привести статью Елены Главацкой (Уральский федеральный университет) и Гуннара Торвальдсена (Университет Тромсё / Уральский федеральный университет), посвященной истории шведских военнопленных, попавших в Сибирь в годы Северной войны, где авторы реконструируют их численность, размещение, условия жизни, включая и брачные отношения пленных [8, с. 215–240].

Кроме того, на первый взгляд, исключением является и статья А. Мустафина, где рассматривается вопрос о влиянии введения подушной подати на налоговое бремя [15, с. 1214–1228]. Отметив, что оценки историков в вопросе прироста налогового бремени колеблются от 16 (Е.В. Анисимов) до 260% (П.Н. Милюков), А. Мустафин на основе анализа собранных Комиссией о подати (1727–1730) под руководством князя Д.М. Голицына данных о прямых налогах за 1721–1723 гг. и за 1724, 1726–1727 гг., пришел к выводу, что в результате введения подушной подати налоговое бремя возросло на 70%, а с учетом изменения хлебных цен оно увеличилось на 94–116%. Однако такого рода подсчеты ставят вопрос о том, данные какого года следует брать для сравнения. Например, еще в 1977 г. И.А. Булыгин, обобщив внушительный массив архивной документации о монастырском крестьянстве первой четверти XVIII в. и учтя в том числе и натуральные сборы в пользу государства, которые в начале 1710-х годов могли достигать до 2 руб. 50 коп. со двора, пришел к такому выводу: «Общая сумма налогов в первом десятилетии XVIII в. составляла приблизительно 2 руб. – 2 руб. 50 коп. со двора. Но с 1710 г. она резко возрастает, достигая 5 руб. 50 коп. – 6 руб. 30 коп., а в последние годы первой четверти XVIII в. понижается до 4 руб. с двора» [7, с. 158]. Соответственно, может получиться, что если сравнивать налоги 1724 г. с 1721 г., то будет выходить существенный рост налогового бремени из-за введения подушной, а если с 1719 г., – то нет. Итак, методика выбора реперных точек для сравнения роста / уменьшения налогового бремени явно нуждается в совершенствовании.

Отдельный вопрос – это проверка достоверности и точности агрегированных данных. Мустафин, привлекая для расчета нало-

гового бремени только материалы голицынской комиссии, задался важным вопросом: «Есть ли основания полагать, что Д.М. Голицын преследовал какие-либо интересы, подготавливая проект реформирования податной системы?» [15, с. 1223]. К сожалению, автор на этот вопрос не дал внятного ответа. В то же время имеющиеся данные позволяют выдвинуть следующее предположение: интерес был в снижении налогов с помещичьих крестьян. Одним из результатов работы комиссии Д.М. Голицына стало предложение по снижению подушной с владельческих крестьян при сохранении прямых налогов с государственных крестьян [5, с. 285–286]. По замыслу Петра I, «крепостной крестьянин обязан был вносить в казну налог в 74 коп. с души м. п., величину же помещичьего оброка правительство посчитало в 40 коп. с души» [23, с. 212]. Соответственно, в случае уменьшения ставки подушной подати сэкономленное на выплатах налогов государству пошло бы в карман владельцев крестьян, одним из которых был и будущий лидер противников самодержавия – «верховников» Д.М. Голицын, и его аристократическая родня. Итак, у комиссии были все резоны, чтобы пойти по пути завышения роста налогового бремени из-за введения подушной подати. Отдельно стоит упомянуть, что Мустафин не учел замечаний Е.В. Анисимова о неполноте материалов комиссии Д.М. Голицына о налогах и повинностях, взимаемых до введения подушной: «В ведомостях, присланных в Комиссию, указаны не все денежные платежи и не включены также поборы и повинности, которые не учитывались в денежном исчислении» [4, с. 351]. И это довольно принципиальный момент, вспоминая наблюдение Ю.А. Тихонова касательно помещичьих крестьян, для которых «очень большая доля тягла приходилась на затраты на разного рода трудовые мобилизации» [23, с. 212]. Впрочем, следует отметить, что сам Мустафин признает, что «дискуссия о налоговом бремени 1720-х годов не завершена, что связано с неполнотой данных» [15, с. 1224]. Согласившись с этим, укажем, что для решения проблемы о росте или уменьшении податного бремени необходимо агрегированные правительством данные подвергать критической проверке с привлечением дополнительных источников, включая и «низовые» данные о налоговых сборах и повинностях. Соответственно, из статьи А. Мустафина читатель, скорее, может узнать о подсчетах послепетровской элитой роста налогово-

го бремени из-за подушной подати, нежели о том, как обстояло дело в реальности.

Таким образом, представленная на страницах QR история петровского времени, хотя до определенной степени и является релевантным срезом современной российской петровской историографии, всё же в значительной степени посвящена светской элите и ее контактам с западной культурой. В этом отношении можно говорить о продолжении тренда 1990-х годов, когда, например, А.Б. Каменский оценивал реформы Петра I как модернизацию, которая представляла собой европеизацию «политических, социальных и экономических институтов страны». При этом Каменский указывал, что петровские преобразования фактически не затронули основ крепостного права и, как результат, петровская модернизация оказалась элитарной европеизацией [10, с. 129–133]. Похоже, такого рода оценки в целом не вызывают существенных возражений. В связи с этим показательно, что в содержательном плане в QR явно на периферии оказалась социальная история, особенно в части непривилегированных слоев – крестьянства и городских низов, связанная с ней история социальных движений, а также экономическая история, включая историю петровской индустрии. Можно предположить, что здесь проявляется другой историографический тренд, основанный на противопоставлении советской тематике в изучении петровского времени с ее особыми акцентами на социально-экономическую историю и историю классовой борьбы. В итоге рассмотрение петровского времени на страницах *Quaestio Rossica* – это, прежде всего, история европеизации правящей элиты России, успехи которой и оказываются отправной точкой для рассуждений о (не)переходе к модерну.

Список литературы

1. Акельев Е. Из истории введения брандобрития и «немецкого» костюма в петровской России // *Quaestio Rossica*. – 2013. – Т. 1, № 1. – С. 90–98.
2. Акельев А. Когда Петр I приказал брить бороды // *Quaestio Rossica*. – 2017. – Т. 5, № 4. – С. 1107–1130. – DOI: 10.15826/qr. 2017.4.270
3. Андреева Е. Второе европейское путешествие Петра I и приезд французских мастеров в Петербург // *Quaestio Rossica*. – 2018. – Т. 6, № 1. – С. 114–129. – DOI: 10.15826/qr. 2018.1.285

4. Анисимов Е.В. Материалы Комиссии Д.М. Голицына о подати (1727–1730 гг.) // Исторические записки / АН СССР ; глав. ред. А.М. Самсонов. – Москва, 1973. – [Т.] 91. – 352 с.
5. Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I: введение подушной подати в России, 1719–1728 гг. / под ред. Н.Е. Носова. – Ленинград : Наука, Ленингр. отделение, 1982. – 296 с.
6. Базарова Т. Путешествие вице-канцлера П.П. Шафирова в Западную Европу (1716–1717) // Quaestio Rossica. – 2018. – Т. 6, № 1. – С. 46–62. – DOI: 10.15826/qr.2018.1.281
7. Булыгин И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. : дис. ... доктора ист. наук : 07.00.02. – Москва : [б. и.], 1977. – 523 с.
8. Главацкая Е., Торвальдсен Г. Сибирский Вавилон: шведские узники в начале XVIII в. // Quaestio Rossica. – 2015. – № 4. – С. 215–240. – DOI: 10.15826/QR.2015.4.134
9. Захаров А. Боярин и граф Иван Алексеевич Мусин-Пушкин: *Записная тетрадь* и новые документы // Quaestio Rossica. – 2019. – Т. 7, № 4. – С. 1277–1296. – DOI: 10.15826/qr.2019.4.438
10. Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке : традиции и модернизация. – Москва : Новое лит. обозрение, 1999. – 326 с.
11. Кошелева О. Современная отечественная историография России предпетровского времени : новые аспекты // Quaestio Rossica. – 2018. – Т. 6, № 1. – С. 273–274, 269–289. – DOI: 10.15826/qr.2018.1.295
12. Лавров А. Между империей и царством : путешествие подьячих из Архангелогородской губернии на театр Северной войны в 1716–1718 гг. // Quaestio Rossica. – 2018. – Т. 6, № 1. – С. 139–150. – DOI: 10.15826/qr.2018.1.287
13. Мезин С. Париж Петра Великого // Quaestio Rossica. – 2017. – Т. 5, № 2. – С. 329–353. – DOI: 10.15826/qr.2017.2.226
14. Морохин А. «И такой злой дороги не видали»: путешествие царицы Екатерины Алексеевны по Германии в конце 1716 г. // Quaestio Rossica. – 2017. – Т. 5, № 2. – С. 367–384. – DOI: 10.15826/qr.2017.2.228
15. Мустафин А. Аберрация налогового бремени Петровской эпохи в исторических исследованиях // Quaestio Rossica. – 2019. – Т. 7, № 4. – С. 1214–1228. – DOI: 10.15826/qr.2019.4.434
16. Мустафин А. Роль барона А.Х. Любераса в коллегиальной реформе Петра I : новые документы // Quaestio Rossica. – 2018. – Т. 6, № 1. – С. 99–113. – DOI: 10.15826/qr.2018.1.284
17. Петрухинцев Н. Раннее европейское влияние на Петра I: Патрик Гордон и Франц Лефорт в конце XVII в. // Quaestio Rossica. – 2017. – Т. 5, № 1. – С. 198–218. – DOI: 10.15826/qr.2017.1.219
18. Реброва Р. Дворец Федора Апраксина и «образцовый дом» Ж.-Б. Леблона: деятельность французского архитектора в Петербурге по новым источникам // Quaestio Rossica. – 2018. – Т. 6, № 1. – С. 130–138. – DOI: 10.15826/qr.2018.1.286

19. Редин Д. Переходные эпохи, власть и дидактика исторического знания : культурно-семиотическое прочтение // *Quaestio Rossica*. – 2013. – Т. 1, № 1. – С. 45–46, 43–51. – DOI: 10.15826/qr. 2013.1.005
20. Редин Д. Эффективность местного управления в Петровскую эпоху: парадоксы централизации // *Quaestio Rossica*. – 2016. – Т. 4, № 3. – С. 211, 190–2015. – DOI: 10.15826/qr. 2016.3.183
21. Редин Д., Серов Д. Второе путешествие Петра Первого в Европу в письмах барона П.П. Шафирова князю А.Д. Меншикову (1716–1717) // *Quaestio Rossica*. – 2017. – Т. 5, № 2. – С. 471–502. – DOI: 10.15826/qr. 2017.2.229
22. Ржеуцкий В., Гузевич Д. Вербовка иностранных специалистов – выходцев из Франции и франкоязычной Швейцарии в эпоху Петра I // *Quaestio Rossica*. – 2018. – Т. 6, № 1. – С. 79–98. – DOI: 10.15826/qr. 2018.1.283
23. Тихонов Ю.А. Феодалная рента в помещичьих имениях Центральной России в конце XVII – первой четверти XVIII в. (владельческие повинности и государственные налоги) // *Россия в период реформ Петра I / отв. ред. Н.И. Павленко*. – Москва : Наука, 1973. – С. 199–214.
24. Трёбст Ш. Судьбоносный 1667 год? К дебатам о «прорыве в Новое время» Московского централизованного государства // *Quaestio Rossica*. – 2013. – № 1. – С. 67, 54–72.
25. Coudenys W. Translators and the Emergence of Historiography in Eighteenth-Century Russia // *Quaestio Rossica*. – 2016. – Vol. 4, N 1. – P. 235–260. – DOI: 10.15826/QR. 2016.1.152
26. Erren L. «Widrige Winde»: der Abbruch der Schonischen Expedition aus der Sicht des Preußischen Gesandten, des Freiherrn Friedrich Ernst von Cnyphausen // *Quaestio Rossica*. – 2017. – Т. 5, N 2. – S. 503–517. – DOI: 10.15826/qr. 2017.2.230
27. Félicité I. Entre Mars et Vénus: Pierre le Grand dans les villes et du duchés du nord de l'Allemagne (1716) // *Quaestio Rossica*. – 2018. – Т. 6, N 3. – P. 643–657. – DOI: 10.15826/qr. 2018.3.318
28. Kuentzel-Witt K. Peter the Great's Intermezzo with G.W. Leibniz and G. Delisle: the Development of Geographical Knowledge in Russia // *Quaestio Rossica*. – 2018. – Т. 6, N 1. – P. 63–78. – DOI: 10.15826/qr. 2018.1.282
29. Le Goff A., Okuneva O. L'acquisition en France d'une cire anatomique pour Pierre le Grand: autour d'un traité et de ses suites // *Quaestio Rossica*. – 2017. – Т. 5, N 2. – P. 518–534. – DOI: 10.15826/qr. 2017.2.231
30. Le Roy Ladurie E. Réflexions sur la Régence (1715–1723) // *Quaestio Rossica*. – 2018. – Т. 6, N 1. – P. 29–45. – DOI: 10.15826/qr. 2018.1.280
31. Liechtenhan F.-D. Henry La Vie, Spion, Konsul und Verehrer Peters Des Grossen // *Quaestio Rossica*. – 2015. – N 1. – S. 59–70
32. Liechtenhan F.-D. Le tsar et le nonce apostolique, ou De la difficulté d'organiser une rencontre entre un catholique et un orthodoxe // *Quaestio Rossica*. – 2018. – Т. 6, N 3. – P. 658–674. – DOI: 10.15826/qr. 2018.3.319
33. Mézin A. Les préliminaires du voyage de Pierre le Grand en France // *Quaestio Rossica*. – 2017. – Т. 5, N 2. – P. 315–328. – DOI: 10.15826/qr. 2017.2.225

34. Müller S. Der aufenthalt Peters I in Paris 1717 aus sicht des wiener hofes // Quaestio Rossica. – 2017. – T. 5, N 2. – S. 356–366. – DOI: 10.15826/qr. 2017.2.227
35. Nathan I. Le traité d'Amsterdam (1717), d'après les Archives diplomatiques françaises // Quaestio Rossica. – 2018. – T. 6, N 3. – P. 675–684. – DOI: 10.15826/qr. 2018.3.320
36. Sarmant T. Le voyage de 1717 dans la longue durée de l'histoire de France // Quaestio Rossica. – 2018. – T. 6, N 3. – P. 685–695. – DOI: 10.15826/qr. 2018.3.321
37. Schedewie F. The Tsar's Capital without the Tsar According to Reports from St Petersburg to the Imperial Court of Vienna, 1716–1717 // Quaestio Rossica. – 2018. – T. 6, N 3. – P. 696–710. – DOI: 10.15826/qr. 2018.3.322

УДК 303.446.4; 94(47).083.4

DOI: 10.31249/hist/2023.02.06

ВОРОБЬЕВА Э.А. * СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В РУССКО-ЯПОНСКУЮ ВОЙНУ: К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА

Аннотация. В обзоре рассматривается историография Русско-японской войны 1904–1905 гг. применительно к Сибири и Дальнему Востоку (Сибирь и Дальний Восток как тыл войны). Дается анализ существующих подходов в освещении Русско-японской войны, основных тем и проблем, которые поднимают исследователи. Дается оценка степени изученности темы.

Ключевые слова: Русско-японская война 1904–1905 гг.; Сибирь, Дальний Восток в Русско-японской войне 1904–1905 гг.; историография Русско-японской войны 1904–1905 гг.

VOROBYEVA E.A. Siberia and the Far East in the Russo-japanese war: towards a historiography of the question

Abstract. This review is focused on the historiography of the Russo-Japanese War of 1904–1905 as applied to Siberia and the Far East (Siberia and the Far East as the rear areas of the war). An analysis of existing approaches to the coverage of Russo-Japanese war, the main topics and problems raised by researchers is given. An assessment of the degree of research into the subject is given.

Keywords: Russian-Japanese War of 1904–1905; Siberia and Far East in the Russian-Japanese War of 1904–1905; historiography of the Russian-Japanese War of 1904–1905.

* © Воробьева Эвелина Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии НГТУ, Новосибирск, e-mail: tinva@yandex.ru

***Сибирь и Дальний Восток в Русско-японскую войну:
к историографии вопроса***

Для цитирования: Воробьева Э.А. Сибирь и Дальний Восток в Русско-японскую войну: к историографии вопроса. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5 : История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 2. – С. 158–170. DOI: 10.31249/hist/2023.02.06

Русско-японская война 1904–1905 гг. с самого начала привлекла к себе внимание исследователей. Историография войны насчитывает тысячи работ, и охватывает период с 1904 г. по настоящее время. Однако из всех возможных аспектов войны больше всего изучены военный и политический. Внешнеполитическая ситуация кануна конфликта, борьба различных группировок вокруг вопроса о проникновении России в Корею и Китай, состояние русской армии и флота перед и в период войны, ход боевых действий, причины наших неудач – вот круг тем, которые чаще всего поднимают исследователи.

В настоящем обзоре будет рассмотрена историография другого аспекта Русско-японской войны 1904–1905 гг., а именно положение Сибири и Дальнего Востока как тыла войны, вклад сибиряков и дальневосточников (и добровольный, и вынужденный) в Русско-японскую войну, проблемы, вызванные войной в регионе и попытки их решения и т.д. Также будет рассмотрено освещение таких вопросов как влияние Русско-японской войны на общество, вызванные войной социальные трансформации, в том числе изменение общественного мнения, окончательное оформление противостояния между обществом и элитой и т.п.

Для начала остановимся на дореволюционных работах. Сразу после войны была издана серия работ, посвященных подробно изучению войны, в том числе труды Николаевской академии Генштаба и труды специальной Военно-исторической комиссии [15; 31; 32; 33; 34]. Хотя в этих работах основной упор был сделан на исследование «боевых» аспектов Русско-японской войны (подготовка, ход и результаты сражений), однако попутно затрагивались и некоторые «дополнительные» вопросы, в том числе особенности мобилизации войск, действия сибирских формирований на фронте и в тылу, вопросы помощи раненым и т.д. (особенно подробно эти вопросы освещены в многотомной «Истории Русско-японской войны» под редакцией М.Е. Бархатова и В.В. Функе [15]). Эти вопросы, а также влияние войны на общественное со-

знание России, освещались и в дореволюционной мемуарной литературе, в том числе в воспоминаниях Главнокомандующего Маньчжурской армией А.Н. Куропаткина, а также военных советников Э. Теттау, Я. Гамильтона и других [7; 21; 22; 22а; 42; 43]. Куропаткин, в частности, отмечал стойкость сибирских формирований на фронтах Русско-японской войны и их высокие боевые качества.

Из дореволюционных исследований весьма интересна работа К.И. Дружинина [12]. В основу ее лег доклад, прочитанный автором 27 ноября 1909 г. на заседании отдела военной психологии; данные для исследования были взяты из специальной анкеты, разосланной после окончания Русско-японской войны ее участникам отделом военной психологии Общества ревнителей военных знаний. Дружинин анализировал, какие факты способствуют подъему боевого духа армии в ходе военных действий, а какие наоборот, и что из этого было задействовано в ходе Русско-японской войны. В своей работе он отметил, что для подъема и сохранения боевого духа в ходе войны делалось крайне мало, а сама популярность войны в обществе неуклонно понижалась, причиной чему послужили как действия самой власти и командования (неверная стратегия ведения войны, недостаточное идеологическое обеспечение и пр.), так и позиция общества (было неблагодарным, не ценило жертв армии, глумилось над ней).

В советский период произошло переосмысление Русско-японской войны в духе господствующей идеологической доктрины. Для большинства работ был характерен крайне схематичный подход в описании конфликта: сначала показывался ее империалистический характер, затем (кратко) ход боевых действий, далее отмечалось нарастание революционного движения и деятельность большевиков, и, наконец, поражение в войне как закономерный итог кризиса царизма. Исключение из этого ряда составили работы А.И. Сорокина, содержащие большой фактический материал, и исследование Б.А. Романова, посвященное дипломатической истории войны [28; 39; 40]. Романовым была введена в научный оборот масса ценных первоисточников, подробно анализировалась не только собственно дипломатическая борьба вокруг войны, но и ее причины, ход, политические итоги. В числе прочего затрагивалась тема отношения к войне общества, поданная, правда, в традицион-

ном для советской историографии ключе (автор критиковал позицию правящих кругов и либералов; отстаивал вывод, что единственно верную позицию по отношению к войне занимала партия большевиков). Из работ обобщающего характера советского периода можно также выделить исследование сотрудников Института военной истории МО СССР под редакцией И.И. Ростунова, которая содержала ценный фактический материал [16].

Наибольший интерес представляет постсоветская историография. Помимо изменения многих старых оценок и расширения предмета исследования, для нее было характерно обращение к тем аспектам войны, которые ранее были не изучены или изучены очень слабо. Появились альтернативные точки зрения на саму сущность Русско-японской войны. Так, А.И. Уткин в своем исследовании рассмотрел ее с точки зрения «тихоокеанской миссии» [44]. По его мнению, на рубеже XIX и XX вв. перед Россией встал вопрос определения ее роли в Азии, но сил на то, чтобы создавать (и отстаивать) здесь свой центр геополитического влияния у нее не было. Кроме того, власть не сумела объяснить народу, ради чего идет война, что с самого начала вызвало «разброд и шатание» как в обществе, так и в генералитете. В целом поражение России в войне привело к тому, что сама идея русского господства в Азии была похоронена.

Другой исследователь, Ю.А. Шушкевич, рассмотрел Русско-японскую войну с позиции «акматического идеала» (продвижение России на Восток с целью обретения новых земель для «вольной и сытой жизни») [55]. С его точки зрения, в начале войны наблюдалось совпадение интересов бюрократии с народной мечтой, попытка России завоевать Маньчжурию отвечала ее реальным интересам. Однако в дальнейшем акматический идеал был «подорван» (осуществлявшаяся в Маньчжурии модель не соответствовала «идеальным» народным представлениям; стратегия Куропаткина не учитывала настроение и дух армии и пр.). Для успешного продолжения войны, по мнению автора, требовалось объявить Маньчжурию территорией Российской империи, сделать ее в глазах народа «своей». Однако это сделано не было, а со сдачей Порт-Артура акматический идеал окончательно рухнул, и война потеряла всякий смысл.

О.Р. Айрапетов в своей работе, посвященной политике, стратегии и тактике России в Русско-японской войне, рассматривает ее в более традиционном ключе [1]. По его мнению, к войне привели отсутствие единой внешней политики и переоценка возможностей страны. К поражениям в ней привел целый комплекс причин, начиная от традиционно освещаемых (техническая отсталость России, недостатки командования и т.д.) и заканчивая «идеологическими» (негативное отношение общества к армии, незнание дальневосточных реалий, рост критических настроений в ходе войны, общее искаженное понимание патриотизма, когда в поражениях русской армии стали видеть некое проявление социальной справедливости и т.д.).

В современной историографии войны большое внимание стало уделяться ее психологическим и социологическим аспектам. В частности, в исследовании В.В. Серебрянникова [37] анализируется воздействие войн на общество, его отношение к войнам на разных этапах развития, особенности России («держава-воин»). Очень интересны работы Е.С. Сенявской [35; 36], посвященные воздействию войн на общественное сознание, поиску причин позитивного или негативного отношения к войне, роли идеологии и пропаганды, формированию образа врага и т.д. Сенявская анализирует факторы, способствовавшие формированию «образа врага» в России накануне Русско-японской войны и эволюцию этого образа в ходе самой войны, а также мероприятия, связанные с ее идеологическим обоснованием (и почему они провалились). По мнению автора, еще до войны сложился стереотип восприятия японцев как «азиатов», язычников, варваров, «дикарей»; этот образ широко транслировался в обществе и поддерживался вплоть до генералитета и самого Николая II. В ходе войны образ врага претерпел существенную трансформацию, Японию и японцев стали уважать, а новым врагом русского общества стали не японцы, а самодержавие [35, с. 27–35; 36, с. 35–36, 46–47, 280–305].

Эволюции общественного сознания в годы Русско-японской войны, формам и методам официальной пропаганды (и почему она имела весьма ограниченный эффект), информационной войне, которую вели противоборствующие стороны, формированию и изменению «образа врага», моральному состоянию русской армии в годы войны и т.п. посвящены также работы Ю.И. Докучаевой,

Ю.В. Куперта, А.Я. Касюка, А.В. Луценко, Т.В. Чибиковой, С.С. Шерстнева и других [11; 17; 20; 48; 50]. Авторы приходят к выводу, что русская армия в ходе войны потерпела поражение не только на полях сражений, но и в информационном противоборстве с Японией. Морально-психологическая подготовка войск велась неудовлетворительно, пропаганда была слабой и примитивной, личный героизм не мог компенсировать недостатки командования. Деморализующее воздействие на армию оказало и негативное отношение к войне русского общества. С взглядом на войну с противоположной стороны можно ознакомиться, обратившись к работам японских авторов [14; 25; 27; 49].

Среди работ, посвященных теме воздействия войны на общественное сознание, можно выделить диссертационное исследование Е.А. Гладкой [8]. Автор рассматривает отношение к Русско-японской войне в контексте «оборонного сознания», свойственного в целом русскому обществу. Уникальность ее, по мнению Е.А. Гладкой, состоит в том, что впервые отношение к войне изменилось непосредственно в процессе (с популярной на непопулярную), при этом «образ врага» с Японии и японцев был перенесен на российское самодержавие. В числе причин, вызвавших изменение отношения к войне, автор рассматривает неудачное пропагандистское воздействие на общество со стороны правящих кругов.

В постсоветской историографии наконец-то произошло и обращение к теме «Сибирь и Дальний Восток в годы Русско-японской войны». Этот регион крайне важен для понимания сущности этой войны. Из Сибири и Дальнего Востока началась мобилизация запасных нижних чинов (и приобрела здесь весьма значительные масштабы, составив 230–240 тыс. человек). Сибирь и Дальний Восток приняли огромное количество раненых воинов, что, в свою очередь, привело к ущемлению интересов основного населения. Во многом за счет населения Сибири и Дальнего Востока осуществлялось снабжение русской армии продовольствием (в том числе интендантские закупки), что вызвало жесточайший продовольственный кризис в регионе, а местами и голод.

Фактически Сибирь и Дальний Восток стали непосредственным тылом Маньчжурской армии. Это в годы войны прекрасно осознавалось местным обществом, выражалось на страницах региональной периодики и в высказываниях людей. «Сибирь воюет, а

Россия лишь помогает деньгами» – вот квинтэссенция оценки вклада сибиряков в Русско-японскую войну (под Сибирью здесь понимался весь регион, включая Приамурское генерал-губернаторство, т.е. нынешний Дальний Восток). «Тяжела настоящая война, а для Сибири сугубо» – писал редактор «Восточного Обозрения» И.И. Попов.

При этом, будучи частью Российской империи, Сибирь и Дальний Восток оказывались в русле тех же идейных течений, что и вся остальная страна. В наиболее явном виде это проявлялось в региональной периодике, которая содержала в себе огромное количество заимствований из центральной прессы. В целом на примере Сибири и Дальнего Востока можно рассмотреть как основные проблемы, которые породила Русско-японская война, так и изменение отношения к войне в обществе, формирование «образа врага» и т.д. Процессы, запущенные войной, в регионе проявились более остро, чем в Европейской части России, а отношение общества к войне было более выпукло и зримо.

Среди работ, посвященных Сибири и Дальнему Востоку в годы войны, прежде всего можно выделить работы, отражающие вклад сибиряков и дальневосточников в войну. О народном характере Русско-японской войны, героизме сибиряков и дальневосточников в тылу и на полях сражений писали Г.И. Воробьева, А.А. Воронина, А.А. Голик, Г.В. Еремин, А.К. Кутник, А.В. Ковалев, Б.В. Михеев, Н.Д. Ростов, Н.Н. Смирнов, Н.К. Струк, Ю.А. Фабрика и другие [4; 6; 9; 13; 19; 23; 26; 29; 38; 41; 45; 46; 47]. Главный вывод, который делают авторы: причина поражения в войне – не русские воины (которые в массе своей проявляли героизм и самоотверженность), а та государственная система, которая привела их к позору проигранной войны.

Особенностям мобилизации во время Русско-японской войны в Сибири (как запасных нижних чинов, так и ратников ополчения), отношению сибиряков к войне посвящены публикации В.И. Баяндина, М.А. Ширшова, Н.Д. Ростова [2; 3; 30; 53]. Баяндин отмечал масштабность мобилизаций, отрицательное влияние Русско-японской войны на положение дел в Сибири, рост революционных настроений среди воинов Маньчжурской армии. Ширшов рассмотрел систему подготовки чинов запаса для Маньчжурской армии и пришел к выводу, что система пополнения действующей

армии себя не оправдала, при мобилизации был допущен ряд ошибок, а самое главное, что обучение запасных «не соответствовало требованиям современного боя» (особенно в сфере морально-психологической подготовки), что впоследствии привело к «бунту личного состава запасных частей против воинских начальников и органов государственной власти» [53, с. 78]. Гораздо лучше, по оценке Ширшова и Ростова, была организована мобилизация и подготовка ратников ополчения, что позволило сохранить их боеспособность (хотя положение их семей вследствие мобилизации все равно ухудшилось) [30].

Сибирскому тылу посвящена серия работ Ю.П. Горелова, из которых наиболее значима монография «Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX в.» [10]. Рассматривая вопросы мобилизации, организации помощи раненым, семьям запасных, сиротам погибших воинов и др., Горелов констатировал существенные масштабы сибирской благотворительности на нужды армии, исследовал особенности поведения сибиряков на полях сражений и их работу на армию в тылу. Он же отметил, что к концу войны в сибирском попечительстве наблюдалась катастрофическая нехватка финансовых средств, в целом война привела к обнищанию огромного числа семей запасных нижних чинов [10, с. 110].

О тяготах, которые испытала Сибирь в Русско-японскую войну, сложностях решения вопросов, связанных с помощью раненым, семьям запасных нижних чинов, снабжения продовольствием населения и армии и т.д. писали А.А. Голик, Ю.П. Горелов, Т.А. Катцина, А.В. Ковалев, Н.А. Максимова, Ю.А. Фабрика, М.В. Шиловский, М.А. Ширшов [9; 10; 18; 19; 24; 46; 51; 52; 54]. Шиловский отмечал, что процесс изучения воздействия войны на Сибирь в недавнем прошлом подменялся рассмотрением событий революции 1905–1907 гг., в настоящее время требуется специальный анализ и пересмотр стереотипов [51]. Катцина пришла к выводу, что существующая нормативно-правовая база не соответствовала новым реалиям, что породило огромное количество проблем с выдачей пособий семьям запасных нижних чинов [18]. В целом исследователи отмечают огромные масштабы общественной благотворительности, направленной на помощь раненым, семьям запасных, нужды самой армии. Однако возможности обще-

ства были весьма ограничены, так что решить существующие проблемы оно было не в состоянии.

Несмотря на то что в постсоветской историографии исследователи активно обратились к теме Сибири и Дальнего Востока в годы Русско-японской войны, обобщающего исследования не было. Этот пробел была призвана заполнить монография «Война и общество. Сибирь и Дальний Восток в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг.» [5]. В данной монографии, во-первых, рассматривается весь комплекс проблем, вызванных в регионе (Сибири и на Дальнем Востоке) войной (продовольственные кризисы, проблемы помощи раненым и семьям запасных нижних чинов, вынужденное снабжение армии т.д.), а также дается анализ, как власти пытались эти проблемы разрешить. Во-вторых, рассматриваются произошедшие в связи с войной социальные трансформации, а также изменение общественного мнения. В-третьих, подробно анализируется формирование и изменение образа Японии и японцев до, в ходе и после войны. Наконец, рассматриваются проблемы формирования и деятельности дружин на Дальнем Востоке. Монография имеет обширную источниковую базу, включая почти полторы тысячи номеров газет ведущих изданий региона, а также делопроизводственные материалы из 15 фондов РГИА ДВ.

В целом в историографии Русско-японской войны произошли в постсоветский период значительные изменения. Исследователи все чаще обращаются к проблемам воздействия войны в целом на общество, война рассматривается не только как чисто военное противостояние двух держав, но и в русле взаимоотношений власти и общества. Русско-японская война 1904–1905 гг. была для Российской империи первой войной нового типа, войной, потребовавшей активного участия населения в событиях. Отрадно, что ее изучение продолжается, в том числе на региональном материале. В последние годы историография Русско-японской войны значительно пополнилась работами, посвященными теме Сибири и Дальнего Востока в годы войны, но в этом изучении еще рано ставить точку.

Список литературы

1. Айрапетов О.Р. На сопках Маньчжурии... Политика, стратегия и тактика России // Русско-японская война 1904–1905 гг. Взгляд через столетие : международный исторический сборник / О.Р. Айрапетов (ред.-сост). – Москва : Три квадрата, 2004. – С. 355–502.
2. Баяндин В.И. Русско-японская война: мобилизация и демобилизация войск в Сибири // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России : материалы обл. науч.-ист. конф., 26 марта 2004 г., г. Новосибирск / редкол.: С.А. Пайчадзе (науч. ред.) [и др.]. – Новосибирск : Сиб. соглашение, 2004. – С. 38–45;
3. Баяндин В.И. Мобилизация сибиряков в армию в годы Русско-японской войны // Гуманитарные науки в Сибири. – 2004. – № 2. – С. 7–12.
4. Воробьева Г.И. Красный Крест в Омске в период Русско-японской войны (по архивным материалам) // Урбанизация и культурная жизнь Сибири : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / редкол.: Д.А. Алисов и [др.] (отв. редакторы) ; Ком. по культуре и искусству Администрации Омской обл., Сиб. фил. Рос. ин-та культурологии, 1995. – Омск, 1995. – С. 135–137.
5. Воробьева Э.А. Война и общество. Сибирь и Дальний Восток в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. : монография. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2020. – 252 с. – (Монографии НГТУ).
6. Воронина А.А., Фабрика Ю.А. Русское военное духовенство в годы Русско-японской войны // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России : материалы обл. науч.-ист. конф., 26 марта 2004 г., г. Новосибирск / редкол.: С.А. Пайчадзе (науч. ред.) [и др.]. – Новосибирск : Сиб. соглашение, 2004. – С. 93–96.
7. Гамильтон Я. Записная книжка штабного офицера во время Русско-японской войны : в 2 т. / пер. с англ. Б. Семёнов. – Санкт-Петербург, 1906–1907.
8. Гладкая Е.А. Русско-японская война в массовом сознании и общественной мысли русского общества в начале XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2008. – 26 с.
9. Голик А.А. Дальневосточное казачество в Русско-японской войне 1904–1905 гг. // Новейшая история России. – 2015. – № 3. – С. 22–29.
10. Горелов Ю.П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2003. – 385 с.
11. Докучаева Ю.И. Концепт «образа врага» в дискурсе комбатантов о Русско-японской войне // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 4. – С. 294–299.
12. Дружинин К.И. Исследование душевного состояния воинов в разных случаях боевой обстановки по опыту Русско-японской войны 1904–1905 гг. / сост. по анкете, разосл. участникам Рус.-яп. войны Отд. воен. психологии О-ва ревнителей воен. знаний в 1909–1910 гг. – Санкт-Петербург : Рус. скоропеч., 1910. – VIII, 147 с.

13. Еремин Г.В. Мокшанский полк на сопках Маньчжурии // Воен.-ист. журнал. – 1992. – № 10. – С. 83–85.
14. Игауз Н. К постановке проблемы образа Японии и японцев в русском фольклоре XX в. // Фудзимото Вакио. К юбилею ученого : сб. статей / З.Ф. Моргун (отв. ред.). – Владивосток : Изд-во Дальневосточн. ун-та, 2004. – С. 75–90.
15. История Русско-японской войны : в 6 т. / ред.-изд.: М.Е. Бархатов, В.В. Функе. – Санкт-Петербург : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907–1909.
16. История Русско-японской войны 1904–1905 гг. / под ред. д-ра ист. наук И.И. Ростунова ; АН СССР, Ин-т воен. истории М-ва обороны СССР. – Москва : Наука, 1977. – 379 с., 1 л. карт. : ил.
17. Касюк А.Я. Информационное противоборство в Русско-японской войне 1904–1905 годов // Вестн. Московского гос. лингв. ун-та. Общественные науки. – 2021. – Вып. 4(845). – С. 176–189.
18. Катцина Т.А. Организация и меры социальной поддержки населения Сибири в годы Русско-японской войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2015. – № 2. – С. 68–79.
19. Ковалев А.В. Формы и методы помощи Российского общества Красного Креста Томской губернии воинам-сибирякам в период Русско-японской войны (1904–1905 гг.) // Известия Алтайского гос. ун-та. – 2012. – № 4, т. 2(76). – С. 168–171.
20. Куперт Ю.В., Луценко А.В. Роль общественного сознания в Русско-японской войне // Вестн. Томского гос. ун-та. История. – 2016. – № 1(39). – С. 15–28.
21. Куропаткин А.Н. Задачи России и русской армии в XX столетии. Т. 1–3. – Санкт-Петербург : Тип. В. Безобразов и Ко, 1910. – Т. 1. – 593 с. ; Т. 2. – 552 с. ; Т. 3. – 442 с.
22. Куропаткин А.Н. Записки ген. Куропаткина о Русско-японской войне. Итоги войны. – 2-е изд. – Berlin ; Лейпциг : J. Ladyschnikow, 1911. – 557 с.
23. 22 а. Куропаткин А.Н. Отчет ген.-ад. Куропаткина. Т. I–IV. – Т. 1. – Санкт-Петербург : Тип. «Бережливость», 1904. – X, 399 с. ; Т. 2. – Санкт-Петербург : Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1906. – [6], II, 593 с. ; Т. 3. – Санкт-Петербург : 1906. – [4], 574 с. ; Т. 4. – Варшава : Тип. Окр. штаба, 1906. – [6], X, 415, [2] с.
24. Кутник А.К. Сибирские казаки в Русско-японской войне // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России : материалы обл. науч.-ист. конф., 26 марта 2004 г., г. Новосибирск / редкол.: С.А. Пайчадзе (науч. ред.) [и др.]. – Новосибирск : Сиб. соглашение, 2004. – С. 114–116.
25. Максимова Н.А. Социальное призрение семьям участников Русско-японской войны в Иркутской и Енисейской губерниях // Вестн. Иркутского гос. технического ун-та. – 2007. – № 1(29). – С. 182–184.
26. Масаеси Мацумура. Российская пропаганда во время Русско-японской войны в 1904–1905 гг. // Россия и АТР. – 2002. – № 4. – С. 63–70.
27. Михеев Б.В. Участие населения Забайкальской области в Русско-японской войне 1904–1905 гг. // Вестн. Бурятского гос. ун-та. Педагогика. Филология. Философия. – 2012. – № 8. – С. 204–207.

***Сибирь и Дальний Восток в Русско-японскую войну:
к историографии вопроса***

28. Нахо И. Взаимные образы русских и японцев (по фольклорным материалам) // Вестник Евразии. – 2004. – № 1. – С. 95–121.
29. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны. 1895–1907 / АН СССР, Институт истории. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1955. – 696 с.
30. Ростов Н.Д. Земли Алтайской верные сыны: из истории доблести и чести воинской сибирских полков. – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2005. – 304 с.
31. Ростов Н.Д., Ширинов М.А. Призыв ратников государственного ополчения в Сибирском военном округе в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Известия лаборатории древних технологий. – 2018. – Т. 14, № 2. – С. 177–185.
32. Русско-японская война в сообщениях Николаевской академии генштаба / под ред. проф. А. Байова. Ч. 1–2. – Санкт-Петербург : тип. С.Г. Кнорус, 1906–1907. – Ч. 1. – 1906. – 409 с. ; ч. 2. – 1907. – [2], IV, 320 с.
33. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. Т. 1–9. – Санкт-Петербург : тип. А.С. Суворина, 1910.
34. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском генеральном штабе. Т. 1–7. – Санкт-Петербург ; Петроград, 1912–1917.
35. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. Отд. 1–4. Т. 1–9 / Историческая комиссия по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском генеральном штабе (изд.). – Санкт-Петербург, 1907–1914.
36. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX в.: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 288 с.
37. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – Москва : РОССПЭН, 1999. – 383 с.
38. Серебрянников В.В. Социология войны. – Москва : Ось-89, 1998. – 317 с.
39. Смирнов Н.Н. Слово о забайкальских казаках. – Волгоград : Волгогр. ком. по печати, 1994. – 608 с.
40. Сорокин А.И. Оборона Порт-Артура. Русско-японская война 1904–1905 гг. – Москва : Воениздат, 1952. – 272 с.
41. Сорокин А.И. Русско-японская война 1904–1905 гг. : военно-исторический очерк. – Москва : Воениздат, 1956. – 376 с.
42. Струк Н.К. Восточная Сибирь в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. / Иркут. гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Иркутск, 1971. – 22 с.
43. Теттау Э. фон. Куропаткин и его помощники : Поучения и выводы из Русско-японской войны, сост. бароном фон Теттау, состоявшим во время войны при русской армии. Ч. 1–2. / с нем. пер. М. Грулев. – Санкт-Петербург : В. Березовский, 1913–1914. – Ч. 1. – 1913. – XVI, 372 с. ; ч. 2. – 1914. – VIII, 380 с.
44. Теттау Э. Восемнадцать месяцев в Маньчжурии с русскими войсками. Ч. 1–2. / пер. с нем. ген. штаба полк. М. Грулева. – Санкт-Петербург : В. Березовский, 1907–1908. – [Ч. 1]. – 1907. – [2], II, VIII, 368 с. ; ч. 2. – 1908. – [4], 466 с.

45. Уткин А.И. Русско-японская война. В начале всех бед. – Москва : Эксмо : Алгоритм, 2005. – 492, с. – (История России. Современный взгляд).
46. Фабрика Ю.А. Сибирский щит (становление сибирского воинства и военные деятели Сибири). – Новосибирск, 2001. – 252 с.
47. Фабрика Ю.А. А для Сибири сугубо ... (о вкладе сибиряков в Русско-японскую войну) // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России : материалы обл. науч.-ист. конф., 26 марта 2004 г., г. Новосибирск / редкол.: С.А. Пайчадзе (науч. ред.) [и др.]. – Новосибирск : Сиб. соглашение, 2004. – С. 45–58.
48. Фабрика Ю.А. Русское военное духовенство в годы Русско-японской войны // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России : материалы обл. науч.-ист. конф., 26 марта 2004 г., г. Новосибирск / редкол.: С.А. Пайчадзе (науч. ред.) [и др.]. – Новосибирск : Сиб. соглашение, 2004. – С. 93–96.
49. Чибикова Т.В. Развитие западносибирской легальной периодической печати и ее общественно-политическая проблематика в период 1905–1907 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ом. гос. пед. ун-т. – Омск, 2004. – 27 с.
50. Цуто Тогава. Образ России в Японии накануне и после реставрации Мэйдзи // Россия и АТР. – 1993. – № 1. – С. 108–116.
51. Шерстнев С.С. Официальные и личностные оценки состояния морального духа действующей армии в годы Русско-японской войны // Известия Самарского научного центра РАН. – 2009. – Т. 11, № 6. – С. 244–248.
52. Шиловский М.В. Русско-японская война и Сибирь // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России : материалы обл. науч.-ист. конф., 26 марта 2004 г., г. Новосибирск / редкол.: С.А. Пайчадзе (науч. ред.) [и др.]. – Новосибирск : Сиб. соглашение, 2004. – С. 33–37.
53. Шиловский М.В. Влияние Русско-японской войны 1904–1905 гг. на внутреннюю жизнь Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – 2004. – № 2. – С. 12–16.
54. Ширшов М.А. Подготовка воинских чинов запаса для Маньчжурской армии в запасных батальонах Сибирского военного округа в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Манускрипт. – 2018. – № 3(89). – С. 74–78.
55. Ширшов М.А. Организация призрения семей воинских чинов, призванных на действительную службу в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. (по материалам Иркутской губернии) // Вопросы студенческой науки. – 2018. – № 6(22). – С. 139–143.
56. Шушкевич Ю.А. Восточный шанс. Русско-японская война 1904–1905 гг. в ретроспективе исторического выбора. – Москва : Компания Спутник+, 2005. – 508 с.

УДК 572.026; 94(4)“1450/1750”

DOI: 10.31249/hist/2023.02.07

ПЕТРУХИНА Д.В.* ПРЕДМЕТЫ ГАРДЕРОБА И ИНТЕРЬЕРА В ЭПОХУ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ: ИДЕНТИЧНОСТИ И СТЕРЕОТИПЫ

Аннотация. Распространение идей о господстве человека над природой оказало сильное влияние на появление и развитие техник обработки природных материалов в Европе раннего Нового времени. Особую ценность для покупателя, наравне со стоимостью материала, приобретает мастерство ремесленника. Искусно выполненные предметы гардероба и интерьера становятся символами богатства и высокого статуса. Обзор зарубежных источников показывает, насколько важную роль такие предметы играли в демонстрации идентичности человека и развитии стереотипов о нем.

Ключевые слова: раннее Новое время в Европе; обработка природных материалов; престиж мастерства ремесленника; демонстрация идентичности человека; муранское стекло.

PETRUKHINA D.V. Wardrobe and interior items in the Early Modern times: identities and stereotypes

Abstract. The spread of ideas of human domination over nature has had a strong influence on the emergence and development of natural materials processing techniques in early modern Europe. A special value for the buyer, along with the cost of the material, acquires craftsmanship. Skillfully crafted items of wardrobe and interior become symbols of wealth and high status. A review of foreign sources shows

* Петрухина Дарья Валерьевна – научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), e-mail: darkamercante@gmail.com

the importance of such subjects for demonstrating identity and stereotyping.

Keywords: Early Modern times in Europe; the processing of natural materials; the prestige of craftsmanship; the demonstration of human identity; Murano glass.

Для цитирования: Петрухина Д.В. Предметы гардероба и интерьера в эпоху раннего Нового времени: идентичности и стереотипы. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 2. – С. 171–183. DOI: 10.31249/hist/2023.02.07

Одним из самых примечательных периодов в контексте культурного развития человечества является эпоха Возрождения, расцвет которой пришелся на XVI в. Последовавшее за ней раннее Новое время продолжило и углубило философское отношение к человеку как к главенствующей силе по отношению к природе. Эти взгляды оказали сильное влияние на развитие в XV–XVIII вв. ремесел, процессов обработки и имитации природных материалов различного происхождения (минерального, растительного и животного), а также алхимии, как попытки познать сущность материалов и обратить ее на пользу человеку.

Представленный обзор посвящен рассмотрению эмоционального отношения общества к материалам и изготовленным из них предметам гардероба и интерьера, их роли в формировании идентичности обладателя и развитии стереотипов о нем. Данная тема стала центральной для монографии «Материализованные идентичности в культуре раннего Нового времени, 1450–1750: объекты, аффекты, эффекты», изданной в 2021 г. Среди задач своего междисциплинарного исследования авторы книги выделили две: определение уникальных свойств некоторых используемых в то время материалов и анализ их влияния на эмоции и идеи людей. Особое внимание было уделено совершенствованию техник обработки материалов, придававших им новые специфические свойства.

В фокус внимания исследователей попали до настоящего момента малоизученные в контексте акторно-сетевой теории¹ ка-

¹ Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. – 1st ed. – New York : Oxford univ. press, 2005. – 301 p.

тегории предметов и материалов: вуали, золотая краска, птичьи перья и стекло. Предметы воплощали и продуцировали ценности, являлись отражением желаний и эмоций, передаваемых через их физические свойства. Если раньше материальные объекты рассматривались в основном с практической точки зрения, то в эпоху Возрождения и раннее Новое время люди стали больше обращать внимание на эмоциональное удовлетворение от созерцания и прикосновения к различным материалам. Одним из стимулов такого «поворота» стало активное освоение новых земель, в результате которого на рынке стали появляться новые объекты: драгоценные камни, кораллы, птицы, растения и ткани, расширившие спектр интересов и ценностей европейцев. Секреты производства некоторых предметов, например китайского фарфора и лака, увеличивали их ценность и порождали попытки воспроизведения технологии их изготовления [5, с. 41]. По мнению авторов, рассматриваемые в книге материалы были привлекательными для жителей Европы благодаря их блеску, сиянию, тонкости и прозрачности.

Исследования потребительских привычек раннего Нового времени показали, что несмотря на индивидуальную свободу приобретения любых товаров существовали гласные и негласные правила обладания и демонстрации в обществе предметов роскоши. Разделение предметов на желательные и нежелательные является признаком их влияния на формирование определенной идентичности в европейских обществах.

Кроме материальных объектов другим фундаментальным элементом, взаимосвязанным с эмоциями и культурой, выступало пространство. Государства боролись за доступ к сырью и знаниям о технологиях производства дорогостоящих предметов. Ценность вещи определялась по ее привлекательности и способности вызывать чувства и стимулировать желания. Представленное в монографии исследование охватывает несколько городов Европы, которым ранее не уделялось большого внимания: Вюртемберг, Базель, Цюрих, Страсбург и Севилью.

В период с 1450 по 1650 г. особой славой в Европе пользовалось муранское стекло, производство которого (в представлениях европейцев) было тесно связано с венецианским происхождением мастеров. Высокая прозрачность этого стекла ассоциировалась со светом, поэтому оно часто использовалось в символических целях

в христианской и мусульманской среде. При этом его привлекательность была не только визуальной: гладкость и причудливые формы вызвали тактильное удовольствие и придавали стеклу определенную аффективную ценность. Наиболее распространенным товаром были бусины из муранского стекла, которые продавались на вес и составляли основу экономики стекольной промышленности Венеции. К другим предметам массового производства относились оконные стекла, зеркала, вазы и столовая посуда.

Большая часть мастерских была перенесена на о. Мурано в Венецианской лагуне, однако, вопреки распространенному заблуждению о запрете деятельности стеклодувов в материковой части города, с конца XIII в. на ее территории продолжали работать как минимум шесть гильдий [4, с. 65]. Стекло было достаточно дешевым материалом, но мастерство ремесленников, придававших ему разнообразные цвета и формы, значительно повышало стоимость готовой продукции. При этом признаки такой высококачественной работы были известны не только узкому кругу специалистов, но и любому покупателю, что делало фальсификацию практически невозможной.

В середине XV в. в производстве венецианского стекла произошла революция: А. Баровьеру удалось добиться особой прозрачности материала. Новый вид стекла получил название *cristallo* (хрусталь) и позволил сделать следующий шаг в развитии отрасли – имитации природных материалов. В частности, стекло стало использоваться для имитации драгоценных камней, и, хотя натуральные камни не теряли своей ценности, стеклянные считались образцом превосходства человека над природой. В дальнейшем в ответ на спрос муранские мастера также создали непрозрачное стекло, цветом и толщиной напоминавшее китайский фарфор [3, с. 72]. Другим ценным качеством стекла являлась его пластичность, позволявшая добиваться уникальных форм. Это возводило процесс изготовления отдельных предметов в ранг искусства.

Богатые клиенты заказывали изделия из стекла по собственным эскизам, чаще всего через посредников, и благодаря тому, что покупатель сам формировал образ необходимых ему предметов, они носили отпечаток его личности, были материальным воплощением его идентичности [3, с. 70]. В социальном плане роскош-

ные стеклянные предметы были самым доступным способом заявить обществу о своем вкусе и образованности.

Великие географические открытия способствовали появлению в Европе ранее неизвестных материалов и источников натуральных красителей. Среди первых наибольший восторг вызывали перья экзотических птиц: амазонских попугаев, кетцалей и южно-американских колибри. Их легкость, радужность, гибкость, хрупкость и насыщенность цветов вызывали эмоциональный отклик и считались доказательством изысканного вкуса обладателя перьев. Однако процесс подготовки перьев к использованию в изготовлении предметов гардероба был очень трудоемким и занимал много времени. Как следствие, стоимость одного пера была достаточно высокой, а использованные перья часто подвергались обновлению для вторичной реализации [4, с. 145].

Среди европейской знати XVI в. широкой популярностью пользовались плюмажи и веера из перьев. Ш. Хасс подчеркивает чувственную значимость таких вееров: они поражали глаз своим изяществом, использовались для охлаждения тела и распространения аромата духов. Таким образом, по мнению автора, значение изделий из перьев изменилось с ритуального, распространенного среди аборигенов Нового Света, на чувственное в среде европейцев [4, с. 178].

В начале XVII в. среди наиболее культурно развитых и открытых к трансформациям европейских дворов выделялся двор герцога Фридриха Вюртембергского. Одним из направлений внутренней политики династии Вюртембергов было стимулирование интереса населения к приобретению местных товаров, в том числе и предметов роскоши. Они также стремились к признанию своего двора как влиятельного центра протестантизма, однако нацеленность на инновации, прогресс в медицине, сельском хозяйстве и промышленном производстве, на познание природы и культуры других цивилизаций резко контрастировала с лютеранскими фаталистическими взглядами [8, с. 205].

В исследовании У. Рублак отмечается, что для достижения баланса между традицией и инновацией герцог планомерно создавал положительный образ Америки как братского континента, что должно было послужить протестантам иллюстрацией важности путешествий и изучения иностранных языков, необходимости раз-

вития мировой торговли. Воздействие на элиту и население могло быть усилено визуальным эффектом от материальных объектов. С этой целью Фридрих Вюртембергский собрал и часто публично демонстрировал внушительную коллекцию предметов материальной культуры, в том числе традиционные костюмы, перья и украшения из Америки и Индии. Такой подход способствовал росту интереса к ремеслам этих регионов и заимствованию их опыта в европейские производства [8, с. 213].

Таким образом, воздействие на чувства стало основной концепцией политики Вюртемберга, направленной на развитие у протестантского населения оптимистического взгляда на будущее промышленное и культурное развитие немецких территорий [8, с. 224].

Наиболее значительную роль в демонстрации социального статуса, финансового благополучия и конфессиональной принадлежности человека играло его одеяние. В государствах Европы раннего Нового времени общество было разделено на классы, и костюм был призван показать окружающим положение своего владельца (или владелицы) во избежание недоразумений и конфликтных ситуаций. Отказ от положенного по статусу наряда расценивался социумом как протест и своеволие, которые необходимо было пресечь любыми способами: от штрафа до смертной казни. В то же время позиция церкви, в особенности укоренившегося на отдельных территориях протестантизма, способствовала принятию законов против роскоши, и перед представителями богатых европейских семей встала проблема поиска баланса между демонстрацией своего достатка и риском обрести репутацию расточительных людей. Наиболее пристального внимания удостоивались одеяния женщин: с одной стороны, в течение веков сохранялась необходимость соблюдать приличия, а с другой – мода на платья, аксессуары и прически постоянно менялась, и ей нужно было следовать.

Среди современных зарубежных социально-антропологических исследований заметное место занимает изучение жизненных ситуаций отдельно взятых личностей и семей на основе биографического метода и метода кейсов. Итоги одного из подобных исследований были представлены в статье М. Моран, источниками для которой послужили письма двух молодых флорентийских

женщин, позволившие проследить путь каждой из них от невесты до замужней женщины.

Переписка девушек показывает, что независимо от своего возраста и семейного статуса они осознавали, в какой большой степени манера одеваться определяла их место во флорентийском социуме. Покрой, цвет и вид ткани говорили о финансовом положении, а следование определенной моде в аксессуарах указывало на социальный статус семьи. Женщины были достаточно свободны в выборе поставщиков тканей и украшений и часто имели возможность самостоятельно закупать необходимые предметы гардероба и быта. Девочек специально обучали не только навыкам ношения платьев и украшений на публике, но и этикету общения с портными и ювелирами.

Возможность приобретения одежды для себя и других членов семьи позволяла молодым патрицианкам¹ научиться распоряжаться бюджетом, налаживать контакты с мастерами и торговцами, следить за модными веяниями. В этих процессах важную роль играли старшие женщины в семье: матери, тети, мачехи и старшие сестры, которые делились своим опытом и помогали принимать решения. Поскольку новые роскошные материалы стоили достаточно дорого, знатные женщины нередко закупали вторичные материалы на «неофициальном рынке», представленном бродячими торговцами [7, с. 183].

После замужества женщины несли ответственность за семейный гардероб, и то, насколько хорошо они справлялись с этой ролью, оказывало влияние на восприятие семьи в обществе. В то же время стремление патрициев шикарно одеваться сталкивалось с законами против роскоши: государство стремилось снизить затраты на предметы гардероба, поскольку роскошь считалась источником искушения [7, с. 179]. Так, закон 1472 г. запрещал использовать пуговицы и цепочки из драгоценных металлов в качестве украшений и нашивок на одежду.

Преподнесение одежды или украшений в качестве подарка во Флоренции XVI в. считалось проявлением любви и было желанным знаком внимания как для женщин, так и для мужчин. По

¹ Патрициат – социальный класс богатых семей в итальянских городах-государствах (Венеции, Флоренции и др.).

мнению М. Моран, частое упоминание в письмах встреч с портными и особенностей изготовления одежды может служить доказательством важности культуры формирования гардероба для женщин раннего Нового времени.

В XVI в. незаменимым атрибутом женского гардероба были вуали, о разнообразии которых можно судить по сохранившимся изображениям в книгах костюмов [1, с. 326]. Вуали как головное украшение подчеркивали красоту женщины, символизировали ее настоящее положение в обществе или процесс перехода в новый социальный статус. В эмоциональном плане вуали сигнализировали о разных чувствах – от сексуальности и обожания до смирения. Важную роль также играло взаимодействие ткани и человеческого тела: от плотности и тяжести вуали зависели ее прозрачность и свойства складок, которые влияли на ощущения как самой женщины, так и наблюдателей.

Большинство вуалей изготавливалось из льна и шелка. Первый, благодаря его гладкости, прочности и воздухопроницаемости, использовался для вещей, непосредственно контактировавших с кожей и волосами – он был незаменим для повседневной одежды. Шелковые ткани отличались легкостью и эластичностью, что позволяло делать из них различные драпировки. Для вуалей использовались хлопок и шерсть, отдельно или в сочетании со льном и шелком для получения необходимых качеств материала [1, с. 329]. Свойства различных тканей позволяли экспериментировать с формами и местом прикрепления вуалей, что, согласно книгам костюмов XVI в., помогало подчеркивать особенности локальных идентичностей.

Вуаль из легкой ткани, развевавшаяся на ветру, придавала женщине энергичности в глазах наблюдателя, а прозрачная и блестящая вуаль – отражала ее внутренний свет и подчеркивала высокий статус. Вдовы носили тяжелые и плотные вуали как символ горя и социальной изолированности, однако впоследствии при помощи вуали женщина также могла невербально заявить об окончании траура и готовности к следующему браку [1, с. 349].

Как и в случае с муранским стеклом из Венеции, производство вуалей стало «визитной карточкой» северных провинций Испании и Страны Басков. В раннее Новое время в этих регионах внедрялись и активно развивались новые техники производства и

обработки материалов, отразившиеся на прозрачности, гладкости, мягкости и податливости тканей. При помощи дополнительных украшений и булавок конструкции из драпировок превращались в настоящие архитектурные сооружения. Отдельные методы производства и способы ношения вуалей распространялись только внутри конкретных общин и варьировались от региона к региону, что указывает на их важную роль в формировании локальных и профессиональных идентичностей [1, с. 364].

Особую роль играли вуали, которые следовало носить при посещении религиозных церемоний. С. Бургхарц посвятила свое исследование роли вуали в жизни городов Страсбурга, Базеля и Цюриха в XVI–XVIII вв. [2, с. 369]. До 1522 г. женщинам высшего сословия предписывалось обязательное ношение штурца – объемной вуали из тонкого льна, практически полностью закрывавшей лицо, за исключением глаз и носа. Наиболее строгие правила были установлены в Страсбурге, где население четко делилось на шесть социальных слоев. В частности, в неформальной одежде запрещалось появляться как в церкви, так и на улицах, а два раза в неделю после богослужения женщинам предписывалось весь день закрывать лицо вуалью. С начала XVI в. начинаются активные выступления женщин против штурца, связанные с его старомодностью и физическими неудобствами для прихожанок.

Модные тенденции в ношении головных уборов можно проследить благодаря нескольким сохранившимся в Базеле иллюстрированным альбомам. Однако эти изменения не носили радикального характера, поскольку церковь постоянно противодействовала им и требовала возвращения к традиционному штурцу. Если в первом альбоме 1574 г. женщины изображены в головных уборах без вуалей, то в следующем (1598) – их лица уже прикрыты. Вуали вновь исчезли с изображений женщин 1690 г., головы которых стали украшать не простые платки, а меховые шапочки. По последнему альбому, датированному 1741 г., можно судить о том, что вуали отошли в прошлое, а их место заняли припудренные прически и кружевные чепчики. Возвращение в конце XVI в. в моду вуалей, прикрывавших лицо, может быть свидетельством возросшей роли церкви в Базеле и ее жесткой религиозной политики [2, с. 382].

В середине XVII в. правила ношения штурца были дополнены и конкретизированы: женщинам моложе 40 лет требовалось надевать его только на похороны как символ скорби. Это предписание – первое из ему подобных, ставящее возрастной ценз выше статусного. В то же время молодых женщин наставляли избегать всех модных инноваций, что могло косвенно говорить об их высоком интересе к современным веяниям.

В швейцарских городах в начале XVIII в. женщины по соображениям здоровья и финансового положения все чаще жаловались на необходимость носить в церковь вуали. В результате церковь отнеслась снисходительно к женщинам из бедных семей, которые не могли позволить себе дорогостоящий штурц, однако на более высокородных дам налагались штрафы [2, с. 389]. Тем не менее протесты продолжались несмотря на судебные заседания, и после 1784 г. штурц практически нигде не упоминается.

По мнению автора, причины требований, предъявлявшихся протестантской церковью к женщинам, вероятнее всего, не объясняются исключительно строгостью нравов общества. Современный эксперимент по реконструкции вуали из тонкой хлопчатобумажной ткани показал, что полупрозрачная и правильно накрахмаленная вуаль повторяла все движения головы. Следовательно, большая группа женщин в таких вуалях, двигавшихся в унисон, создавала во время богослужения особый зрительный эффект, достижение которого и могло быть целью указанных предписаний [2, с. 404].

Приверженность моральной «чистоте» достигла апогея во взглядах другого протестантского сообщества – пуритан. Профессор истории Университета Арканзаса В. Лукас в своем исследовании Салемского процесса показывает важную роль одевания человека в жизни пуританского общества Новой Англии XVII в. Источниками для автора послужили официальные документы и записи 1692–1693 гг., когда в г. Салем шло судебное разбирательство по обвинению нескольких сотен людей в колдовстве.

В основе пуританского отношения к одежде лежало несколько базовых принципов мировоззрения, среди которых важнейшими были единство и предопределение. Единство отражало тесные взаимосвязи внутри сообщества, когда последнее воспринималось как единый организм, и грехопадение одного могло по-

губить всех. Вера в предопределение заставляла каждого пуританина ежедневно следить за своим поведением и мыслями во избежание искушения и греха, которые могли угрожать его душе оказаться в аду. В сочетании с представлениями о единстве такая вера заставляла человека постоянно наблюдать за соседями и другими членами общины, чтобы удостовериться в их праведности. В то же время воззрения пуритан допускали вмешательство дьявола в жизнь человека с целью грехопадения – его и всей общины [6, с. 126]. Таким образом, людей, выделявшихся из общества, воспринимали как врагов и угрозу для порядка, установленного Богом.

Пуритане также верили в тесную взаимосвязь внешности человека и его внутреннего мира, поэтому роскошные одеяния вызывали порицание как проявление одного из смертных грехов – гордыни. Неподобающая одежда могла также свидетельствовать о тщеславии и лживости человека, его стремлении к обману общества. К последнему, по мнению пасторов, относилось и ношение мужчинами-актерами париков, изготовленных из женских волос [6, с. 128].

Однако не только качества души находили отражение в одежде, но и наоборот – одеяние могло способствовать изменению души человека. Обнаженное тело считалось признаком дикости, поэтому пуритане дарили индейцам одежду в надежде приобщить их к «цивилизации». В то же время англичане, попадавшие в плен к аборигенам, лишались своей старой одежды и получали индейскую, подчеркивавшую их новый статус. На территории Британии англичане, жившие в Ирландии и одевавшиеся как местные, признавались ирландцами. Таким образом, одежда играла большую роль в этническом восприятии человека, чем его язык и фенотипические признаки. По мнению пуритан, люди могли продать душу за новую дорогую одежду, которая могла изменить их положение в обществе. Подобные мотивы получения новой одежды фигурировали и во время Салемского процесса.

В Англии и Новой Англии XVII в. гардероб ценился очень высоко из-за большой стоимости материалов. Красное платье Бриджит Бишоп¹ было изготовлено из парагона – двойной шерстяной

¹ Бриджит Бишоп (1632–1692) – первая женщина, казненная по обвинению в колдовстве во время Салемского процесса.

ткани с добавлением шелка, привозившейся из Турции. Яркие цвета прибавляли ткани ценности, и как следствие, служили символом высокого статуса, богатства и власти. Бедные люди носили одежду серых и бежевых оттенков, представители среднего класса использовали домашние, неустойчивые красители, и только элита могла позволить себе ткани насыщенных цветов. Яркое одеяние Б. Бишоп вызвало недовольство ее односельчан из-за его несоответствия социальному положению женщины, кроме того, она могла измениться под действием красного платья, что угрожало навлечь божий гнев на все сообщество.

На судебном заседании в 1692 г. некоторые из обвиняемых были узнаны жертвами по одежде, которая так или иначе противоречила законам сообщества, а значит, свидетельствовала о грехопадении и колдовстве. То же самое относилось и к отсутствию отдельных предметов гардероба – обуви и чулок, а также привычке одеваться не по случаю: одна из женщин была обвинена в колдовстве из-за того, что несколько раз в течение дня переодевалась в новые вещи [6, с. 139].

Таким образом, особое отношение пуританского общества к одежде приводило к ситуации, когда любой человек, стремившийся улучшить свое социальное или финансовое положение, мог быть обвинен в сделке с дьяволом. В этом контексте красное платье Б. Бишоп нарушало сразу несколько запретов: доказывало отказ женщины от места, определенного для нее Богом, было нескромным, свидетельствовало о грешной душе и искушало ее соседей. В итоге именно платье стало главной уликой в пользу вынесения обвинительного приговора [6, с. 142].

Представленные в обзоре исследования расширяют научный взгляд на проблему влияния предметов гардероба и интерьера на формирование идентичностей и развитие стереотипов в сообществах раннего Нового времени.

Список литературы

1. Bond C. «Fashioned with Marvellous Skill» : Veils and the Costume Books of Sixteenth-Century Europe // *Materialized Identities in Early Modern Culture, 1450–1750: Objects, Affects, Effects* / Ed. by Burkart L. [et al.]. – Amsterdam : Amsterdam univ. press, 2021. – P. 325–368. – URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv1w9m9f9.12>

2. Burghartz S. Moral Materials : Veiling in Early Modern Protestant Cities. The Cases of Basel and Zurich // Materialized Identities in Early Modern Culture, 1450–1750: Objects, Affects, Effects / Ed. by Burkart L. [et al.]. – Amsterdam : Amsterdam univ. press, 2021. – P. 369–410. – URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv1w9m9f9.13>
3. Burkart L. Negotiating the Pleasure of Glass: Production, Consumption, and Affective Regimes in Renaissance Venice // Materialized Identities in Early Modern Culture, 1450–1750: Objects, Affects, Effects / Ed. by Burkart L. [et al.]. – Amsterdam : Amsterdam univ. press, 2021. – P. 57–98. – URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv1w9m9f9.6>
4. Hanß S. Making Featherwork in Early Modern Europe // Materialized Identities in Early Modern Culture, 1450–1750: Objects, Affects, Effects / Ed. by Burkart L. [et al.]. – Amsterdam : Amsterdam univ. press, 2021. – P. 137–186. – URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv1w9m9f9.8>
5. Introduction : Materializing Identities : The Affective Values of Matter in Early Modern Europe / Burghartz S., Burkart L., Göttler C., Rublack U. // Materialized Identities in Early Modern Culture, 1450–1750: Objects, Affects, Effects / Edited by Burkart L. [et al.]. – Amsterdam : Amsterdam University Press, 2021. – P. 23–54. – URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv1w9m9f9.5>
6. Lucas W. Damned by a Red Paragon Bodice: Witchcraft and the Power of Cloth and Clothing in Puritan Society // Massachusetts Historical Review (MHR). – 2018. – Vol. 20. – P. 119–149. – URL: <https://www.jstor.org/stable/26783535>
7. Moran M. Young Women Negotiating Fashion in Early Modern Florence // The Youth of Early Modern Women / Ed. by Burkart L. [et al.]. – Amsterdam : Amsterdam univ. press, 2018. – P. 179–194. – URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv8pzd5z.11>
8. Rublack U. Performing America: Featherwork and Affective Politics // Materialized Identities in Early Modern Culture, 1450–1750: Objects, Affects, Effects / Ed. by Burkart L. [et al.]. – Amsterdam : Amsterdam univ. press, 2021. – P. 187–230. – URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv1w9m9f9.9>

РЕЦЕНЗИИ

УДК 329.12; 94(47).084.3

DOI: 10.31249/hist/2023.02.08

ДУНАЕВА Ю.В. * Рец. на кн.: КУЗНЕЦОВ В.Н. В ОГНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ в 1918 году). – Ульяновск : УлГУ, 2021. – 288 с.

Ключевые слова: Гражданская война в России 1918–1922 гг.; политические партии Симбирска в 1918 г.; межпартийная борьба в Симбирской губ. в 1918 г.; Комуч.

Keywords: The Russian Civil War of 1918–1922; political parties in Simbirsk in 1918; inter-party struggle in Simbirsk province in 1918; the Komuch.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. [Рец.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 2. – С. 184–190. Рец. на кн.: Кузнецов В.Н. В огне Гражданской войны (политические партии в Симбирской губернии в 1918 году). – Ульяновск : УлГУ, 2021. – 288 с. – DOI: 10.31249/hist/2023.02.08

На первый взгляд события Первой мировой войны кажутся хорошо изученными. Недавний юбилей окончания войны вызвал появление значительного количества новых исследований. Тем не менее эта многогранная тема по-прежнему привлекает историков. Особенно интересны работы ученых из российских регионов, описывающих и анализирующих ход событий в провинциальных городах и губерниях.

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), e-mail: jvd14@inbox.ru

Новая книга д-ра ист. наук, профессора Валерия Николаевича Кузнецова (Ульяновский государственный педагогический университет) является продолжением его многолетней работы по истории партий. Книга состоит из предисловия «От автора», семи частей и заключения.

В.Н. Кузнецов – автор множества работ по истории начала XX в., особенно по истории регионов Поволжья. Кандидатская диссертация посвящена политическим партиям Поволжья в 1907–1910 гг., а докторская диссертация «Политические партии в Среднем и Нижнем Поволжье в 1910–1917 годы» стала продолжением и дальнейшим развитием темы исследования.

1917 год прошел для губернии относительно спокойно, отмечает автор. Советская власть была установлена 10 декабря 1917 г. мирно и без всяких кровопролитий. А вот год 1918 был насыщен политическими изменениями, репрессиями и военными столкновениями.

В первой части автор приводит общие характеристики партий. Он группирует их по отношению к власти Советов. В первую группу входят те, кто поддерживал эту власть. Это, естественно, большевики, левые эсеры и максималисты. Противниками Советов были кадеты, эсеры, меньшевики. Промежуточную позицию занимали меньшевики-интернационалисты.

Далее выделены правящие партии, входившие в состав Революционного комитета: большевики, левые эсеры и максималисты. По идеологическому признаку партии разделялись на народнические, правых, левых и центральных эсеров, максималистов. Были и марксистские партии – это большевики и меньшевики. Либеральный спектр был представлен кадетами. Партии различались по их отношению к революционному процессу: большевики, левые эсеры и максималисты выступали за продолжение революции. Против дальнейшего развития революционного процесса были интернационалисты, эсеры и меньшевики (с. 7).

В состав Советов вошли члены РСДПР(б), ПЛСР (Партия левых социалистов-революционеров). Революционный комитет состоял из представителей большевиков (М.А. Гимов, М.С. Першин, А.В. Швер), левого эсера С.П. Петрова, который и возглавил ревком, и максималиста К.М. Яматина (там же).

Вторая часть книги посвящена политике партий в мирный период развития революции. В самом начале 1918 г. в город была отправлена группа членов партии РСДРП(б) для укрепления власти в регионе. Они, отмечает историк, отличались энергичностью, честолюбием и быстро потеснили местных более инертных большевиков.

Начался процесс институционализации власти Советов. Дело в том, что в губернии функционировали два политических института – губернский комиссар как представитель власти бывшего Временного правительства и председатель исполкома – представитель советской власти.

14 февраля, продолжает автор, был создан Симбирский губернский Совет народных комиссаров. Он состоял из десяти наркоматов, возглавляемых представителями разных партий. Например, комиссариат внутренних дел возглавил большевик М.Д. Крымов, максималист К.М. Яматин получил пост наркома путей сообщений. Губсовнарком возглавил член РКП(б) М.А. Гимов. «Губисполком теперь должен был заниматься политическими вопросами и получал законодательные функции. Губсовнарком же становился высшим органом управления губерний» (с. 38).

В это время Советы работали неудовлетворительно, автор приводит цитаты из статей «Симбирской газеты» с критикой этих органов власти, а также других организаций. Историк пишет о том, что снизу доверху новые органы власти были пронизаны отсутствием дисциплины, моральной распущенностью. Даже коммунисты отличались тем, что в большинстве своем игнорировали партийные собрания. Однако присланным из центра убежденным левым большевикам М.Д. Крымову, В.Н. Фрейману, И.Н. Моторину удалось исправить ситуацию. Заняв должности, они сумели перестроить работу в комитете РСДРП(б) – РКП(б) на «бюрократический лад, поднялись над остальными партийцами, которым был недоступен (не понимали важности, не могли перестроиться, не были способны) этот вид работы. Возникла новая правящая каста» (с. 45).

Далее автор подробно описывает борьбу, развернувшуюся при создании губернской организации РКП(б) и объединения губернских организаций. На проходившей конференции победила

позиция умеренных большевиков, что соответствовало политической ситуации. Однако были и те, кто по-прежнему не признавал большевиков. Их центр находился в Городской думе, где тоже шла напряженная партийная борьба: меньшевики спорили с эсерами, их объединяло только неприятие кадетов. И даже усиление позиций большевиков не смогло заставить их отринуть разногласия. 8 января 1918 г. был избран председатель Думы меньшевик В.П. Краснов и два его товарища, также меньшевики. На состоявшемся в феврале заседании Думы стоял вопрос об отношении к власти Советов. Было принято половинчатое решение – признать власть незаконной, но сотрудничать с ней.

К концу января политическая ситуация изменилась, и большевики стали проводить репрессивные меры: было разогнано Учредительное собрание, начались обыски и аресты членов Городской думы, при этом инакомыслящих из числа простых граждан не арестовывали. Начались репрессии и по экономическим причинам, зажиточные граждане облагались контрибуцией. В случае неуплаты им грозил арест. Одновременно с этим шел процесс ликвидации земского и городского самоуправления, подытоживает историк.

Однако новая власть проводила и популярные реформы: был установлен восьмичасовой рабочий день, создавались учреждения по охране труда, вводили рабочей контроль на фабриках и заводах губернии.

В двадцатых числах января прошли два съезда, сыгравшие важную роль в политической жизни губернии. Это V губернский крестьянский съезд и VI губернский съезд Советов. Автор детально излагает, как проходили эти мероприятия, приводит обширные цитаты из докладов и выступлений. Он приходит к следующему выводу: «...съезд явился торжеством советских партий: коммунистов, левых эсеров и максималистов, действующих тогда в полном единении. Значение его переоценить сложно. Как верно отмечалось в докладе губисполкома, составленного в конце октября – начале ноября 1918 года, “именно с этого момента в Симбирской губернии власть фактически в полной мере перешла к Совету”» (с. 108).

Однако, как показывают приведенные в книге целые выдержки и цитаты из выступлений делегатов заседаний Советов,

новое Советское государство с самого рождения было поражено язвой бюрократизма. «Уже в начале 1918 года штаты Советов, и без того раздутые, оказались заполнены и переполнены» (с. 149).

Следующая часть посвящена отношению разных политических сил к Брестскому миру. На VI губернском съезде Советов одним из важнейших вопросов был вопрос о мире. Высказывались разные мнения, например, меньшевик В.П. Краснов выступил против мирного договора. Однако решением съезда договор о мире был поддержан.

Как пишет историк, в конце мая 1918 г. ситуация в регионе резко изменилась. Эхо Гражданской войны докатилось до Поволжья. Эсеры столкнули чехословаков и Советскую власть. Встал вопрос о сохранении власти, за которую выступали коммунисты, левые эсеры, максималисты. Кузнецов подробно описывает политические дебаты и ход военных действий. В книге рассказывается, как почти без боя 22 июля власть в Симбирске перешла к Комучу (Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания). Почти сразу начались репрессии против большевиков и тех, кто их поддерживал. А иногда казнили просто за «пролетарский вид». Отрывки из воспоминаний писателей П.Н. Дорохова и Скитальца (С.Г. Петров) рисуют страшные картины судов и самосудов, когда толпа могла просто растерзать человека. «Подобное происходило везде, куда доходили власть Самарского правительства и чехословаки. Избивание, издевательства, убийства: вот новое, что внесли в политическую практику контрреволюционные силы. Все это происходило не как исключение из правил, а как система» (с. 200).

Расклад партий под властью Комуча сложился следующим образом. Меньшевики поддержали ликвидацию советской власти и стали самой левой партией. Они пошли в состав новых органов управления. Центристской партией стали эсеры, они оказались между кадетами и меньшевиками (с. 202). Эсеры принимали участие в работе органов власти: губернской земской управы и Городской думы. Власть в городе, уездах и волостях перешла к В.В. Подвицкому (уполномоченному Комуча). В созданное Совецание для налаживания жизни на контролируемых территориях он включил по одному представителю от меньшевиков, кадетов и эсеров, представителей разных организаций, например губернского земства или центрального совета профсоюзов, общества фабри-

кантов и заводчиков. Были созданы органы управления, проведены выборы в Городскую думу. Анализ списков показывает, пишет Кузнецов, что в них фигурировала практически вся политическая и культурная элита Симбирска, исключая крайне левых и крайне правых. Так же, как и большевиков, в списках не было симбирских черносотенцев и националистов, да и бывших октябристов было совсем мало.

А что произошло с представителями партии большевиков под властью Комуча? Этому посвящена следующая, шестая часть. Как показывают документы, большевики, вместо того чтобы дать отпор врагу, покинули город в числе первых. Позже было решено провести расследование поведения местных партийцев. Как показал Г.Г. Благоданов (член РВС Восточного фронта): «Симбирск был брошен без боя, в панике» (цит. по: Гай Г.Д. Избранные труды. Т. 2. Ереван, 1990. с. 96). Комиссия пришла к такому же выводу, но никаких дальнейших действий не последовало, хотя, конечно, тем большевикам и красноармейцам, которые покинули город, впоследствии надо было восстанавливать свою партийную репутацию.

12 сентября Симбирск был освобожден от власти Комуча. Прошедшие события показали, что серьезно изменилась политическая ситуация в городе. Только большевики, члены РКП(б) оказались сторонниками советской власти. Можно с полным основанием сказать, делает вывод Кузнецов, что после Комуча советская власть стала то же, что и власть РКП(б), а политика Советов – это политика коммунистов (с. 248). Остальные партии переживали серьезные кризисы, например максималистская группа в Симбирске прекратила свое существование, а численность кадетской партии заметно сократилась. «Партий – противников Советской власти не осталось» (с. 254).

Проделав тщательную, кропотливую работу по исследованию партийной ситуации в Симбирске и губернии на протяжении мятежного 1918 г., историк Кузнецов приходит к следующим выводам. Несмотря на все внутрипартийные проблемы, советская власть все же устояла в городе. Теперь у власти были только большевики, Советы стали сферой влияния одной партии – РКП(б).

Однако, подчеркивает исследователь, очень быстро партия большевиков стала правящей, но малочисленной и испытывала

кадровый голод. Зачастую случайные люди становились членами партии, что вело к росту карьеризма и ослабляло партийную дисциплину. Также им не удалось провести эффективных преобразований в экономической сфере.

Итак, перед нами труд – результат высокопрофессиональной работы. Масштабное, познавательное исследование, с четко и грамотно выстроенным сюжетом. В нем используются архивные материалы и обширные цитаты из местной прессы, докладов, выступлений и т.п. На этом хотелось бы остановиться подробнее: таким образом Кузнецов насыщает строгий академический текст неповторимым ароматом эпохи. Написанное в лучших канонах исторической науки исследование оживает и демонстрирует яркую картину политической жизни Симбирской губернии. Следует отметить, что о некоторых политических деятелях приводятся краткие биографические справки, что также обогащает содержание.

Полагаю, что данную работу можно отнести к микроистории, когда на примере одного региона детально воссоздается один из тяжелейших периодов в истории нашей страны. Исследование насыщено обширным и разнообразным историографическим материалом. Книга написана ясным языком, текст «плотный», максимально информативный. Структура книги хронологическая, что соответствует цели исследования. Несомненно, что данная публикация вносит весомый вклад в обозначенную тему.

УДК 94(47+57)«1924/1953»:343 DOI: 10.31249/hist/2023.02.09

МИНЦ М.М.* Рец. на кн.: VINCENT M. CRIMINAL SUBCULTURE IN THE GULAG: PRISONER SOCIETY IN THE STALINIST LABOUR CAMPS, 1924–53. – London : Bloomsbury Academic, 2020. – XIV, 221 p.

Ключевые слова: ГУЛАГ; криминальная субкультура ГУЛАГа; социальная составляющая уголовной субкультуры ГУЛАГа.

Keywords: Gulag; the criminal subculture of the Gulag; the social component of the criminal subculture of the Gulag.

Для цитирования: Минц М.М. [Рец.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 2. – С. 191–196. Рец. на кн.: Vincent M. Criminal subculture in the Gulag: prisoner society in the Stalinist labour camps, 1924–53. – London : Bloomsbury Academic, 2020. – XIV, 221 p. – DOI: 10.31249/hist/2023.02.09

Марк Винсент – независимый исследователь, доктор философии Университета Восточной Англии (2015). В своей новой книге он рассматривает малоизученную составляющую истории сталинского ГУЛАГа – его криминальную субкультуру. Такой выбор весьма примечателен, поскольку основную часть историографии сталинских трудовых лагерей составляют работы, посвященные опыту политических заключенных. Между тем, как пишет М. Винсент во введении к своей монографии, без подробного изучения блатного сообщества наше понимание этого опыта будет

* Минц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Персональная страница: <http://inion.ru/ru/about/personalities/mints-mikhail-mikhailovich/>

заведомо неполным: во-первых, отношения между «ворами» и «политическими» отличались сложностью и не ограничивались одной лишь непрерывной враждой; во-вторых, поведение «блатных» (во всех его составляющих, включая акты насилия по отношению к «политическим») имело свои причины и движущие механизмы, понимание которых требует достаточно внимательного анализа. Хронологически работа Винсента охватывает все основные ступени развития советской пенитенциарной системы вплоть до смерти Сталина, включая период нэпа (прежде всего Соловецкий лагерь), становление и стремительный рост собственно ГУЛАГа в годы первых пятилеток, Вторую мировую войну и период позднего сталинизма. Основными «персонажами» исследования являются заключенные-рецидивисты, в терминологии тех лет – «урки» (это слово появилось еще до 1917 г.), «блатные», «воры»; в 1920-е годы употреблялся также термин «сорокадевятники», образованный от номера статьи 49 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., на основании которой суд запрещал пребывание в определенных местностях на срок до трех лет для лиц, признанных «социально-опасными» в силу «своей преступной деятельности или по связи с преступной средой данной местности». В это же понятие включались и «суки» – уголовники, сотрудничающие с администрацией. Во избежание ошибочных ассоциаций с литературой, посвященной преступному миру современной России, исследователь оговаривается, что хотя термин «вор в законе» употреблялся и в изучаемую им эпоху, представители этой категории составляли не более 6–7% от общего числа рецидивистов.

Хотя Винсенту доводилось работать в Москве, к архивным фондам он, по-видимому, почти не обращался, что является существенным пробелом. Нет в книге ссылок и на неопубликованные воспоминания бывших узников, хотя в период ее написания довольно богатая негосударственная коллекция таких материалов была еще доступна для исследователей. Автор, однако, использует опубликованные архивные документы. Основную же источниковую базу исследования составили мемуарная литература и, что немаловажно, тюремные и лагерные газеты рассматриваемого периода. Последние, по словам Винсента, до сих пор почти не изучались историками, однако содержат довольно значительный объем информации, в том числе за 1920-е годы, и тем самым образуют важное дополнение к мемуарам, авторы которых в большинстве

своим оказались в лагерях в более поздний период. Существенная трудность в исследовании выбранной автором темы состоит, по его словам, в том, что документов, оставленных самими рецидивистами, историкам известно крайне мало; таким образом, большая часть имеющейся на сегодня информации взята из воспоминаний их главных антагонистов – «политических». Это приходится учитывать при работе с источниками.

Структура книги выстроена по тематическому принципу и включает в себя введение, шесть глав и заключение. В первой главе автор рассматривает дореволюционную уголовную субкультуру, многие элементы которой оказались довольно устойчивыми и продолжали существовать в советские годы. Последующие главы посвящены непосредственно криминальной субкультуре 1920-х – начала 1950-х годов (вторая глава – транспортировка в лагерь по этапу как первое столкновение осужденного с пенитенциарной системой; третья глава – социализация заключенных в лагере и нормы поведения; четвертая глава – татуировки и тюремный жаргон, их коммуникативные функции; пятая глава – карточная игра и ее роль в структурировании сообщества заключенных; шестая глава – наказания за нарушения неформальных норм поведения, а также конфликты между криминальными группировками в послевоенных лагерях, включая так называемую сучью войну). Выводы автора по большей части сосредоточены в заключительных разделах глав. В завершающем книгу эпилоге дается краткий обзор дальнейшей эволюции криминальной субкультуры в СССР и постсоветской России, подводятся общие итоги исследования и намечаются перспективы дальнейших научных изысканий.

Революции 1917 г. и создание нового советского государства на обломках рухнувшей империи сопровождалось радикальными изменениями в отношениях между правительством и гражданами. Изменилось и отношение государства к преступникам, которых в рамках большевистской идеологии предполагалось реинтегрировать в общество путем «перековки» производительным трудом. В то же время, как показывает автор, внутренние нормы и ценности преступного мира в основе своей остались неизменными и после революции. Из царской эпохи были унаследованы многие практики и ритуалы (отношения внутри банды, клочки, татуировки и т.д.), фольклор (блатные песни помимо всего прочего выполняли важную коммуни-

кативную функцию как один из основных каналов трансляции ценностей и стереотипов поведения) и неформальные правила (такие как запрет на сотрудничество с властями). Это во многом определяло особенности поведения рецидивистов в советских лагерях и тюрьмах.

Одной из типичных ситуаций, когда уголовники пользовались относительной свободой действий, являлась транспортировка заключенных (этап). Отчасти это было связано со слабостью транспортной инфраструктуры ГУЛАГа: неуклонный рост численности «спецконтингента» приводил к тому, что заключенным нередко приходилось путешествовать в переполненных поездах и судовых трюмах с довольно продолжительными промежуточными остановками в пересыльных тюрьмах, тоже часто переполненных. Конвой в подобных условиях обладал лишь ограниченными возможностями по контролю над поведением узников; к тому же официальная пропаганда была нацелена, по существу, на расчеловечение «политических» как «врагов народа». Эти факторы сделали возможными многочисленные акты насилия со стороны рецидивистов в отношении других категорий заключенных — от грабежа до изнасилований и убийств. Автор отмечает, что рассказы о подобных случаях распространялись в виде слухов и таким образом оказывали воздействие даже на тех заключенных, которые лично с этим не сталкивались. Поскольку для впервые осужденных к лишению свободы именно этап являлся первым столкновением с пенитенциарной системой, унижение сокамерников в период транспортировки во многом обеспечивало рецидивистам привилегированное положение и непосредственно в лагерях.

Переходя в последующих главах к рассмотрению лагерного быта как такового, автор в первую очередь анализирует социальную составляющую уголовной субкультуры. В третьей главе книги показана ее нормативная основа, включая иерархию различных групп заключенных, гендерные отношения и собственно «воровской закон» как систему неформальных правил и норм (Винсент оговаривает, что в описываемый период эти нормы еще не были столь изощренными, как более поздние «понятия», применявшиеся среди «воров в законе» уже после Второй мировой войны). В конкретных практиках, которые описываются в четвертой и пятой главах, автора также интересует прежде всего их социальная составляющая. Так, татуировки, особенно популярные именно

среди рецидивистов, выполняли помимо прочего важную коммуникативную функцию, описывая биографию своего владельца и составляя тем самым его своеобразный визуальный «паспорт» (что было особенно актуально в описываемый период, когда многие заключенные были еще неграмотными). Сходное значение имел и тюремный жаргон, свободное владение которым подчеркивало социальный статус человека в блатной среде.

Карточные игры, как показано в пятой главе, также были не просто одним из способов разнообразить монотонные тюремные или лагерные будни. Поскольку такие игры запрещались правилами внутреннего распорядка, регулярное нарушение этого запрета давало заключенным своеобразную возможность обеспечить себе ограниченное пространство свободы в предельно несвободном мире ГУЛАГа. Для рецидивистов участие в играх, специфичных для блатной среды, было одним из способов поддержания своего статуса. Кроме того, карточные игры были тесно интегрированы и во внутреннюю экономику бараков и камер, и в социальную структуру «спецконтингента». Изготовление игровых карт из подручных материалов требовало соответствующих навыков и могло стать источником нелегального заработка. Традиции уголовного мира требовали своевременной уплаты карточных долгов и предусматривали наказание (подчас довольно жестокое) за нарушение этого правила. «Карточные» ассоциации встречались в самых разных областях лагерного обихода (термин «шестерка», татуировки в виде червей и бубен как знак «опущенного» и т.д.). В то же время карточные игры могли провоцировать насилие со стороны блатных в отношении других лагерников: известны случаи, когда рецидивисты, проигравшие собственное имущество, ставили на кон чужие вещи, а также половую неприкосновенность и даже жизнь заключенных, не принадлежавших к их среде.

Описывая в шестой главе систему неформальных «воровских судов» и наказаний за нарушение традиций, автор отмечает среди прочего характерную «театральность» этих акций, представлявших собой своеобразное «кривое зеркало» официальной советской юстиции в сталинскую эпоху с ее открытыми процессами, особым значением, придававшимся признанию вины подсудимыми, и т.д. Отдельный параграф посвящен конфликтам между лагерниками, резко обострившимся после окончания Второй мировой

войны. Конфликты среди рецидивистов приняли форму «сучьей войны» между группировками заключенных, сотрудничающих с администрацией, и их оппонентов, отвергавших такое сотрудничество. Винсент оговаривается, однако, что история этого противостояния довольно сильно мифологизирована (в том числе в тюремном фольклоре). Кроме того, период послевоенного сталинизма отмечен многочисленными конфликтами между рецидивистами и другими категориями заключенных; этому способствовали аресты большого количества бывших фронтовиков.

В книге имеются ошибки, включая не только мелкие опечатки (такие как употребление слова *morality* «нравственность» вместо *mortality* «смертность») или неверный перевод названия Китай-город как *Chinatown*, но и фактологические неточности. Так, в разделе «Эволюция сталинского ГУЛАГа» во введении упоминается, что «в течение 1930-х годов ежегодно умирали предположительно около полумиллиона заключенных (или около 5% от общего количества)»¹. В монографии Дж. Харди, на которую в данном случае ссылается автор, говорится о том, что «в 1930-е годы ежегодно умирало около 5% советских заключенных, что составило по меньшей мере полмиллиона смертей»², т.е. около 500 тыс. погибших – это суммарные цифры за все десятилетие. Сам Винсент чуть выше пишет, что «население» лагерной системы в начале 1930-х годов насчитывало около 190 тыс. человек; после создания ГУЛАГа число заключенных стало быстро расти, достигнув миллиона к середине десятилетия и двух миллионов – к концу 1930-х годов, после Большого террора. Таким образом, полмиллиона погибших ежегодно – это явная опечатка, но подобные опечатки заметно смазывают общее впечатление от прочитанного; более тщательная редактура в случае с книгой Винсента явно была бы нелишней.

Тем не менее в целом работа выглядит весьма добротной, хотя и немного поверхностной. Хочется надеяться, что автор продолжит более подробное и глубокое исследование выбранной проблемы.

¹ При написании рецензии использовалась электронная версия книги без сохранения оригинальной пагинации.

² Hardy J. *The Gulag after Stalin: redefining punishment in Khrushchev's Soviet Union, 1953–1964.* – London : Cornell univ. press, 2016. – P. 13.

УДК 94(430).085–087; 94(47).084–... DOI: 10.31249/hist/2023.02.10

ЛЮБИН В.П.* Рец. на кн.: ХАВКИН Б., БОЖИК К. РОССИЙСКОЕ ЗЕРКАЛО ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИИ. XX век. – Москва : Новый Хронограф, 2021. – 324 с., ил.

Ключевые слова: российско-германские связи в XX в.

Keywords: Russian-German relations in the twentieth century.

Для цитирования: Любин В.П. Рецензия // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 2. – С. 197–203. Рец. на кн.: Хавкин Б., Божик К. Российское зеркало германской истории. XX век. – Москва : Новый Хронограф, 2021. – 324 с., ил. DOI: 10.31249/hist/2023.02.10

В монографии д-ра ист. наук, проф. РГГУ Б.Л. Хавкина и канд. ист. наук, доцента МГЛУ К.Б. Божик рассмотрены сюжеты российской и германской истории и российско-германские связи в XX в. Авторы посвятили ее «светлой памяти доктора исторических наук, профессора Ильи Семеновича Кремера (1922–2020)». Даются очерки важных эпизодов и портреты некоторых известных исторических деятелей, определявших ход этих связей в XX в. 1–10 главы написаны Б.Л. Хавкиным, лишь заключительная 11 – К.Б. Божик.

В рецензируемой книге по сути дела продолжено не прекращавшееся в отечественной историографии все последние десятилетия изучение тематики российско-германских и советско-германских отношений. В этом смысле много было сделано созданной в 1997 г. правительствами двух стран и сообществом ис-

* Любин Валерий Петрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам Российской Академии наук (ИНИОН РАН), e-mail: valerij.ljubin@gmail.com

следователей Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. Она ведет весьма плодотворную работу по изданию архивных документов, устраивает ежегодные встречи, поочередно в России и ФРГ, для сверки и корректировки проводимой работы, организует научные colloquia по острым проблемам взаимоотношений. Результатом встреч стали издания трудов Комиссии, сборников работ исследователей по новейшей истории взаимоотношений двух стран¹. В настоящее время ведется подготовка к полной публикации этих двуязычных сборников в электронном виде.

Хотя рецензируемая книга вышла в 2021 г., некоторые тезисы авторов звучат в настоящее время весьма актуально. Однако в свете происходивших на протяжении 2022 г. событий не все приведенные высказывания историков и обществоведов обеих стран представляются уместными и оправданными.

Во Введении авторы указывают: «При всех различиях между Россией и Германией их история за последние три века тесно переплеталась, давая миру высочайшие примеры взаимного притяжения и отталкивания – от “сходств судеб” до двух мировых войн XX в., в которых немцы и русские сошлись в смертельной борьбе. При этом обе страны старательно искали свои “особые пути”. Поиски “особых путей” занимают важное место в исторической памяти России и Германии» (с. 6).

Освещению данных путей и того, что с этим напрямую связано, посвящена первая глава книги: «“Особые пути” России и Германии, их отражение в культуре памяти» (с. 8–23). Автор пытается проанализировать, как новомодное понятие «культура памяти», изобретенное и широко используемое в последнее время обществоведами (причем не столько профессиональными историками, сколько философами, социологами, культурологами и т.п.²), применяется в освещении российско-германских отношений XX в.

¹ См., например: Ljubin V. Russland und Deutschland im Kampf um Italien, 1900–1915 // Der Erste Weltkrieg. Deutschland und Russland im europäischen Kontext. Mitteilungen der Gemeinsamen Kommission für Erforschung der jüngeren Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen. – Berlin ; Boston : De Gruyter Oldenbourg, 2017. – S. 56–67.

² В качестве примера приведу подготовленную в ИНИОН коллективную монографию «Политика памяти в России в XXI в. Региональное измерение» (в печати).

Высказавшись вначале о происхождении и различной интерпретации современными историками так называемого пакта Молотова – Риббентропа 1939 г. и обращаясь далее к «Спору историков» в Германии, начатому в 1986 г., Хавкин приводит тезисы одного из зачинателей данного «спора» А. Хильгрубера, высказанные им в книге «Двойной закат. Крах германского рейха и конец европейского еврейства». В трактовке кёльнского историка, отмечает автор, в свое время немало сделавшего для выявления преступного характера агрессии Германии против СССР, гитлеровский режим приобретал маску «защитника Запада» от «азиатских орд». Хильгрубер утверждал, что германская армия «самоотверженно сражаясь на Востоке», «спасала население рейха» и всей Европы от «большевистского потопа», а поражение Третьего рейха, по его словам, оказывалось «поражением Европы» (с. 43). В нынешнем дискурсе, распространенном в Германии и странах ЕС, звучат очень сходные ноты.

Тут следовало бы добавить, что в ходе этого спора профессиональное сообщество немецких историков и – шире – всех обществоведов оказалось резко поделенным надвое. «Одновременно предпринимались попытки пересмотреть происхождение Второй мировой войны и геноцида по отношению к еврейскому населению Европы» (с. 42). Самой заметной фигурой «правого» лагеря оказался историк и философ Э. Нольте¹, а «левого» – философ Ю. Хабермас. Хавкин замечает, что «честь немецкой интеллигенции была спасена философом Юргеном Хабермасом», опубликовавшим статью об «апологетических тенденциях» в немецкой ис-

¹ О его взглядах см., например: Любин В.П. Изучение тоталитаризма: вклад Эрнста Нольте // Полития. – 2007. – № 1(44). – С. 126–138. Он высказывал их также и в нашей с ним переписке, относящейся к 1990–2010-м годам, наше первое знакомство состоялось в августе 1970 г. на Международном конгрессе историков в Москве, оно продолжалось до его ухода из жизни в 2016 г. Взгляды Нольте представлены и в изданной на многих языках полемической переписке между ним и французским историком Ф. Фюре, специалистом в том числе и по советскому периоду истории России: Furet F., Nolte E. Fascisme et Communisme: échange épistolaire avec l'historien allemand Ernst Nolte prolongeant la Historikerstreit. – Paris : Plon, 1998. – 143 p. Эта тематика была характерна для переломной эпохи рубежа XX и XXI вв., когда многие обществоведы пытались приравнять все тоталитарные режимы, оставившие след в истории XX в.

ториографии. Его поддержали историки М. Броскат, Х. Моммзен, Ф. Фишер, Х. Зонтхаймер и др.

В последующих главах – «Александр Парвус между Россией и Германией», «Германия и судьба царской семьи в 1917–1918 гг.», «Как речь Гитлера перед германскими военачальниками от 3 февраля 1933 г. оказалась в Коминтерне», «Письма Эрнста Тельмана И.В. Сталину и В.М. Молотову 1939–1941 гг.», «Проект Биробиджан и план “Мадагаскар”», «Советско-германские документы 1939–1941 гг. в исторической памяти» – представлены авторские оценки эпизодов российско-германской истории 1917–1941 гг., деятельности руководителей двух стран, их политиков и дипломатов (с. 54–210), до сих пор вызывающих интерес историков.

Характеризуя одного из «героев» этих очерков, Парвуса (И.Л. Гельфанда), состоявшего в старейшей партии Германии и Европы – СДПГ, Хавкин пишет о нем: «Звездный час Парвуса наступает с началом Первой мировой войны. Он ратует за победу Германии, так как это должно привести к революции сначала в России, а затем и мировой революции» (с. 60). По Парвусу, победа в Германии над Россией была бы в интересах европейского социализма, это необходимо для свержения царского режима революционным путем. «Торжество социализма может быть достигнуто только победой Германии над Россией, так как только Германия является носителем высокой культуры» (там же). С резкой критикой его взглядов выступили в немецкой и российской социал-демократии Р. Люксембург, Ю. Мархлевский, Л. Троцкий. В 1915 г. цели кайзеровской Германии, добивавшейся выхода России из войны, и Парвуса, разжигавшего в России революционный пожар, совпали, пишет Хавкин.

По итогам беседы со статс-секретарем германского МИД Г. фон Яговым Парвус представил меморандум на 20 страницах, план «свержения самодержавия в России и расчленения ее на несколько государств» (с. 62). Парвус предлагал: 1) оказать поддержку партиям, борющимся за революцию в России, прежде всего, большевикам и националистическим сепаратистским движениям, 2) вести в России антиправительственную пропаганду, 3) организовать в прессе международную антироссийскую кампанию. Среди прочего план предписывал «послать агентов в Сибирь со специальным заданием по взрыву железнодорожных мостов» (там

же). По Парвусу, надо было организовать «техническую подготовку к восстанию в России», для этого предлагался «перечень неотложных финансово-технических мероприятий» (с. 63–64). Ягов уже в марте 1915 г. запросил у правительства «для поддержки революционной пропаганды в России» 2 млн марок (с. 65). Как подчеркивает Хавкин, «ленинский лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую – суть плод программы Парвуса. Только Парвус говорил о 5–10 млн. германских марок на русскую революцию, а вышла в конечном счете цифра намного большая» (с. 65–66). Немецкий социал-демократ и ярый критик Ленина Э. Бернштейн приводит цифру 50–60 млн золотых марок, цифру в 50 млн дает английский историк Р. Кларк (с. 66).

Периоду войны СССР с Германией 1941–1945 гг. посвящены две главы: «Национальный комитет “Свободная Германия” и попытка создания германского антигитлеровского правительства на территории СССР», «Спротивление в рядах вермахта на Восточном фронте и генерал Хенниг фон Тресков» (с. 211–287). Послевоенному периоду авторы посвятили всего две главы: «Берлинское жаркое лето 1953 г.», принадлежащую перу Хавкина, и «Горбачёв и германский вопрос», написанную К. Божик (с. 288–345). В заключении обобщены рассмотренные проблемы и сделаны выводы.

Уже во время первого официального визита канцлера Г. Коля в Москву 28 октября 1988 г. их беседа с М.С. Горбачёвым была, по замечанию историков А. А. Галкина и А.С. Черняева (советника Горбачёва в период перестройки), «доверительной», «свободной от враждебности, идеологической престрелки, двоемыслия и лукавства» (с. 328). Принципиальные перемены в советско-западногерманских отношениях связаны с визитом М.С. Горбачёва в Бонн в июне 1989 г., когда оба лидера общались «с максимальной открытостью». Был заключен ряд соглашений. Одновременно, пишет автор, в «застывшем политическом пейзаже» ГДР «все сдвинулось с места» (с. 333). С 4 сентября 1989 г. в Лейпциге начались организованные «неформальными демократическими структурами и поддерживаемые религиозным сообществом» антиправительственные демонстрации (с. 336).

45 лет раскола страны не создали в обоих государствах объединительного движения. Но в связи с переменами в Советском Союзе в середине 1980-х годов общество в Германии, особенно в

ГДР, пришло в движение. «В отношении крупных западных держав к объединению Германии прослеживается контраст между лицемерной гласной поддержкой объединения и попытками за кулисами событий притормозить начавшийся процесс», – справедливо утверждает Божик (с. 344).

В вопросе объединения Германии советское руководство, по ее мнению, не проявило необходимой твердости в отстаивании интересов своей страны. Возобладали «перестроечные тенденции», желание выйти из системного кризиса путем поспешных шагов навстречу западным партнерам и новым возможностям. Эти намерения сочетались с неумением Горбачёва сопрячь переоценку ценностей и масштабные уступки (отчасти, несомненно, вынужденные) с защитой стратегических интересов СССР (там же). «В спешном решении германского вопроса путем выбора в пользу диалога Москвы и Бонна и невмешательства СССР в события в ГДР отразился глубокий кризис советской системы. Эта система изначально создавалась в условиях радикального противостояния несоветскому миру. В конечном счете малая способность к компромиссу, заложенная в основе советской системы, ее идеологическая ангажированность, закрытость, абсолютная негибкость в координатах “свой – чужой” стала одной из главных причин ее крушения и тяжелого геополитического поражения СССР» (с. 344–345). В год столетия образования СССР эти авторские оценки звучат уместно и весьма злободневно.

«Что же мы увидели в российском зеркале германской истории?» – спрашивают авторы в заключение. И отвечают: «В нем отражается драматическая история взаимного притяжения и отталкивания, дружбы и вражды, мира и войн, схождения и противоположности судеб. Картину эту можно вслед за российским историком-германистом Н.В. Павловым назвать “Россия и Германия: Несостоявшийся альянс”¹» (с. 346).

¹ Павлов Н.В. Россия и Германия. Несостоявшийся альянс (история с продолжением). – Москва : Аспект Пресс, 2017. – 558 с. См.: Любин В.П. [Реф.] // РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2018. – № 2. – С. 188–193. – Реф. кн. : Павлов Н.В. Россия и Германия. Несостоявшийся альянс (история с продолжением). – Москва : Аспект Пресс, 2017. – 558 с.

Как заключают Хавкин и Божик, «к сожалению, или может быть, к счастью, в XX – начале XXI в. русско-германский альянс так и не состоялся... Эйфория конца 1980 – начала 1990-х годов сменилась глубоким разочарованием. Если Германия объединилась, то СССР, так много сделавший при Горбачёве для ее объединения, распался. Особые отношения с Россией перестали приносить прежний политический эффект» (с. 346).

К счастью, российско-германский диалог историков продолжается, германская история, как и прежде, отражается в российском зеркале, и мы видим в этом отражении самих себя. Но выход из исторических тупиков «особых путей», ни свой – российский, ни чужой – германский – недостаточно востребован в современной России, считают авторы (с. 347).

Монография Хавкина и Божик, насыщенная интересными сюжетами, ранее недостаточно разработанными как в отечественной, так и в немецкой историографии, и столь же интересными авторскими интерпретациями рассмотренных проблем, вносит несомненный вклад в изучение российско-германских отношений в XX – начале XXI в.

РЕФЕРАТЫ

ВОССТАНИЕ В ТЮМЕНИ 13 МАРТА 1919 ГОДА. СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ / сост. и науч. ред. М.И. Вебер. – Екатеринбург : УрО РАН, 2022. – 272 с.

Ключевые слова: Гражданская война в Сибири; Тюменское восстание 1919 г.; антивоенные выступления.

Keywords: The Civil War in Siberia; the Tyumen Uprising of 1919; anti-war demonstrations.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 2. – С. 204–206. Реф. кн.: Восстание в Тюмени 13 марта 1919 года. Сборник документов / сост. и науч. ред. М.И. Вебер. – Екатеринбург : УрО РАН, 2022. – 272 с.

По мнению автора-составителя М.И. Вебера, восстание в Тюмени – одно из значительных событий Гражданской войны в Сибири. В сборнике впервые приведены документы о восстании новобранцев колчаковской армии 13 марта 1919 г. Сборник состоит из введения, документов и приложения, в котором приводятся отрывки из эго-документов людей, переживших это восстание; доклад помощника – заместителя Управляющего Тобольской губернией К.Ф. Копачелли; очерк «13 марта 1919 г.». Автор очерка скрылся под псевдонимом Кир. Ен-ский. Вебер не исключает того, что это мог быть А.Ф. Керенский.

Краткий обзор историографии этого события показывает, что к нему был интерес в 1920-е годы, а в 1960-е тюменский историк П.И. Рощевский обратился к этой теме, написал монографию, также выпустил сборник документов и материалов. В 2019 г. тюменские историки И.В. Скипина и С.Н. Щербич издали мемуары П.А. Россомахина – очевидца и участника событий. Так что можно

констатировать, что имеющиеся несколько работ о восстании в Тюмени основаны на небольшом круге источников, опубликованных еще в 1920-е годы. Данный сборник документов и материалов призван заполнить эту лакуну. Представлены как архивные документы (например, отчеты военачальников, подавлявших восстание, материалы дознания о внесудебных расстрелах, приговоры военно-полевого суда и т.п.), так и газетные публикации и др. 65 документов впервые вводятся в научный оборот, вдобавок к этому приводятся еще 11 документов, изданных в 1920-е годы.

Главной причиной восстания Вебер называет усталость населения от Первой мировой войны и антивоенные настроения. В 1918 г. это учитывалось, и призывалась молодежь, еще не участвовавшая в войне. Но нехватка военнослужащих вынудила правительство Колчака в 1919 г. пойти на непопулярные меры и призвать тех, кто отслужил свое в мировую войну. Эта инициатива вызвала активное и пассивное сопротивление как призывников, так и жителей городов. Импульсом, давшим начало восстанию, стала плохая организация мобилизации. Призывники часами на морозе ждали поезда, который должен был отвести их в Тюмень. А затем в самом городе также несколько часов ждали на улице, на холоде медицинского освидетельствования. Вдобавок призывникам не выдавали ни обмундирования, ни оружия. Размещены они были в ночлежном доме и в магазине Бардыгина. Вход и выход из зданий был свободным, никаких военных учений не проводилось, зато приходили агитаторы.

Восстание не было организованным, это был стихийный бунт людей – ответ на безалаберность организаторов мобилизации в городе. 13 марта терпение мобилизованных кончилось и кто-то из них призвал идти к складам захватить оружие. Но и оно оказалось частично негодным: патроны не подходили к имевшимся ружьям. Нашлось только пятьдесят пригодных винтовок. Восставшие разделились на три группы: одни пошли в тюрьму освобождать заключенных, другие в концентрационный лагерь, а третьи направились к заводам, чтобы привлечь на свою сторону рабочих.

Причинами поражения восстания Вебер считает его стихийный характер, небольшое количество восставших, которым противостояли профессиональные военные. В городе были расположены

военные школы и расквартированы несколько воинских частей. Против примерно 800 неопытных и необученных, плохо вооруженных восставших выступило около 1300 солдат тюменского гарнизона. К тому же им помогали милиционеры, которых насчитывалось около 200. Еще одним фактором поражения восстания стало то, что оно не было внезапным. Утром 12 марта 1919 г. все воинские части были приведены в состояние повышенной боевой готовности, на телеграфной и телефонной станции были установлены офицерские посты.

Восстание было подавлено. В историографии приводятся разные сведения о погибших. Одни пишут, что по приговору военно-полевого суда около 500 человек было расстреляно, из них 30 большевиков, находившихся в то время в тюрьме. Однако в современной историографии приводятся меньшие цифры. К тому же есть документ – телеграмма начальника гарнизона Главному начальнику Тюменского военного округа, в которой говорится о 28 погибших именно в ходе перестрелок.

После подавления восстания колчаковцами было арестовано 567 человек, впоследствии их количество возросло до 800. Была создана следственная комиссия и сохранились документы ее работы. Как показывают документы, расстрелы арестованных не носили массовый характер, некоторые были осуждены на бессрочную каторгу, некоторые оправданы.

Подавив восстание, колчаковские военачальники сравнительно легко снова организовали мобилизацию тех, кто воевал в мировую войну, но это не помогло переломить ситуацию на фронте. При первой же возможности тюменцы либо переходили на сторону красных, либо дезертировали.

*Ю.В. Дунаева**

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), e-mail: jvd14@inbox.ru

АНАРХИСТСКИЕ ДВИЖЕНИЯ РОССИИ И РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ. 1922–1941 гг. / Д.И. Рублев (сост.). – Москва : Политическая энциклопедия, 2021. – 807 с. – (Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в. Документальное наследие).

Ключевые слова: анархизм в СССР, 1920–1940-е годы; анархизм и русское зарубежье.

Keywords: Anarchism in the USSR, 1920s-1940s; anarchism and the Russian Diaspora.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 2. – С. 207–210. Реф. кн. : Анархистские движения России и Русского Зарубежья : Документы и материалы. 1922–1941 гг. / Д.И. Рублев (сост.). – Москва : Политическая энциклопедия, 2021. – 807 с. – (Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в. Документальное наследие).

Публикуются документы, посвященные последнему этапу анархистских движений в СССР. Большая часть материалов и документов впервые вводится в научный оборот. Также приводятся статьи и другие материалы из опубликованных изданий: книг, газет и брошюр, издававшихся анархистами. Используются фонды из архивов разных стран: РГАСПИ, ГА РФ, РГАЛИ, Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Центрального государственного архива истории политических движений (СПб), Центрального архива Нижегородской области, Центрального архива общественных объединений Украины, Архива Международного института социальной истории (Амстердам), коллекции Джо Лабади библиотеки специальных коллекций Минчиганского университета (США).

Сборник открывает предисловие, которое состоит из трех частей: 1) «Анархистское движение России (вторая половина XIX – начало XX в.)»; 2) «Анархистское движение в СССР и эмиграции (1922–1941)»; 3) «Археографический раздел».

Термин «анархизм» впервые использовал французский мыслитель П.-Ж. Прудон (1809–1865). Анархисты, пишут авторы сборника в предисловии, призывали к ликвидации институтов власти и замене их свободным объединением людей. Немецкий философ М. Штирнер (1806–1856) считается основателем анархо-индивидуализма. В США ярким представителем анархо-индивидуализма был Б. Такер (1854–1939). В Российской империи, как пишут авторы, было трое мыслителей, разделявших идеи анархизма. Прежде всего речь идет об основоположнике анархического коллективизма М.А. Бакунине (1814–1876), создателе идеологии анархо-коммунизма П.А. Кропоткине (1842–1921) и представителе, как его охарактеризовали авторы, пацифистского, христианского анархизма Л.Н. Толстом (1828–1910).

В Российской империи первые организованные сообщества анархистов появились в начале XX в. на фоне массового подъема общественных и политических движений. Первая организация анархистов была создана в конце 1902 г. – начале 1903 г. в Белостоке (Гродненская губерния).

Анархисты принимали активное участие в революции 1905 г., они не только распространяли листовки и прокламации, но и участвовали в боевых действиях. В годы мировой войны анархисты раскололись: часть поддерживала правительства стран Антанты, другие выступали за прекращение военных действий.

Во время Великой российской революции 1917–1922 гг., продолжают авторы сборника, анархисты впервые получили возможность открытой политической деятельности. Некоторые анархисты работали в Советах. Однако дальнейшее развитие революции раскололо и без того неоднородное анархистское движение. Одни выступали против курса большевиков, другие во время Гражданской войны сражались на их стороне.

У анархистов отношения с советской властью были разными, часть, так называемые советские анархисты, были лояльны к новой власти, часть непримиримо сражалась с ней. В те годы анархисты были значительной политической силой, что не могло

не вызвать опасений власти большевиков. Постепенно отношения между ними ухудшились. Новая власть стала ограничивать политическую роль анархистов, были разогнаны их организации, закрывались печатные органы. Кульминацией стала проведенная ВЧК операция по разоружению анархистских отрядов в Москве и других городах и районах страны.

Некоторые активисты анархического движения (В.М. Волин, Г.В. Голик и др.) были высланы из страны на так называемом анархистском пароходе. Другие добровольно покинули страну, рассеявшись по всему миру от Германии до стран Латинской Америки, от Парижа до Харбина.

«Изгнание или отъезд многих лидеров анархистского движения Советской России сильно изменило его состав, но в то же время усилило позиции анархистской эмиграции, пополнившейся плеядой талантливых организаторов, теоретиков и пропагандистов. Именно эти люди будут авторами книг и статей, в которых сделают достоянием общественности анархистский взгляд на историю Великой российской революции. Именно они станут популяризаторами махновщины, создав этому движению всемирную известность» (с. 12).

Что касается эмиграции, то она не сплотила, а напротив, усилила разногласия в анархистском лагере. В сборнике представлены соответствующие материалы. Основным дискуссионным вопросом была оценка революции 1917 г. и Гражданской войны. Также были и идейные разночтения внутри анархистского сообщества, которое выплеснулось на страницах эмигрантской анархистской печати. Приводятся статьи из изданий, показывающие разные политические мнения о состоянии и перспективах анархизма в эмиграции.

В годы советской власти анархизм пережил несколько этапов. Первый этап (1922) – это время уменьшения активности анархистов, обусловленное репрессиями по отношению к их лидерам. Второй этап (конец 1922 – 1926 г.) – время пересмотра некоторых доктрин анархизма, подпольное издание журналов, активизация деятельности анархистов, направленной на установление контактов с антибольшевистскими силами. Третий этап (1926–1941) – время затихания деятельности анархистов, вызванное усилением советской власти и проводимыми репрессиями. Хотя некоторые

анархисты пытались легально работать, например в музее имени П.А. Кропоткина. Много анархистов было репрессировано в годы Большого террора.

Вторая мировая война существенно изменила положение анархистов-эмигрантов. Многие оказались в концентрационных лагерях, те же, кто эмигрировал в страны Америки, продолжали свое дело, в частности выпуская журнал «Дело труда – Пробуждение» (просуществовал до 1966 г.).

Документы и материалы собраны в пять разделов, максимально подробно представляющие историю анархизма в нашей стране и за рубежом. Первый раздел – «Легальная деятельность анархистов в СССР (конец 1921 – 1927 гг.)» состоит из двух частей. В первой части представлены документы и материалы о легальной деятельности анархистов; во второй части представлены материалы из анархистской публицистики. Второй раздел – «Борьба анархистов в подполье» охватывает 1922–1934 гг. В нем опубликованы, например, документы о создании и деятельности подпольных групп, действующих в разных городах страны. В третий раздел «Борьба анархистов против политических репрессий в СССР» собраны документы, показывающие помощь свободных анархистов, отечественных и эмигрировавших, своим арестованным соратникам. Речь шла не только о призывах к властям амнистировать арестованных, но также и об оказании материальной поддержки, в том числе и из-за рубежа.

Документы и материалы четвертого раздела повествуют об участии анархистов, отказавшихся от своих политических взглядов и участвующих в антианархистских кампаниях. «Лица, о которых идет речь в данном разделе, активно использовались советскими спецслужбами, руководством ВКП(б) и Коминтерна для работы по разложению международного анархистского движения» (с. 29).

И завершается книга материалами, показывающими ситуацию в анархистской эмиграции 1920–1940-х годов, а также идейную борьбу на страницах эмигрантских анархистских изданий.

*Ю.В. Дунаева**

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), e-mail: jvd14@inbox.ru

ТУЗ А. ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП. ВЕЛИКАЯ ВОЙНА И ПЕРЕУСТРОЙСТВО МИРОВОГО ПОРЯДКА, 1916–1931 гг. / пер. с англ. А. Гуськова ; под науч. ред. Е. Антоновой. – 3-е изд., испр. – Москва : Изд-во ин-та Е. Гайдара, 2021. – 637 с.

Ключевые слова: Первая мировая война; Вашингтонская морская конференция 1921–1922 гг.; Локарнская конференция 1925 г.; Версальский договор 1919 г.; создание Лиги Наций; В. Вильсон; Г. Гувер.

Keywords: First World War; Washington Naval Conference 1921–1922; Locarno Conference 1925; Treaty of Versailles 1919; creation of the League of Nations; W. Wilson; H. Hoover.

Для цитирования: Стрельцов А.Д. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 2. – С. 211–218. Реф. кн. : Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 гг. / пер. с англ. А. Гуськова ; под науч. ред. Е. Антоновой. – 3-е изд., испр. – Москва : Изд-во ин-та Е. Гайдара, 2021 г. – 637 с.

Джон Адам Туз – английский историк, профессор Колумбийского университета и иногородний стипендиат Европейского центра пожертвований в пользу международного мира Карнеги. Ранее – автор лекций по истории XX в. в Кембриджском университете и стипендиат Герни Харт по истории в колледже Иисуса в Кембридже.

В реферируемой работе предлагается совершенно новый взгляд на начало Первой мировой войны, особое внимание сосредоточено на последних годах конфликта и его последствиях вплоть до Великой депрессии.

Во введении автор сравнивает значение Первой мировой войны со Всемирным потопом, результатом которого стал «перелом» мирового порядка. Новый глобальный мир был построен на

основе двух великих региональных договоров: Европейский пакт о мире, начало которому было положено в Локарно в октябре 1925 г., и ранее на Тихоокеанских договорах, подписанных на Вашингтонской морской конференции зимой 1921–1922 гг. (с. 22).

Автор отмечает, что на Вашингтонской конференции члены закрытого клуба собрались, чтобы утвердить новый мировой порядок. Список великих держав возглавляли Британия и США, получившие равный статус как единственные державы, присутствующие в Мировом океане. На третьем месте оказалась Япония, которой позволялось действовать лишь в одном, Тихом, океане. Зона морского влияния Франции и Италии ограничивалась прибрежными водами Атлантического океана и Средиземным морем. Германия и Россия даже не рассматривались в качестве участников конференции (с. 32).

Автор считает, что стратегия США, обеспечившая им возвышение и статус мировой державы, отличалась и от стратегии старых держав, таких как Британия и Франция, и от стратегии недавно возникших новых конкурентов, таких, как Германия, Япония и Италия. Появившись на мировой арене в конце XIX в., Америка быстро осознала свою заинтересованность в прекращении напряженного мирового соперничества, которое начиная с 1870-х годов определяло новый век мирового империализма. Америка будет следить за тем, чтобы доктрина Монро выполнялась. Но при этом она сможет прекрасно обойтись без разнородных и беспокойных колоний (с. 35–36). Американская стратегия была направлена на подавление империализма, под которым понималось эгоистичное и жесткое противостояние Франции, Британии, Германии, Италии, России и Японии, которое несло угрозу разделения единого мира на отдельные сферы интересов (с. 37).

Президент В. Вильсон стремился к роли мирового арбитра для США, обеспечению свободы морей и ликвидации дискриминации в торговой политике. Он хотел, чтобы Лига Наций положила конец соперничеству империй. Это была антивоенная, постимпериалистическая повестка для страны, убежденной в том, что она в шаге от мирового господства, которое достижимо применением мягкой силы – экономики и идеологии (с. 37).

В первой части автор рассказывает о том, как Великобритания и Франция брали большое количество кредитов у США, и по-

следние стали крупнейшим мировым кредитором. Поскольку Великобритания брала займы в собственной валюте, а затем их отдавала с помощью эмиссии, то после войны ее захлестнула волна гиперинфляции (с. 64–65).

Автор считает, что война стала могилой русской демократии, только зародившейся после Февральской революции. Временное правительство, оказавшееся у власти в марте 1917 г., решило продолжать войну с Германией, и это в конечном итоге, по мнению автора, привело к его краху.

Далее был Брестский мирный договор, который, по мнению автора, вошел в историю как наглядный символ неумеренных притязаний германского империализма и в то же время непреклонной решимости Ленина добиться мира (с. 149). Условия договора были безжалостными (для российской стороны), но лишь незначительная часть территории, которую уступала Россия, отходила непосредственно к Германии. В результате Брестского договора рождались предшественники прибалтийских государств в их современной форме, независимая Украина и закавказские республики (с. 150).

Автор отмечает, что игроки, которые вели переговоры в Брест-Литовске, имели диаметрально противоположные взгляды и были готовы согласиться друг с другом лишь в вопросе об исторической оправданности применения силы. Троцкий и генерал Макс Гофман совместными усилиями прекратили переговоры (с. 171–172). После этого большевики прибегли к стратегии затягивания переговоров. Ленин хотел заключить мир любой ценой, но Троцкий предложил свою формулу: «ни мира, ни войны». С его подачи Россия просто объявила о прекращении переговоров и об одностороннем выходе из войны. Троцкий рассчитывал не на революцию в Германии, а на то, что большинство в рейхстаге сумеет предотвратить возобновление военных действий.

В ответ германские войска начали продвижение вглубь России. Ленину с большим трудом удалось убедить членов ЦК проголосовать за мир с Германией. Далее наступил так называемый разделенный мир: Великобритания и Франция стали думать, как восстановить Восточный фронт. Германия оккупировала значительную часть России. США рассматривали большевиков как своих противников, но одновременно стремились не допустить уси-

ления Японии, которая надеялась поставить под свой контроль часть Сибири и усилить свое влияние в Юго-Восточной Азии. Ленин тем временем высказался за экономическое сотрудничество с Германией. Далее все более очевидный союз Ленина с Германией предоставлял все более убедительные доводы сторонникам интервенции западных стран в революционную Россию. Автор отметил, что режим большевиков, одиозный сам по себе, пошел на союз с германским милитаризмом и абсолютизмом (с. 225).

Вторая часть данной работы посвящена победе демократических стран над Германией. Автор описал нарастание революционных настроений во Франции и Италии. Вместе с тем Германии в кампании 1918 г. не удалось переломить ход военных действий и нанести поражение Антанте. Важно отметить, что Британия смогла выйти из конфликта, почти полностью сохранив свою политическую систему и добившись выполнения большинства стратегических задач. Однако в дальнейшем ей пришлось столкнуться с новыми вызовами, такими как освободительное движение в Индии. Вице-король Индии лорд Керзон предложил компромисс: Индии следует обещать не самоуправление, не самоопределение, а «более полную реализацию ответственного управления» (с. 245).

Интересно, что, по мнению Ленина, в Германии зародилась такая форма капитализма, которая станет краеугольным камнем социалистического будущего. Вальтер Ратенау стал представителем новой капиталистической формации, предусматривавшей гармоничное взаимодействие корпораций с государственной властью. Однако в ноябре 1918 г. плановая экономика Германии уступила другой экономической концепции – модели «демократического капитализма». Сердцевиной военной экономики демократических стран стала многообещающая экономическая мощь США (с. 261–262).

Далее автор отметил огромное значение экономической помощи США странам Антанты. Начиная с 1915 г. Уолл-стрит направили в Лондон, Париж и Рим огромные займы. Именно прямое финансирование за счет государственного кредитования США позволило Антанте добиться хотя и незначительного, но имевшего жизненно важное значение преимущества над Германией (с. 269). Первая мировая война привела к тому, что США превратились в основную силу мировой экономики. В своей борьбе за разгром

Германии Антанта вступила в беспрецедентный период зависимости от США (с. 275).

Третья часть книги посвящена Версальскому мирному договору и озаглавлена «Несостоявшийся мир». Президент Вильсон, находившийся в Британии, заявил, что Америку интересует «мир во всем мире» (с. 325). Когда в начале декабря американский военный корабль «Джордж Вашингтон» с направлявшимся в Европу президентом на борту пересекал Атлантику, отношение к старому континенту в близких к Вильсону кругах было жестким. Вильсон яростно поносил планы Франции, Великобритании и Италии «вывести из Германии все», что возможно. Он говорил приближенным журналистам, что его заявление о том, что это должен быть «мир без победы», сегодня важнее, чем когда бы то ни было (с. 327).

Президента Франции Клемансо больше всего тревожило, что идея создания Лиги Наций позволит Британии и США уйти в самодостаточную изоляцию, оставив Францию в одиночестве. Поэтому французские республиканцы настаивали на том, что Лига должна стать многосторонним демократическим союзом с широкими полномочиями по обеспечению коллективной безопасности (с. 328). Ллойд Джордж считал, что Лига Наций как организация, обеспечивавшая мир во всем мире, должна опираться на «сотрудничество между Великобританией и США». В Японии в 1918 г. премьером стал Хара Такаси, чья консервативная стратегия была направлена на поиск договоренности с США (с. 329).

Основы организации Лиги Наций были ясны. Создаются Совет Лиги и Генеральная Ассамблея, а деятельность Лиги направлена на защиту суверенитета и территориальной целостности её членов. Предусматриваются коллективные меры по обеспечению безопасности. Ни одна из великих держав не должна «втягиваться», помимо своей воли, в серьезные международные споры, вызванные малозначимыми претензиями малых стран, входящих в состав Лиги Наций. Поэтому решения в Совете принимаются единогласно (с. 331). Согласно уставу страны «Большой пятерки» (США, Великобритания, Франция, Япония, Италия) были включены в список в качестве постоянных членов. Остальные члены Совета выбирались из числа «других стран-участниц».

Лондон и Вашингтон согласились вернуть Франции Эльзас и Лотарингию, входившие в Германию, без проведения пле-

бисцита. Вильсон заявил, что Франция стоит «на передовых рубежах защиты свободы», и заверил, что ей уже никогда не придется «в одиночку противостоять опасностям» (с. 349). Первоочередной задачей Франции было разоружение Германии. Далее Рейнская область, хотя и оставалась в составе Германии, была демилитаризована и оккупирована союзниками. Польша получила ряд территорий, населенных этническими немцами, что вызвало возмущение Германии.

Центральным вопросом архитектуры мирного процесса был вопрос о репарациях. Платежи были средством постоянного контроля выполнения Германией условий Версальского договора. Репарации касались каждого мужчины, женщины и ребенка Германии и превращались буквально в повседневное бремя. Груз внешней задолженности грозил Германии «сползанием» в разряд третьестепенных стран (с. 364–365).

Франция хотела возместить ущерб, который нанесла ей в ходе войны Германия. Англии были необходимы средства на погашение государственного долга, возникшего вследствие военных действий.

8 мая 1919 г. члены правительства Германии собрались для обсуждения условий Версальского договора. Лидер социал-демократов Шейдеман заявил, что его условия являются неприемлемыми. Но при всей своей несправедливости Версальский договор оставлял шанс на сохранение германского национального государства. Сторонники заключения мира на условиях Антанты исходили из того, что это позволит Германии избежать участи России: распада, анархии и прихода к власти ультралевых сил. Густав Бауэр сменил Шейдемана на посту премьера. Национальное собрание подтвердило его полномочия подписать договор. В 1920 г. реакционные силы во главе с Вольфгангом Каппом и генералом Вальтером фон Лютвицем подняли мятеж. Они требовали создания правительства на внепартийной основе, в котором большинство принадлежало бы представителям военных кругов, а также отказа от дальнейшего выполнения условий договора. Против путчистов выступили профсоюзы. Страну парализовала общенациональная забастовка. К 17 марта путч захлебнулся (с. 401).

Японская делегация подписала Версальский договор, и Япония по праву вошла в состав Совета Лиги Наций (с. 414). Китай отказался от участия в Версальском мирном договоре.

10 июля 1919 г. президент Вильсон представил в Сенате Версальский мирный договор. 19 ноября республиканцы его отклонили, а находившиеся в меньшинстве демократы, действуя согласно указаниям Вильсона, заблокировали предложение принять договор с оговорками (с. 421).

Послевоенную Германию охватила инфляция, пишет автор в четвертой части. Та же судьба ожидала Польшу и Австрию. В Европе и Азии наблюдался всплеск потребительского спроса (с. 445). Однако уже весной 1920 г. Япония ввергла мир в дефляцию. 15 марта на токийском рынке ценных бумаг произошел обвал. Упали цены на рис и шелк (с. 448–449). Последствия дефляции были тяжелыми и для Британской империи. Выросла безработица, и правительству не удалось выполнить смелые планы увеличения социальных расходов. Во Франции премьер Мильтеран провел ограниченную денежную стабилизацию.

Чистый результат дефляции состоял в снижении напряженности политической жизни. Дефляция способствовала уменьшению накала трудовых конфликтов. Рост безработицы и снижение цен привели к тому, что роль профсоюзов пошла на убыль (с. 454).

Автор весьма подробно останавливается на Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. После выдвижения предложений, озвученных госсекретарем США Хьюзом, японский представитель согласился с принципами сокращения вооружений при условии, что мощь японского флота составит не менее 70% от мощи американского флота (с. 499).

Для Китая Вашингтонская конференция знаменовала собой шаг по выходу на мировую арену. Пекин настаивал на более широком и существенном восстановлении своего суверенитета, а также на пересмотре неравноправных договоров, заключенных в XIX в. Китай стремился лишить европейцев и японцев их влияния, что соответствовало интересам Вашингтона. Британия присоединилась к этому курсу (с. 503).

Тем временем в Венгрии к власти пришли коммунисты во главе с Б. Куном. Москва пыталась оказать им поддержку, но эта попытка провалилась, в то время как белые нанесли поражение Красной армии на Украине. 24 июля 1919 г. румынская армия при поддержке Антанты разгромила коммунистические силы в Венгрии (с. 511–512).

Ряд британских политиков, в том числе У. Черчилль, предлагали пойти еще дальше и сокрушить саму большевистскую революцию. Летом – осенью 1919 г. действия Колчака, Деникина и Юденича поставили Советскую Россию на грань поражения. Однако действия лидеров белых были несогласованными, а Польша начала тайные переговоры с большевиками, что позволило изменить соотношение сил в пользу большевиков. 17 ноября Ллойд Джордж заявил в палате общин, что Лондон, израсходовав почти полмиллиарда долларов, отказывается от дальнейших попыток свергнуть большевистский режим военным путем. Британия не заинтересована в восстановлении легитимного и мощного русского национального государства (с. 512–513).

14 апреля 1922 г. открылась Генуэзская конференция, созванная по инициативе Ллойд Джорджа. Советскую Россию на ней представлял нарком иностранных дел Г. Чичерин. На переговорах с Советами западные державы настаивали на своих правах кредиторов (требовали вернуть кредиты, данные Российской империи). Советы выдвинули встречные требования, предъявив счет на репарационные выплаты в размере 3,6 млрд долларов в качестве компенсации ущерба, нанесенного союзными войсками в ходе интервенции во время Гражданской войны. 16 апреля Германия и Советская Россия подписали Рапалльский договор (с. 541), что фактически означало закрытие конференции. Автор считает, что Генуэзская конференция обозначила конец британской гегемонии.

В заключение автор делает вывод о том, что во время Первой мировой войны была сделана первая попытка построения коалиции либеральных сил, способной взять на себя руководство всем огромным и малоуправляемым современным миром. Автор отмечает, что в связке агрессивно настроенных государств Германия, Италия и Япония были лишь на вторых ролях, тогда как первые роли достались Советской России. Сокрушив Троцкого и внутреннюю оппозицию, Сталин развернул беспрецедентную программу внутреннего переустройства страны (с. 625–626).

*А.Д. Стрельцов**

* Стрельцов Алексей Дмитриевич – младший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), e-mail: Dr.Watson.S@mail.ru

ХАЙНЦЕН Дж. СОВЕТСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ В ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКЕ ПОЗДНЕГО СОЦИАЛИЗМА: «КИРГИЗСКОЕ ДЕЛО»

HEINZEN J. Soviet entrepreneurs in the late socialist shadow economy: the case of the Kyrgyz Affair // *Slavic review*. – 2020. – Vol. 79, N 3. – P. 544–565. – DOI: 10.1017/slr.2020.157

Ключевые слова: коррупция в СССР, теневая экономика в СССР; теневое предпринимательство в СССР.

Keywords: Corruption in the USSR, shadow economy in the USSR; shadow entrepreneurship in the USSR.

Для цитирования: Минц М.М. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 2. – С. 219–221. Реф. ст. : Heinzen J. Soviet entrepreneurs in the late socialist shadow economy : the case of the Kyrgyz Affair // *Slavic review*. – 2020. – Vol. 79, N 3. – P. 544–565.

В статье Джеймса Хайнцена (Университет Роуэна, Глассборо, Нью-Джерси, США) рассматривается феномен теневой экономики и теневого предпринимательства в послевоенном Советском Союзе. Исследование выполнено на материале так называемого киргизского дела о незаконном производстве и сбыте «левой» продукции на двух текстильных фабриках города Фрунзе (современный Бишкек). Дело рассматривалось выездной сессией Верховного суда СССР в марте – декабре 1962 г. в рамках трех отдельных процессов, по итогам которых 28 человек были приговорены к расстрелу и еще свыше 60 – к тюремному заключению. На двух из этих трех процессов подсудимыми являлись работники правоохранительных и судебных органов, обвиненные в коррупции; слушания проходили в закрытом режиме. Третий процесс – против хозяйственных работников – был открытым, так что в ходе слушаний подсудимые фактически получили возможность подробно описать

свой «бизнес» перед достаточно широкой аудиторией. Размах аферы, масштабы ее расследования и исключительная по меркам постсталинского СССР жестокость приговора делают этот случай довольно репрезентативным примером для анализа более широких тенденций в обществе и народном хозяйстве того времени.

Исследование выполнено на основе обширного массива архивных материалов, главным образом хранящихся в ГАРФ (документы Прокуратуры СССР, Министерства юстиции, Верховного суда, Верховного совета и Управления МВД по борьбе с хищениями социалистической собственности) и РГНИ (документы различных отделов ЦК КПСС). Автор оговаривается, что его интересуют не экономические показатели теневого предпринимательства как таковые, а прежде всего социальная составляющая этого феномена, а также его взаимосвязь с официальной советской экономикой.

У истоков аферы стоял некий Мордко Гольдман, родом из Бессарабии, в конце 1940-х годов переехавший во Фрунзе и в начале 1950-х устроившийся на работу на одной из текстильных фабрик. Созданная им подпольная схема во второй половине десятилетия охватила уже несколько цехов на двух фабриках города и работала с фантастическим по тем временам размахом: по оценкам следствия, всего было незаконно произведено и продано «не менее 400 тыс. предметов одежды и других товаров повседневного спроса; [в действительности], вероятно, по крайней мере в два раза больше» на сумму свыше 30 млн рублей (в ценах до денежной реформы 1961 г.), что составляло 60–65% общей продукции обеих фабрик за тот же период (с. 558). Сырьё и оборудование закупались в нескольких союзных республиках, включая Россию, Украину, Киргизию и Казахстан; произведенная продукция сбывалась через официальную торговую сеть. Участники аферы чутко уловили растущий спрос на товары широкого потребления, который не могла удовлетворить плановая экономика и который к тому же дополнительно подогревался самим государством, поскольку в период «оттепели» рост благосостояния граждан рассматривался как одна из составляющих продвижения к коммунизму. Качество производимой продукции было безупречным. Отношения между участниками строились на сложной, но эффективной системе устных договоренностей; регулярно проводились «собрания пайщи-

ков», действовал даже своеобразный третейский суд для разрешения конфликтов. Успех аферы во многом обеспечивался подкупом многочисленных хозяйственных работников и чиновников. Предприятие было вполне интернациональным: «Евреи, русские, киргизы, украинцы и другие были вовлечены в аферу в критических ролях, как производители и управленцы на фабриках, в розничной торговле и администрации, правоохранительных органах или партийные функционеры, получавшие выгоду, используя свою власть, чтобы обеспечить снабжение, распространение или „защиту“» (с. 563).

«Серая» экономика, таким образом, была достаточно тесно взаимосвязана с «белой», используя ее как источник необходимых ресурсов и инфраструктуру для сбыта готовой продукции и восполняя дефицит потребительских товаров. Неудивительно, что рост теневой экономики вызывал серьезное беспокойство партийной верхушки. В 1961–1962 гг. Верховный совет принял ряд законов, резко ужесточающих наказания за экономические преступления, вплоть до смертной казни для наиболее тяжких случаев. На основании этих законов были осуждены и фигуранты «киргизского дела» несмотря на то что речь по большей части шла о деяниях, совершенных еще в 1950-е годы. Как отмечает автор, столь жесткая реакция властей была «скорее знаком отчаяния, нежели силы» (с. 565).

*М.М. Минц**

* Минц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Персональная страница: <http://inion.ru/ru/about/personalities/mints-mikhail-mikhailovich/>.

КИНКЕР Д.П., БЭМБЕРГЕР Б. ЧАЕВЫЕ, ПРЕМИИ ИЛИ ВЗЯТКИ: АМОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА СФЕРЫ ОБСЛУЖИВАНИЯ В СОВЕТСКИЕ 1960-е

KOENKER D.P., BAMBERGER B. Tips, bonuses, or bribes: the immoral economy of service work in the Soviet 1960s // Russian review. – 2020. – Vol. 79, N. 2. – P. 246–268. DOI: 10.1111/russ. 12265

Ключевые слова: сфера услуг в позднесоветский период; отношение общества к сфере услуг в СССР.

Keywords: the service sector in the late Soviet period; public attitudes towards the service sector in the USSR.

Для цитирования: Минц М.М. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 2. – С. 222–224. Реф. ст.: Koenker D.P., Bamberger B. Tips, bonuses, or bribes: the immoral economy of service work in the Soviet 1960s // Russian review. – 2020. – Vol. 79, N 2. – P. 246–268.

В статье Дианы П. Кинкер (Университетский колледж Лондона) и Бенджамина Бэмбергера (Иллинойсский университет в Урбане-Шампейне) анализируется отношение к работникам сферы услуг в советском обществе конца 1960-х годов. Исследование выполнено на материалах публичной дискуссии, спровоцированной появлением в «Литературной газете» в феврале 1969 г. статьи Л. Юниной «Так ли страшны чаевые?». Юнина признавалась, что дает чаевые, например таксистам, но не была до конца уверена в том, насколько это правильно. Публикация вызвала довольно широкий отклик среди читателей: по подсчетам Кинкер и Бэмбергера, ее обсуждению были посвящены до 10% писем, полученных редакцией за весь 1969 год (с. 246). Впоследствии около 700 писем вошли в подборку из 21 350 документов, переданных бывшим журналистом «Литературки» А. З. Рубиновым в 2000 г. в Библиотеку Конгресса США. Его архив стал главным, хотя и не един-

ственным, источником, на котором основано исследование Кинкер и Бэмбергера.

Лишь немногие участники дискуссии продемонстрировали терпимое отношение к чаевым, причем часть из них предположили, что при социализме данная практика перестала быть необходимой. Подавляющее же большинство категорически отвергли эту идею. Аргументы в пользу такой позиции были весьма многообразны. Утверждалось, что в социалистическом обществе чаевые унизительны как для получателя, так и для его клиента. Высказывались опасения, что такие дополнительные выплаты окажут развращающее воздействие на работников сферы услуг, которые начнут плохо обслуживать тех клиентов, которые по каким-либо причинам не смогут или не захотят заплатить им сверх того, что полагается по счету. У некоторых авторов чаевые ассоциировались с «нездоровой атмосферой» в дореволюционных ресторанах. Утверждалось также, что давать чаевые несправедливо: работники сферы услуг получают зарплату; следовательно, чаевые представляют собой дополнительное перераспределение общественного блага в их пользу и таким образом ведут к имущественному расслоению. Дополнительный скепсис вызывало то обстоятельство, что авторы по крайней мере части писем не видели четких критериев, которые позволили бы очертить границы того круга работников, кому следует давать чаевые: в письмах, проанализированных Кинкер и Бэмбергером, встречаются риторические вопросы, например, почему следует платить чаевые таксисту, но не машинисту поезда. Наконец, многие участники дискуссии прямо ассоциировали чаевые со взятками. Аргумент Юниной о том, что чаевые являются нормальной практикой даже в социалистических странах Восточной Европы, не убедил ее оппонентов: ей возражали, что страны Восточной Европы еще не завершили переход к социализму.

По мнению Кинкер и Бэмбергера, столь резкая реакция была вызвана сложным комплексом причин. В советском обществе по-прежнему сохранялся идеологический стереотип о том, что только физический труд рабочих является «настоящим», тогда как сфера услуг вызывала скорее презрительное отношение, несмотря на все попытки официальной пропаганды повысить ее социальный статус. Важную роль, по мнению исследователей, сыграл и гендерный фактор: несмотря на декларируемое равенство, советские женщины

ны по-прежнему вынуждены были довольствоваться низкооплачиваемой работой. В сфере услуг они составляли подавляющее большинство персонала; это способствовало восприятию соответствующих профессий как второсортных. Кроме того, в сфере услуг по определению происходит индивидуальное взаимодействие между работником и его клиентом, так же, как и размер чаевых отражает оценку конкретным клиентом работы конкретного официанта, таксиста и т.д. Это плохо вписывалось в советские ценности коллективизма и эгалитаризма. Как замечают Кинкер и Бэмбергер, советские граждане были заинтересованы в потребительских товарах и услугах, но рассматривали процесс их получения, скорее, как распределение, а не как торговлю. Кроме того, определенное влияние на массовые настроения могли оказать опасения по поводу возможной реставрации отдельных элементов капитализма, связанные отчасти с реформами Косыгина, отчасти же – с событиями 1968 г. в Чехословакии, которые советская пропаганда изображала как попытку контрреволюционных сил свергнуть социализм.

*М.М. Минц**

* Минц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Персональная страница: <http://inion.ru/ru/about/personalities/mints-mikhail-mikhailovich/>.

РУДЕНКО О. СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОГО ГЕРОЯ: ПРИМЕР СПАРТАКА

RUDENKO O. The making of a Soviet hero: the case of Spartacus // The Soviet and post-Soviet review. – 2020. – Vol. 47, N 3. – P. 333–356. DOI: <https://doi.org/10.30965/18763324-20201365>

Ключевые слова: миф о Спартаке в советской массовой культуре; история советской пропаганды; история советского искусства; история восприятия классического наследия.

Keywords: The myth of Spartacus in Soviet mass culture; the history of Soviet propaganda; the history of Soviet art; the history of the perception of classical heritage.

Для цитирования: Минц М.М. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 2. – С. 225–226. Реф. ст.: Rudenko O. The making of a Soviet hero: the case of Spartacus // The Soviet and post-Soviet review. – 2020. – Vol. 47, N 3. – P. 333–356.

В статье Олексия Руденко (аспирант краковского Ягеллонского университета и Университета Глазго) анализируется образ Спартака в советской культуре и пропаганде, в основном в 1920–1930-е годы. Историографические дискуссии о восстании Спартака автор упоминает лишь вкратце, поскольку этот вопрос в современной литературе исследован уже достаточно подробно. Основное внимание он уделяет отражению мифа о Спартаке в массовой культуре, антропонимике, топонимике, а также в спорте. Хронологические рамки исследования определяются тем обстоятельством, что этот миф в основном сформировался в межвоенный период; по этой причине послевоенные годы, а также использование образа Спартака в социалистических государствах Центральной и Юго-Восточной Европы в статье описываются совсем коротко. В методологическом отношении исследование выполнено на стыке исто-

рии раннесоветского периода, истории пропаганды, истории искусства и истории восприятия классического наследия.

Как показывает автор, фигура Спартака привлекала большевиков по многим причинам. Восстание рабов под его руководством рассматривалось как важное подтверждение тому, что классовая борьба являлась определяющим фактором мировой истории уже в античный период. Сам Спартак воспринимался как своеобразный «предтеча» позднейших борцов за свободу; это придавало социализму и в том числе большевизму дополнительную легитимность как явлению, имеющему глубокие исторические корни. Образ Спартака приобрел значительную популярность уже в 1920-е годы, при этом особенно подчеркивались его полководческое дарование и физическая сила. Последнее обстоятельство, в частности, обусловило особое значение его имени для советского спорта. Еще в 1923 г. в Петрограде состоялась первая спартакиада; данная форма массовых соревнований рассматривалась как «пролетарская» альтернатива «буржуазным» Олимпийским играм (Советская Россия не была допущена к участию в VII Олимпийских играх 1920 г. в Антверпене; позже правительство СССР отклонило приглашение на VIII Олимпийские игры 1924 г. в Париже). Именем Спартака были названы многочисленные спортивные общества и клубы, включая московский «Спартак». В советской исторической науке активное изучение восстания Спартака на основе марксистско-ленинской теории началось существенно позже, в 1934–1936 гг., во многом под влиянием речи Сталина в феврале 1933 г., в которой он впервые использовал термин «революция рабов», что привело к радикальному пересмотру сложившихся ранее представлений о значении классовой борьбы в Древнем мире. Советские историки, таким образом, скорее адаптировали уже сложившийся миф о Спартаке, нежели являлись его создателями.

*М.М. Мицц**

* Мицц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Персональная страница: <http://inion.ru/ru/about/personalities/mints-mikhail-mikhailovich/>.

ХЕЙСТИНГС М. ВЬЕТНАМ: ИСТОРИЯ ТРАГЕДИИ: 1945–1975 / пер. с англ. И. Евстигнеевой. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2021. – 872 с.

Ключевые слова: война за независимость Вьетнама, 1945–1954 гг.; создание Вьетконга; американо-вьетнамская война 1964–1975 гг.; Нго Динь Зьем; Хо Ши Мин.

Keywords: Vietnam War of Independence, 1945–1954; establishment of the Viet Cong; the US-Vietnam War, 1964–1975; Ngo Dinh Ziem; Ho Chi Minh.

Для цитирования: Стрельцов А.Д. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 2. – С. 227–233. Реф. кн. : Хейстингс М. Вьетнам: история трагедии : 1945–1975 / пер с англ. И. Евстигнеевой. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2021. – 872 с.

Макс Хейстингс – британский журналист и военный историк, корреспондент Би-би-си, автор ряда работ по крупнейшим военным конфликтам.

Реферируемая работа во всех подробностях описывает войну во Вьетнаме: хронологию боевых столкновений, жизнь простого населения в условиях войны, закулисные политические игры, личные воспоминания участников.

В предисловии автор рассказывает, как он лично снимал репортажи о войне во Вьетнаме и Камбодже и непосредственно наблюдал за боевыми действиями. Автор отметил особое значение приемов прессы, которая показывала зверства американских военных в отношении простых вьетнамцев и создавала партизанам романтический ореол «борцов за свободу».

Поскольку во многих странах мира общественность была убеждена, что США и Сайгонский режим ведут несправедливую войну, то из этого следовало, что коммунисты являются борцами

за правое дело. Между тем упускается из виду, что последние хотели установить коммунистическую диктатуру, которая противоречила интересам жителей Южного Вьетнама. Коммунистическое руководство было готово платить колоссальную цену в человеческих жизнях и могло терпеть одно поражение за другим, не рискуя полным поражением, поскольку США открыто заявили, что не собираются вторгаться на Север (с. 18).

В конце XIX в. Вьетнам стал французской колонией. Трагические для Индокитая события XX в. связаны с оккупацией его Японией летом 1940 г. Японцы заставили вьетнамцев сократить производство риса в пользу хлопка и джута, что вкупе с насильственным вывозом продовольствия привело к голоду в Юго-Восточной Азии, а после засухи и последовавших за ней наводнений в 1944 г. разразился повсеместный голод, приведший к смерти по меньшей мере 1 млн вьетнамцев (с. 37).

Автор рассказывает о жизни и деятельности Хо Ши Мина, вьетнамского революционера, создателя Вьетминя, организации, созданной для борьбы за независимость от Франции и Японии. Капитуляции Японии в августе 1945 г. позволила Хо Ши Мину перехватить инициативу и заполнить образовавшийся вакуум власти (с. 40). 2 сентября 1945 г. было провозглашено создание независимой от Франции Демократической Республики Вьетнам. Однако Франция отказалась это признать, и начавшаяся затем война за независимость Вьетнама продлилась девять лет. Французам так и не удалось полностью поставить под контроль Вьетнам. Не помогло и создание марионеточного антикоммунистического правительства во главе с бывшим императором Бао Даем (с. 54). Ситуация резко обострилась в октябре 1949 г. после прихода к власти в Китае коммунистов во главе с Мао Цзэдуном. Вьетминь получил доступ к безопасным убежищам и американскому оружию, захваченному у разгромленной армии Чан Кайши.

На других направлениях командующему вооруженными силами Вьетминя Во Нгуен Зяпу также удавалось теснить французскую армию. Его войска контролировали уже более половины территории Вьетнама. В апреле 1954 г. начались мирные переговоры в Женеве (с. 112). В ночь с 20 на 21 июля 1954 г. состоялось подписание мирных соглашений, которые признавали независимость и территориальную целостность трех стран Индокитая – Вьетнама,

Лаоса и Камбоджи. По этим соглашениям, между территорией, контролировавшейся администрацией Хо Ши Мина и зоной, находившейся под контролем Бао-Дая, устанавливалась временная демаркационная линия.

После окончания войны с Францией власть на севере Вьетнама перешла к вьетнамским коммунистам, провозгласившим еще в 1945 г. Демократическую Республику Вьетнам. После объявления 25 июля 1954 г. о прекращении огня с Севера начался массовый исход: в страхе перед новым режимом около 1 млн вьетнамцев – торговцев, землевладельцев, антикоммунистов, католиков и всех, кто находился на службе у французов, – бежали из страны по суше, морю и воздуху (с. 125).

Между тем в январе 1959 г. пленум ЦК Партии трудящихся Вьетнама принял решение о создании Национального фронта освобождения Южного Вьетнама (Вьетконг). В течение 1959 г. Вьетконг неуклонно наращивал интенсивность вооруженного сопротивления. Почти все крестьяне платили тайную дань коммунистам, которые с помощью умелой пропаганды значительно преувеличивали свою мощь и успехи. Вьетконговцы держали в страхе простое население Южного Вьетнама и расправлялись за малейшее сотрудничество с властями. На одного крестьянина, который поддерживал коммунистов из убеждений, приходилось двое, кто делал это из страха (с. 154).

Экономическое положение в Северном Вьетнаме оставалось тяжелым: тогда как его население росло на 0,5 млн в год, производство зерна на душу населения сокращалось. Значительная часть выращиваемого в стране риса и три четверти добываемого угля уходили в Китай в обмен на небольшие вливания наличности. С мая 1961 г. норма выдачи мяса, включая мясо собак и кошек, снизилась до 110 г на человека в неделю (с. 180).

Тем временем вьетконговцы действовали в Южном Вьетнаме с крайней жестокостью. Разумеется, жестокость была присуща не только партизанам. Даг Рэмзи опросил школьников в провинции Логнан и обнаружил, что от четверти до половины из них потеряли близких родственников, убитых сайгонскими силами безопасности (с. 185).

В ноябре 1963 г. был убит первый президент Южного Вьетнама. Обстоятельства его смерти, в которой не последнюю роль

сыграли американцы, нанесли непоправимый удар по моральному авторитету США в Юго-Восточной Азии (с. 211–212).

18 февраля в Сайгоне произошел очередной переворот. Номинальным главой государства стал Фан Хюи Куат, однако реальная власть осталась в руках военных во главе с Нгуен Ван Тхиеу. Он попытался навести порядок в армии и государственном аппарате. 4 августа 1964 г. в Тонкинском заливе Южно-Вьетнамского моря северовьетнамские торпедные катера обстреляли два американских эсминца. В ответ Конгресс США разрешил президенту Линдону Джонсону «обеспечивать безопасность Южного Вьетнама всеми доступными средствами». Фактически это означало войну.

Начиная с марта 1965 г. процесс вытеснения американскими войсками войск ВСРВ как основной силы, ведущей войну с коммунистами, происходил удивительно быстро. Непрерывная смена власти в Сайгоне лишила южновьетнамских солдат остатков лояльности и воли к победе. Дезертирство выросло в разы: только в апреле из армии сбежало 11 тыс. дезертиров, а оставшиеся солдаты не хотели воевать (с. 283).

Хотя сухопутные подразделения и морская пехота США воевали чуть более эффективно, чем большинство формирований ВСВР (Вооруженных сил Вьетнамской Республики), политическое руководство в Вашингтоне серьезно заблуждалось, предполагая, что само по себе появление американских военных гарантирует быструю победу (с. 308).

Вмешательство американцев в войну стало шоком для коммунистического руководства, которое в начале 1965 г. предвкушало близкую победу. В контролируемых Вьетконгом районах ужесточились порядки и борьба за идеологическую чистоту; радиоприемники были запрещены, чтобы лишить людей доступа к сайгонской пропаганде. Была начата кампания по бойкоту американских товаров, но она не увенчалась успехом. В целом вьетконговцы проявляли гораздо больше мужества и стойкости на поле боя, чем правительственные силы (с. 314).

Автор рассказывает о коррупции в Южном Вьетнаме, которая была повсеместной. Американские агентства по борьбе с наркотиками отчаялись обуздать торговлю героином, кокаином и марихуаной, в которую были по горло втянуты лидеры их клиентского режима. При этом на высокие командные посты назначались

не самые компетентные, а самые лояльные режиму генералы. С приходом американцев взяточничество и воровство только возросли, коррупция подрывала все усилия США в Южном Вьетнаме. Всё это говорило о том, считает автор, что сайгонский режим не мог существовать самостоятельно, без американской военной помощи.

Начальник штаба ВВС США Кертис Лемей сформулировал рецепт решения вьетнамской проблемы: либо правительство ДРВ прекратит агрессию, либо мы «вбомбим их в каменный век». Американские ВВС провели операцию «Раскаты грома» по бомбардировке Северного Вьетнама. При этом они сами понесли чувствительные потери от вьетнамской ПВО. К 1967 г. на вооружении в ДРВ стояло 25 зенитно-ракетных батальонов с шестью ЗРК каждый, около 1 тыс. зенитных орудий и 125 истребителей МиГ (с. 372).

Нарастание интенсивности бомбардировок подтолкнуло Москву и Пекин оказать своему собрату по соцлагерю беспрецедентную по своим масштабам военную помощь. СССР направил в ДРВ несколько сотен военспецов, техников и пилотов, которые служили инструкторами и советниками (с. 404). Автор описал пребывание советских инструкторов и военных (в частности, офицеров ПВО) во Вьетнаме: их тяжелый быт, тяжелые условия службы, благожелательное отношение местного населения (с. 406).

Правительство США неоднократно предлагало сторонам сесть за стол переговоров, что было отвергнуто северовьетнамской стороной (с. 398). Между тем в США нарастала общественная волна за прекращение войны во Вьетнаме. Многие американцы осуждали эту войну, но при этом признавали тоталитарный и бесчеловечный характер ханойского режима. Однако находилось немало и таких, кто представлял вьетнамских коммунистов как борцов за правое дело, а собственного президента – олицетворением зла и беззакония. Это был довольно парадоксальный исторический период, когда значительная часть молодежи в западных демократических государствах восхищалась Мао Цзэдуном, Фиделем Кастро, Че Геварой и другими революционными вождями, закрывая глаза на темную сторону их репрессивных режимов.

На ранних этапах войны подавляющее большинство американских военнослужащих считало военную службу необходимым долгом. После 1968 г. настроения изменились. Когда ветераны от-

правились домой, им на смену пришли представители нового поколения, многие из которых были заражены духом инакомыслия, неверием в необходимость самой войны.

Р. Никсон, в начале 1969 г. сменивший на посту президента США Л. Джонсона, получил тяжелое наследство. Американская армия «разваливалась» изнутри. В течение 1971 г. многие подразделения армии и морской пехоты США стремительно деградировали на фоне падения дисциплины, расовой напряженности, массового употребления наркотиков и нежелания жертвовать своей жизнью в этой дискредитировавшей себя в глазах простых американцев войне. Среди американских солдат все больше распространялось опасное мнение, что любой из них имеет право отказаться выполнять приказ, если убежден в его неправильности (с. 636). Между тем Никсон санкционировал вторжение в Камбоджу (с. 606).

В 1972 г. военные действия продолжались. Северовьетнамцы вели активное наступление на позиции Южного Вьетнама. США ответили масштабными бомбардировками. Эти бомбардировки заставили Ханой сесть за стол переговоров. В октябре 1972 г. была достигнута мирная договоренность. США согласились на два ключевых условия, которые выдвигал Ханой: его собственные войска остаются на Юге, американцы полностью уходят. Было очевидно, что все остальные положения соглашения ни одна из сторон не будет соблюдать. Единственной уступкой со стороны Ханоя, позволившей американцам сохранить лицо, было его согласие на сохранение за Нгуен Ван Тхиеу президентского поста (с. 692).

Последним актом вьетнамской трагедии стало весеннее наступление северовьетнамцев в марте 1975 г. К концу месяца северовьетнамские части легко взяли Плейку, Киунён, Далат, а также крупнейшую южновьетнамскую военно-морскую базу Камрань. 30 апреля 1975 г. партизаны и части регулярной армии ДВР вошли в столицу Южного Вьетнама, практически не встретив сопротивления. Последних американских советников и дипломатов пришлось эвакуировать на вертолетах прямо с крыши посольства США.

В конце книги автор приводит ретроспективную оценку войны. В частности, он делает вывод о том, что где бы коммунисты ни приходили к власти, включая Северный и Южный Вьетнам,

они устанавливали террор и уничтожали свободу личности. Их режим носил принципиально бесчеловечный, тоталитарный характер. Однако их мандат на власть представлялся собственному народу и внешним наблюдателям более легитимным, чем мандат южновьетнамского режима. Особенно острым было недоверие сельских жителей к столичным элитам в Южном Вьетнаме, где Сайгон воспринимался как детище французского колониализма, а не как часть традиционной культуры. Многие простые южане были впечатлены обещанием коммунистов провести земельную реформу, освободить их от ига крупных землевладельцев-арендодателей и кредиторов, создать правительство «из и для простых людей», выгнать иностранцев (с. 796).

*А.Д. Стрельцов**

* Стрельцов Алексей Дмитриевич – младший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), e-mail: Dr.Watson.S@mail.ru

ХУУСКО С. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭВЕНКОВ И ЭВЕНКИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РАЙОННОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

HUUSKO S. The representation of the Evenkis and the evenki culture by a local community museum // Sibirica. – 2020. – Vol. 19, N 2. – P. 77–98.

Ключевые слова: современный эвенкийский социум; эвенкийская культура; роль музея в отражении этнической идентичности.

Keywords: Modern Evenki society; Evenki culture; the role of the museum in reflecting ethnic identity.

Для цитирования: Уварова Т.Б. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 2. – С. 234–238. Реф. ст. : Huusko S. The Representation of the Evenkis and the Evenki Culture by a Local Community Museum // Sibirica. – 2020. – Vol. 19, N 2. – P. 77–98.

Светлана Хууско является докторанткой по специальности культурная антропология в Университете Оулу. Ее статья основана на материалах краеведческого музея в г. Нижнеангарск – одного из местных музеев Северобайкальского р-на Республики Бурятия. Представленные в музее данные об эвенках и их культуре автор, уроженка Бурятии, бурятка по национальности, анализирует в контексте критического дискурса презентации в музее реальных, образных (imaginary) и идеологических аспектов экспозиций, включая сопровождающие их тексты. В статье, по словам автора, прослеживается, каким образом музейная среда создает идеологическую конструкцию природы современного эвенкийского социума и эвенкийской культуры и таким образом репродуцирует этническую иерархию в регионе.

Посещение Нижнеангарского краеведческого музея в 2012 и 2017 гг. позволило автору, по ее оценке, получить представление о

совершенно бесспорных реальных событиях и явлениях, характеризующих место региона в истории России. Именно о них сообщают приведенные автором названия залов и выставок музея: «Освоение Северного Забайкалья», «История поселений Северобайкальского района», «Социалистической образ жизни», «Байкало-Амурская магистраль», «Рыбная фабрика – слава Байкала, гордость района», «Коренные жители Северобайкальского региона – эвенки».

По словам сотрудников музея, современная обновленная структура экспозиции более логична по сравнению с прежней, она открывается сведениями о первых зимовьях и крепостях русских казаков-первопроходцев и завершается всесторонней характеристикой коренного населения края. С точки зрения автора, такая последовательность представляет индигенное население только в качестве исторического объекта – обнаруженного, а затем цивилизованного в результате первоначального заселения края русскими, позднее – установления советского образа жизни и индустриализации региона. На протяжении этого времени государство систематически разрушало культуру и этническую идентичность коренного эвенкийского населения и навязывало ему с помощью общероссийского и советского искусства и истории единую для всей страны линию развития, чуждую их уникальным этническим особенностям.

Современное состояние эвенков является результатом длительных процессов колонизации региона царской Россией, а позднее здесь создались условия для возникновения и усиления советской, а затем и русской идентичности местных эвенков. Существенную роль сыграли идеологические и политические усилия государства в отношении аборигенного населения, направленные на формирование у него определенной локальной идентичности, сменившей их прежнюю этничность. С помощью музея можно было усиливать новые появившиеся, а затем и доминирующие словари и дискурсы, распространять единственную версию истории для эвенков и других местных жителей, написанную для них исключительно на основе идеологии с точки зрения интересов государства. Основным содержанием этой официальной версии является превращение эвенков из «внешних чужих, примитивного народа» дореволюционной царской России во «внутренних иных»,

ставших полноправными гражданами Советского Союза, а затем и постсоветской России (с. 77). Значение этой версии подмененной истории состоит в том, что она создает основу и корни современной локальной идентичности индигенного населения и служит ориентиром выбора жизненного пути для молодых эвенков.

Исторически на протяжении около четырех веков эвенки как объект российской / советской / постсоветской государственной политики подвергались продолжительному насильственному воздействию с целью экономической и культурной инкорпорации их в состав Российского государства, констатирует автор. Принятие в 1822 г. по инициативе генерал-губернатора Сибири М.М. Сперанского «Устава об управлении инородцев Сибири» уравнивало эвенков в правах с русским крестьянским населением края, но сохраняло у них традиционную социальную организацию в виде так называемых родов, основанных на патрилинейном генеалогическом родстве и управляемых князьями и «лучшими людьми».

С установлением советской власти в соответствии с марксистской теорией общественного развития предпринимались усилия перевода кочевого эвенкийского населения на оседлый образ жизни и включение эвенков в социалистическое общество непосредственно из «родового строя». Попытки коллективизации среди эвенков в конце 1920-х годов встретили сопротивление местного населения, особенно жесткие репрессии в 1930-х годах были приняты против шаманов, которым приписывали роль идеологов выступлений против власти. Целительство и религиозные практики с гаданиями были также запрещены как шарлатанские, направленные на обман и эксплуатацию трудящихся.

По данным переписей населения Советского Союза с 1926 по 1989 г., численность вновь прибывшего населения в регион из европейской части страны существенно увеличилась в соответствии с решением задач индустриализации края. В Северобайкальском районе она выросла с 2 242 человек до 40 312 соответственно. В пятитысячном Нижнеангарске русские составляли около 90% всех жителей, эвенки – около 5%, всего 230 человек (с. 90–92). Эвенки оказались лишенными доступа не только к привычным для них ресурсам жизнеобеспечения, связанным с ведением оленеводческого кочевого хозяйства, но и к органам власти,

принятия решений, а затем и возможности воспитывать своих детей из-за перехода к интернатской системе образования.

Для строительства новой нации и развития патриотизма новых граждан страны крайне важным считали достижение индигенными народами Сибири равного уровня образования и культурного развития с этническими русскими, что и должно было обеспечить воспитание детей в интернатах. Таким образом, считает автор, принимая точку зрения западных исследователей, но практически не приводя фактов обоснования их аргументов, советская цивилизационная миссия основывалась на идее жесткой этнической иерархии, согласно которой русские далеко опережали представителей коренных народов Сибири на эволюционной шкале общественного развития.

Национальное строительство сопровождалось созданием новой единой для всей страны истории и культуры, в которых национальные героизм и патриотизм приобрели важнейший смысл и значение. Именно образование стало играть центральную роль в советской кампании культурной трансформации Северобайкальского района, где первый интернат для детей коренного населения был образован в 1925 г.

Приписывая советским коммунистическим лидерам признание музея важным идеологическим компонентом образовательного пространства, автор следует за известными западным специалистами, в меньшей степени обращая внимание на то обстоятельство, что данное положение в настоящее время разделяется большей частью отечественных и зарубежных ученых.

Автор подчеркивает, что экспозиция краеведческого музея практически ни в одном из музейных залов, посвященных истории развития России в дореволюционный, советский и постсоветский периоды, не дают систематических полных сведений об эвенках как народе или локальном эвенкийском сообществе данного региона с собственными историческими и культурными достижениями. В текстах экспозиций упоминается в краткой форме, что этническая культура эвенкийского сообщества региона была практически утрачена еще в дореволюционный период в связи с разорением оленеводческих хозяйств из-за климатических неблагоприятных условий, гибели коренного населения в результате эпидемий, отсутствия медицинской помощи. Религия эвенков в

форме шаманизма представлена как примитивные верования о природных явлениях, объяснения которых не могли иметь какого-либо логического и тем более научного смысла.

Музейная экспозиция, построенная на дихотомии «примитивного» и «современного», образно и вербально связанных с различными этническими социумами, служит утверждению превосходства принадлежности к общегосударственной культуре и гражданству в отличие от локального сообщества, обреченного на угасание и лишённого перспектив достижения столь же высоких результатов развития, считает автор статьи.

*Т.Б. Уварова**

* Уварова Татьяна Борисовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН, e-mail: ethn.uvarova.tb@inbox.ru

ЖИЗНЬ НАУКИ

XVII КРЫМСКИЕ ВОРОНЦОВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ «ВОРОНЦОВЫ И РУССКОЕ ДВОРЯНСТВО: МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ» и XV КРЫМСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ «МИР УСАДЕБНОЙ КУЛЬТУРЫ», Крым, Алупка, 27–28 сентября 2022 г.

Ключевые слова: XVII Крымские Воронцовские научные чтения; «Мир усадебной культуры».

Keywords: XVII Crimean Vorontsov Scientific Readings; “The World of Estate Culture”.

Для цитирования: Фадеева Т.М. XVII Крымские Воронцовские научные чтения «Воронцовы и русское дворянство: между Западом и Востоком» и XV Крымские научные чтения «Мир усадебной культуры», Крым, Алупка, 27–28 сентября 2022 г. (Сообщение) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 2. – С. 239–242.

XVII Крымские Воронцовские научные чтения «Воронцовы и русское дворянство: между Западом и Востоком» и XV Крымские научные чтения «Мир усадебной культуры» состоялись в Алупкинском музее-заповеднике при содействии Министерства культуры Республики Крым.

Нынешняя научная конференция приурочена к 100-летию юбилею Алупкинскому музея-заповедника. Первые Крымские Воронцовские чтения прошли в Алупке в 1998 г. и были посвящены важной дате – 150-летию дворца. Тогда определились и главные направления деятельности Чтений – это государственная, политическая, военная и культурно-просветительская деятельность Воронцовых, а также проблемы изучения русского дворянства, сочетавшего в себе традиции национальной, западноевропейской и восточной культуры. Научные чтения «Мир усадебной культуры»

впервые состоялись в 2000 г. Работа конференции направлена на изучение истории дворянских поместий, большей частью утраченных или пребывающих в разрушенном состоянии.

Программа Чтений включала Пленарное заседание, работу по секциям, а также круглые столы. Внимание выступающих сосредоточивалось (как и было предложено оргкомитетом) вокруг следующих направлений:

– Государственная, военная, просветительская и культурная деятельность Воронцовых.

– Русское дворянство: между Западом и Востоком.

– К 100-летию основания музея в Воронцовском дворце.

– Мир усадебной культуры. Взгляд в прошлое.

– Дворцы и усадьбы в России и Крыму.

Рабочие языки конференций: русский и английский. Форма участия – очная, заочная, дистанционная. По итогам конференции планируется традиционно издание её материалов в виде сборника.

Это межрегиональное научное мероприятие было посвящено изучению и всестороннему анализу жизни и деятельности представителей рода Воронцовых и проблеме сохранения уникального усадебного наследия дворянства, а также научно-исследовательской работе в области истории, музееведения, культурологии. В научно-практических конференциях приняли участие представители органов государственной власти в сфере культуры и искусства, ученые и исследователи (историки, философы, филологи, культурологи, музееведы, искусствоведы), а также писатели, журналисты, переводчики, преподаватели высших учебных заведений.

Пленарное заседание открыл директор ГАУК РК (Государственное автономное учреждение Республики Крым) «Алупкинский музей-заповедник» Александр Балинченко. В своем приветственном слове он напомнил гостям о том, что музей во все времена занимал важное место в воспитании и становлении личности. Именно музеи несут в массы ту самую подлинную историю, и сейчас как никогда нужно поддерживать и развивать музейное дело. Сейчас, когда пишется новая история, наша задача – отобразить эти события такими, какими они были на самом деле, передав правду будущему поколению.

Министр культуры Республики Крым Т.А. Манежина, приветствуя участников мероприятия, напомнила, что культура жива

и востребована и что на работах культуры лежит огромная ответственность за правдивость информации, которую они несут.

Продолжая приветственные слова, В.А. Горенкин (ректор Крымского ун-та культуры, искусств и туризма) поблагодарил за плодотворное сотрудничество Алупкинский музей-заповедник, пожелав дальнейших удачных совместных проектов. Также он напомнил, что сейчас, переживая трудные времена, русский мир в очередной раз честно и справедливо отстаивает свое цивилизационное право на самобытность в своих исконно исторических границах.

Я.А. Иванченко (Председатель наблюдательного совета Алупкинського музея-заповедника) от имени Совета министров Республики Крым передал слова приветствия для участников конференции, отметив важность данного события для научной и культурно-просветительской деятельности Российской Федерации. Также с приветственными словами обратились генеральный директор ГМЗ «Царское село» О.В. Таратынова и протоиерей Владислав Шмидт.

М.С. Сметанкина (замдиректора ГБУК ЛО «Музей-заповедник Парк Монрепо», г. Выборг), поблагодарив администрацию музея за предоставленную возможность участия в столь важном мероприятии, преподнесла Алупкинскому музею-заповеднику прекрасный подарок – саженец розы из парка Монрепо.

В рамках пленарного заседания со своими докладами выступили представители музейного сообщества (музеи-заповедники «Царское Село», «Гатчина», «Монрепо», «Царицыно», «Бородино» и др.).

Историк, архивист, заслуженный работник культуры АР Крым С.А. Андросов поделился исследованиями архива майоратного имения «Алупка» Воронцовых-Дашковых, находящегося в Государственном архиве Республики Крым.

Кандидат филол. наук И.О. Машенкова (преподаватель Тамбовского гос. ун-та им. Г.Р. Державина) представила свой доклад на тему «Деятельность Воронцовых в зеркале американской периодической печати конца XIX – начала XX в.».

Кандидат ист. наук Д.Г. Целорунго (зав. научно-исследовательским отделом Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника) рассказал о роли Михаила Семеновича

Воронцова в Бородинском сражении, о его храбрости и стальной воле. На итоговом заседании были подведены итоги конференций, содержащие обобщение всех поднятых научных, исследовательских и практических вопросов, формулирование предполагаемых путей решения, а также рекомендации по проведению следующих конференций. Также отмечалось, что при актуализации острых проблемных вопросов возможно составление документов – обращений в законодательные и исполнительные органы власти Республики Крым и Российской Федерации.

Т.М. Фадеева^{*}

^{*} Фадеева Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), e-mail: fadeewatatjana@yandex.ru.

VII МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «БИБЛИОТЕКА – ХРАНИТЕЛЬ И ПРОВОДНИК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ». Севастополь, 7–8 сентября 2022 г.

Ключевые слова: конференция «Библиотека – хранитель и проводник культурно-исторического наследия».

Keywords: Conference “Library as a guardian and conductor of cultural and historical heritage”.

Для цитирования: Фадеева Т.М. VII межрегиональная научно-практическая конференция «Библиотека – хранитель и проводник культурно-исторического наследия». Севастополь, 7–8 сентября 2022 г. (Сообщение) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 2. – С. 243–246.

7–8 сентября при поддержке Правительства Севастополя и Департамента культуры города прошла VII Межрегиональная научно-практическая конференция «Библиотека – хранитель и проводник культурно-исторического наследия», посвященная Году культурного наследия народов России. Встреча историков, краеведов, сотрудников библиотек, музеев, представителей учреждений образования, общественных организаций прошла по инициативе ГБУК г. Севастополя «Региональная информационно-библиотечная система» и некоммерческой организации «Севастопольская библиотечная ассоциация». В целом это знаковое городское мероприятие направлено на популяризацию культурно-исторического наследия, формирование нового информационно-коммуникативного пространства, расширение и укрепление межрегиональных связей, деловых партнерских отношений. В программе конференции: вопросы активизации краеведческой деятельности в регионе,

обмен опытом между специалистами библиотек, музеев, архивов, учреждений культуры, образования и сферы туризма.

Площадками двухдневного форума стали Центр гуманитарно-технической информации (библиотека-филиал № 5) и Центр межкультурных коммуникаций (библиотека-филиал № 12). В программе конференции: пленарное заседание, работа по секциям «Краеведение» и «Библиотечное дело», круглый стол «Уроки истории и традиции служения Отечеству».

Конференция с каждым годом привлекает к себе все большее внимание со стороны научной и культурной общественности Севастополя, Крыма, других регионов Российской Федерации. География участников этого года впечатляет: Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Омск, Томск, Тамбов, Ростов, Саратов, Энгельс, Пенза, Астрахань, Чебоксары и др. Впервые в конференции приняли участие коллеги из дружественного Узбекистана (городов Ташкент, Самарканд и Гулистан, поселка Янгибазар Юкори-Чирчикского района).

Почетными гостями на открытии конференции стали директор Департамента культуры города Севастополя И.В. Романец, председатель постоянного комитета Законодательного собрания города Севастополя II созыва по образованию, науке, культуре и спорту Е.Н. Глотова, директор Севастопольской Морской библиотеки Н.И. Краснолицкий, председатель общественной организации Исторический клуб «Севастополь Таврический» В.Н. Прокопенков, который передал в подарок библиотекам 500 книг по краеведению, изданных в севастопольском издательстве «Альбатрос». Екатерина Алтабаева, сенатор Российской Федерации, автор работ по «севастополеведению», приветствуя участников, сказала: «Я приняла участие в работе конференции, имеющей важное значение для популяризации краеведческого материала благодаря участию ведущих специалистов. Говорила с коллегами об особой роли исторического знания в нынешнее время. Вклад историков-краеведов, музейных и библиотечных работников в изучение и популяризацию истории нашего края невозможно переоценить. А объективная история Отечества, России складывается из небольших, ярких, запоминающихся новелл из прошлого ее регионов».

В ходе работы конференции рассматривались вопросы активизации краеведческой деятельности в регионе, шел обмен опытом

между специалистами библиотек, музеев, архивов, учреждений культуры, образования и сферы туризма. Ключевыми спикерами конференции традиционно становятся ведущие специалисты: историки, краеведы, научные сотрудники музеев, вузов, которые представляют свои исследования, имеющие важное значение для популяризации краеведческого материала. В этом году в работе конференции приняла участие исследователь и автор многих книг по истории Крыма канд. ист. наук Т.М. Фадеева (ИНИОН РАН, Москва), которая представила участникам новую книгу, посвященную истории Алупки, парка и дворца. На пленарном заседании были заслушаны доклады «К истории создания Алупкинського дворца: от краеведческого проекта к изданию как элементу продвижения краеведческого ресурса» (спикер – Т.М. Фадеева) и «История Севастопольского благочиния как объект исследования» (спикер – Н.М. Терещук, зав. архивом Заксобрания г. Севастополя, заслуженный архивист г. Севастополя).

От ГБОУ СОШ № 37 имени Героя Советского Союза С.А. Неустроева выступил учитель истории и руководитель школьного музея А.Н. Емец. Свой доклад он посвятил адмиралу А.П. Авинову, участнику Русско-турецких войн, герою Наваринского сражения, на протяжении многих лет начальнику Севастопольского порта и гарнизона, полному адмиралу и кавалеру множества российских и зарубежных орденов.

Во время работы двух секций конференции – «Библиотечное дело» и «Краеведение», были заслушаны 47 докладов, подготовленных специалистами библиотек, музеев, архивов, вузов.

Второй день форума по традиции прошел на базе библиотеки-филиала № 12 Центр межкультурных коммуникаций в формате круглого стола с участием представителей национально-культурных обществ города Севастополя. Тема этого года – «Уроки истории и традиции служения Отечеству» (об Эдуарде Тотлебене, известном военном инженерере, фортификаторе, герое обороны Севастополя во время Крымской войны 1853–1856 гг.). С интересными историческими исследованиями, посвященными этой выдающейся личности, выступили представители Севастопольского общества немцев «Возрождение», Т.М. Гордиенко, член Союза писателей России, член Европейского конгресса литераторов, член Творческого союза детских авторов России, заслуженный журна-

лист Украины, О.И. Малиновская, директор ГКУКС «Севастопольский городской национально-культурный центр». О 1100-летию принятия ислама волжскими булгарами рассказал волонтер РОО «Севастопольское национально-культурное общество казанских татар и башкир» Д.А. Измайлов. Официальную часть мероприятия завершил показ историко-познавательного документального фильма «Честь и верность. Генерал Тотлебен».

Проведение ежегодной Межрегиональной конференции предоставляет возможность специалистам музеев, библиотек, вузов, архивов, молодым ученым, исследователям, краоведам прекрасную площадку для встреч и обмена практическим опытом в сфере изучения и продвижения культурно-исторического наследия Севастополя и регионов Российской Федерации, распространения краеведческой культуры. Краеведческая работа – это непрерывный процесс, цель которого – обеспечение связи поколений, сохранение и передача знаний и традиций, создание условий для целостного духовного, интеллектуального и культурного развития личности.

*Т.М. Фадеева**

* Фадеева Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), e-mail: fadeewatatjana@yandex.ru

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РОССИЯ: ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ». Москва, 16–17 ноября 2022 г.

Ключевые слова: конференция «Россия: единство и многообразие».

Keywords: Conference “Russia: Unity and Diversity”.

Для цитирования: Петрухина Д.В. Всероссийская научно-практическая конференция «Россия: единство и многообразие». Москва, 16–17 ноября 2022 г. (Сообщение) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – № 2. – С. 247–251.

16–17 ноября 2022 г. в Москве состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Россия: единство и многообразие», приуроченная к 10-летию деятельности Совета при Президенте Российской Федерации по международным отношениям и реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

Целью конференции стало подведение итогов реализации основополагающего документа стратегического планирования – Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Организаторами конференции выступили Совет при Президенте Российской Федерации по международным отношениям, Министерство образования и науки России, Федеральное агентство по делам национальностей.

Широкий спектр и высокая актуальность рассматриваемых проблем обусловил разделение участников на восемь крупных секций, каждая из которых прошла на отдельной площадке в течение первого дня конференции. Пленарное заседание, на котором были изложены принятые на секциях решения и итоговая резолюция, состоялось во второй день в Президент-отеле.

Секцию 1 «Исторический опыт становления и развития многонационального Российского государства», руководителем которой выступил Ю.А. Петров, директор Института российской истории РАН, принял Дом Российского исторического общества. На секции были представлены доклады по вопросам истории формирования Российского государства и многонационального народа РФ.

Секция 2 «Стратегическое планирование, институциональные основы и правовое регулирование государственной национальной политики Российской Федерации» под руководством А.Ю. Полунова, заведующего кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, прошла в стенах Фундаментальной библиотеки МГУ. Участники секции обсудили проблемы нормативно-правового регулирования государственной национальной политики.

Секция 3 «Взаимодействие государства и общества: институты гражданского общества, национальные и молодежные объединения в сфере реализации государственной национальной политики» прошла в Общественной палате РФ. Под руководством В.Ю. Зорина, председателя комиссии по мониторингу и разрешению конфликтных ситуаций в сфере межнациональных отношений Совета, председателя комиссии Общественной палаты Российской Федерации по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений, на секции были рассмотрены механизмы взаимодействия властных структур с институтами гражданского общества, в том числе некоммерческими организациями, в рамках реализации государственной национальной политики.

В рамках секции 5 «Сохранение этнокультурного и языкового многообразия России», которую приняла Парламентская библиотека, прошли две подсекции: «Культура народов России» и «Языки народов России». Доклады участников были посвящены важнейшему направлению государственной национальной политики – сохранению культуры и самобытности народов России. Руководителем секции выступил Г.Ю. Семигин, председатель Комитета Государственной думы по делам национальностей.

Секция 6 «Современные вызовы обеспечению межнационального согласия в российском обществе: внешние и внутренние факторы, инструменты преодоления», руководителем которой вы-

ступил С.А. Бедкин, заместитель руководителя Федерального агентства по делам национальностей, прошла в стенах Российского университета дружбы народов. Участники обсудили проблемы межэтнического взаимодействия и пути достижения межнационального согласия в современных геополитических условиях.

На территории МГИМО МИД РФ была организована секция 7 «Русский мир как гарант обеспечения межнационального мира и согласия» под руководством Е.А. Примакова, руководителя Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. На секции рассматривались теоретические основы концепции Русского мира и механизмы ее практической реализации.

Секция 8 «Информационное сопровождение государственной национальной политики» прошла в Пресс-центре ТАСС и была посвящена роли средств массовой информации в достижении целей государственной национальной политики. Руководителем секции выступил А.А. Абрамян, президент Общероссийской общественной организации «Союз армян России», председатель Комиссии по вопросам информационного сопровождения государственной национальной политики Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям.

Российская академия наук принимала в своих стенах секцию 4 «Механизмы утверждения российской идентичности и гражданского согласия многонационального народа Российской Федерации», организаторами которой выступили Институт этнологии и антропологии РАН, Институт социологии РАН и Министерство образования и науки России. Руководили работой секции В.А. Тишков, академик РАН, заместитель председателя президиума Совета, научный руководитель Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, и М.К. Горшков, академик РАН, директор Федерального социологического центра РАН.

На секции были представлены результаты исследований в рамках государственных проектов, посвященных различным аспектам проявления общероссийской гражданской идентичности. В частности, были освещены результаты социологических опросов граждан страны об отношении к официальным и неофициальным символам России и контент-анализа медиа-источников в контексте формирования общероссийских ценностей. Особой темой секции

стали перспективы развития коренных малочисленных народов России, в том числе сохранение их этнической идентичности. В значительной части докладов рассматривалось отношение молодежи разных регионов России к культурным ценностям, поводам для гордости за страну и ключевым событиям российской истории.

Большой интерес у участников секции вызвали доклады М.А. Горшкова (Федеральный социологический центр РАН) на тему «Массовое историческое самосознание и национально-государственные символы в контексте укрепления российской идентичности», А.В. Головнева (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН) на тему «Коренные малочисленные народы России: проблемы и перспективы», М.Ю. Мартыновой (ИЭА РАН) на тему «Общегражданские и социокультурные ценности в восприятии российской молодежи: национальное единство и этнокультурное многообразие». Проблемы формирования общероссийской идентичности были также освещены с точки зрения философии и психологии. Институт демографических исследований ФСНИЦ РАН представил эксклюзивное издание «Миграционного атласа Российской Федерации».

В рамках своего доклада «Население пограничных территорий России: динамика групповых идентичностей, отношение к гражданству, миграционные риски» Д.А. Функ, директор Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, озвучил конструктивные предложения по внесению дополнений в будущую редакцию Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Коротко их можно описать как расширение социально-экономической поддержки приграничных субъектов РФ и разработку мер против снижения российской идентичности в регионах, где проживают народы России, имеющие близкородственные этнические группы в сопредельных государствах.

От ИНИОН РАН в секции 4 приняла участие Д.В. Петрухина, научный сотрудник отдела истории, выступившая с докладом «Российская идентичность и межэтническое взаимодействие в системе общего образования». В представленном исследовании анализировались механизмы и инструменты развития российской национальной идентичности, используемые в системе общего образования, а также проблемы соответствия и преемственности

между целями, поставленными в нормативных документах, и средствами их достижения в учебной литературе и педагогической практике.

За прошедшее десятилетие в рамках реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года было проведено большое количество мероприятий, направленных на гармонизацию межнациональных отношений, укрепление дружбы и сотрудничества проживающих в России этнических общностей, поддержку коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, сохранение российского культурного наследия. В целях обеспечения равноправия граждан России независимо от их этнической, религиозной и социальной принадлежности регулярно осуществлялись мониторинги обращений и сообщений средств массовой информации. Основными событиями, направленными на этнокультурное и духовное развитие народов России, стали ежегодные просветительские акции, фестивали, форумы и другие научные мероприятия.

Всероссийская научно-практическая конференция «Россия: единство и многообразие» позволила собрать воедино результаты исследований теории и практики реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, выявить существующие проблемы и наметить пути их решения в будущем.

*Д.В. Петрухина**

* Петрухина Дарья Валерьевна – научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), e-mail: darkamercante@gmail.com

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 5

ИСТОРИЯ
2023 – № 2

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор М.П. Крыжановская

Подписано к печати 25.04.2023

Формат 60×84/16

Печать офсетная

Усл. печ л. 15,75

Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)

Бум. офсетная № 1

Цена свободная

Уч.-изд. л. 12,4

Заказ №

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН),**
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У